



*Десять
негрят*

АГАТА
КРИСТИ

Annotation

Агата Кристи была великой женщиной. Мало кто мог столь успешно совмещать две, казалось бы, взаимоисключающие роли: автора леденящих душу детективов и образцовой домохозяйки.

«Десять негритят» сама писательница считала лучшим своим произведением. Читатели вполне солидарны с ней – у книги лучшие продажи.

Итак, скалистый остров, на котором собрались десять незнакомых друг с другом людей. Они не знают, что им предстоит повторить судьбу персонажей известного детского стишка про десять негритят.

- [Агата Кристи](#)
 -
 - [Примечание автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [Глава 2](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)

- [XII](#)
- [Глава 3](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [Глава 4](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
- [Глава 5](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
- [Глава 6](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
- [Глава 7](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [Глава 8](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
- [Глава 9](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)

- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [Глава 10](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
- [Глава 11](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
- [Глава 12](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
- [Глава 13](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [Глава 14](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
- [Глава 15](#)
 - [I](#)
 - [II](#)

- [III](#)
 - [IV](#)
 - [Глава 16](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [Эпилог](#)
 -
 - [Рукопись, присланная в Скотленд-Ярд хозяином рыболовного судна «Эмма Джейн»](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Агата Кристи

Десять негритят

*Карло и Мэри
Эта книга для них,
посвящается им с
любовью.*

Agatha Christie
And Then There Were None
Copyright © 1939 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

www.agathachristie.com

© Екимова Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Примечание автора

Я написала эту книгу потому, что это было очень трудно технически, и идея преследовала меня неотступно. На глазах читателя должны были произойти десять убийств, причем так, чтобы это было не смешно и не очевидно. Прежде чем начать писать, я прошла через длительный период планирования, результатами которого осталась довольна. Вещь получилась простой, внятной и ошеломительной и в то же время имела вполне разумное объяснение; для него, однако, потребовался эпилог. Книгу хорошо приняли читатели и критики, но больше всего была довольна результатом я сама – ведь никто лучше меня не знал, как это было непросто.

Из «Автобиографии»

Десять негрятят решили пообедать,
Один внезапно подавился – их осталось девять.

Девять негрятят уселись под откосом,
Один заснул и не проснулся – их осталось восемь.

Восемь негрятят отправились в Девон,
Один не возвратился – остались всемером.

Семь негрятят дрова рубили топором,
Перерубил один себя – остались шестером.

Шесть негрятят пошли на пасеку играть,
Одного ужалил шмель – и их осталось пять.

Пять негрятят суд учинить решили,
Приговорили одного – осталось их четыре.

Четыре негритенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок – и их осталось трое.

Трое негрятят в зверинце очутились,

Одного задрал медведь – и двое получилось.

Двое негрят пошли на солнышке валяться,
Один до смерти обгорел – чтоб одному остаться.

Последний негренок, вздыхая тяжело,
Пошел, повесился – и вот не стало никого.

Глава 1

I

В вагоне первого класса для курящих судья Уоргрейв – недавно в отставке – сидел в уютном уголке и, попыхивая сигарой, с интересом просматривал политические новости в «Таймс».

Отложив газету, он посмотрел в окно. Поезд шел через Сомерсет. Судья взглянул на часы – еще два часа в дороге.

Он перебрал в уме все, что в последнее время появлялось в газетах о Негритянском острове. Сначала крошечный островок в паре миль от побережья Девона приобрел один американский миллионер, помешанный на яхтах, и построил на нем роскошный дом со всеми современными удобствами. К несчастью, оказалось, что его новая, третья по счету, супруга не выносит качки, и дом вместе с островом выставили на продажу. Газеты запестрели многочисленными цветистыми объявлениями. Затем последовало скупое сообщение о покупке дома неким мистером Оуэном. И тут газетные писаки пустились во все тяжкие. На самом деле Негритянский остров купила не кто иная, как мисс Габриэль Терл, голливудская кинозвезда. Она собиралась провести там несколько месяцев вдали от людских глаз. «Трудовая пчела» деликатно намекала, что острову предстояло стать обителью члена королевской семьи?! Мистеру Мерриуэзеру шепнули, что там намерен провести свой медовый месяц молодой лорд Л., наконец-то сраженный стрелой Купидона. А Джонасу было достоверно известно, что остров приобретен Адмиралтейством с целью проведения на нем каких-то невероятно секретных испытаний.

Негритянский остров определенно стал сенсацией.

Судья Уоргрейв извлек из кармана письмо. Почерк был практически нечитаемый, однако отдельные слова выступали из общей текстовой вязи удивительно ясно. «Дорогой Лоуренс... сколько лет я ничего о тебе не знаю... должен приехать на Негритянский остров... самое очаровательное место в мире... о нем столько говорят... прежние времена... единение с природой... ближе к солнцу... в 12.40 с вокзала Паддингтон... встретимся в Оуксбридже...» И подпись с замысловатыми завитушками: «Констанция Калмингтон».

Судья Уоргрейв задумался, вспоминая, когда же он видел Констанцию Калмингтон в последний раз. Лет, наверное, семь... нет, восемь лет назад, точно. Помнится, она еще собиралась в Италию, к

тамошнему солнцу, природе и контадини^{[\[1\]](#)}. Позже, он слышал, она перебралась в Сирию, где солнце палит неумолимо, а кругом пустыня и бедуины.

Констанция Калмингтон, подумал он про себя, как раз та особа, которой станется купить остров и окружить его тайной! Мерно покачивая головой, словно одобряя ход своих мыслей, судья Уоргрейв заклевал носом...

И уснул.

II

Вера Клейторн в купе вагона третьего класса, где ей составляли компанию еще пятеро пассажиров, откинулась на спинку и закрыла глаза. До чего же жарко сегодня в поезде! И как хорошо будет оказаться у моря! Нет, с этой работой ей определенно повезло. Когда ищешь летнюю подработку у моря, неизбежно предлагают места гувернанток с целыми выводками ребятишек, секретарские же вакансии попадают крайне редко. В агентстве, куда она обратилась, ее с самого начала не обнадежили.

А потом вдруг пришло это письмо...

Сведения о вас вместе с рекомендациями я получила из Агентства по найму квалифицированного женского персонала. Насколько я поняла, они знают вас лично. Рада предложить вам работу за те деньги, которые вы просите, и ожидаю, что вы приступите к выполнению своих обязанностей восьмого августа. Поезд уходит с Паддингтона в 12.40, на станции Оукс-бридж вас встретят. На расходы прилагаю пять купюр по одному фунту стерлингов.

Ваша

Анна Нэнси Оуэн

И штемпель с адресом сверху: «Негритянский остров, Стиклхэвн, Девон»...

Негритянский остров! В газетах в последнее время только о нем и пишут. И все слухи и домыслы... Ни слова правды, скорее всего. Однако дом, причем роскошный, на самом деле выстроил миллионер.

Вера Клейторн, утомленная последним, самым тяжелым школьным семестром, подумала: «Должность учительницы физкультуры в третьеразрядной школе для девочек не бог весть какая удача. Если бы мне повезло добыть место поприличнее...»

И тут же с захолонувшим сердцем подумала: «Хорошо, что хотя бы туда взяли. Упоминание о коронерском расследовании личное дело не украшает, пусть с меня и сняли все обвинения!»

Помнится, тогда она еще поздравила себя с тем, что ей не изменили твердость и присутствие духа. Дознание прошло как нельзя лучше. И миссис Хэмилтон была с ней сама доброта... только Хьюго... не надо

сейчас думать о Хьюго!

Вдруг, несмотря на духоту в вагоне, она почувствовала, что зябнет, и даже пожалела, что едет к морю. Перед ее внутренним взором встала отчетливая картинка. Сирила несет на скалы, его голова покачивается на волнах, точно буй... вверх-вниз, вверх-вниз... и она сама, уверенными гребками рассекая волны, плывет за ним, точно зная, что не успеет, на этот раз не успеет...

Море... его теплая глубокая синева... утра, проведенные на гладком песочке... Хьюго... Хьюго, который твердил ей, что любит...

Не надо думать о Хьюго...

Открыв глаза, она нахмурилась, глядя на мужчину напротив. Высокий, загорелый, светлые, немного слишком близко посаженные глаза и высокомерный, даже жестокий рот.

Она подумала:

«Вот уж кто наверняка где только не побывал и чего только не повидал...»

III

Филипп Ломбард, окинув девушку напротив быстрым взглядом, сказал себе: «Ничего, симпатичная; немного похожа на учительницу, правда».

К тому же хладнокровна и своего не упустит, ни в любви, ни на войне. С такой стоило бы познакомиться поближе...

Тут он нахмурился. Нет, это надо выбросить из головы. Он едет туда по делу. Значит, думать следует только о работе.

Интересно, что там у них все-таки затевается? Тот коротышка-еврей ничего ему толком не объяснил.

– Вы должны либо согласиться, либо отказаться, капитан Ломбард.

– Сто гиней, говорите? – задумчиво переспросил он.

Прозвучало это небрежно, так, словно для него сотней гиней больше, сотней меньше – особого значения не имеет. Сто гиней для человека, которому уже приличный обед купить не на что! Однако еврей, похоже, не обманул его тоном – их не проведешь, этих евреев, они всегда насквозь видят человека и его карман...

И так же небрежно он спросил:

– Значит, никакой дополнительной информации вы мне не дадите?

Мистер Исаак Моррис решительно покачал маленькой плешивой головой:

– Нет, капитан Ломбард, это все, что мне позволено вам сообщить. Моему клиенту стало известно, что у вас репутация надежного человека, умеющего действовать в рискованных обстоятельствах. Я уполномочен вручить вам сто гиней, в обмен на которые вы должны будете поехать в Стиклхэвн, что в Девоне. Ближайшая железнодорожная станция – Оуксбридж; там вас встретят и довезут в автомобиле до берега, откуда в моторной лодке переправят на Негритянский остров. Ступив на его берег, вы окажетесь в распоряжении моего клиента.

– Надолго? – отрывисто спросил Филипп.

– Нет, самое большее, на неделю.

Поглаживая усы, капитан Ломбард сказал:

– Вы ведь понимаете, что я не могу браться за... противозаконные дела?

С этими словами он метнул на собеседника острый взгляд. Толстые семитские губы мистера Морриса чуть заметно изогнулись в улыбке,

когда он серьезно ответил:

– Если сделанное вам предложение окажется противозаконным, вы имеете полное право отказаться от него.

Черт бы побрал этого мелкого наглеца, еще и улыбается! Как будто знает, что в прошлом мысль о законности или незаконности того или иного предприятия никогда не останавливала Ломбарда...

Губы капитана раздвинулись в ответной усмешке.

Да, было дело, разок-другой ему довелось забрать очень круто к ветру. Но все всегда сходило ему с рук! И вообще он человек свободных принципов...

Да, вот именно. И он решил, что на Негритянском острове ему будет весело.

IV

В вагоне для некурящих восседала мисс Эмили Brent, по своему всегдашнему обыкновению, с прямой, как палка, спиной. В свои шестьдесят пять она не одобряла тех, кто сидел развалившись или откинувшись. Ее отец, полковник старой закваски, был особенно придиричив к осанке. Не то что нынешнее расхлябанное поколение – распушенность видна у них и в манере держать себя, и во всем...

Окруженная аурой непогрешимой добродетели и нестигаемых принципов, мисс Brent сидела в переполненном вагоне третьего класса и торжествовала над жарой и неудобствами. Сколько шума поднимают в наши дни люди из-за сущих пустяков! Приходят рвать зубы, так подавай им укол; не могут заснуть – пьют таблетки; сидят только в креслах, да еще с подушками; девушки позволяют себе щеголять без корсетов, а уж на пляжах и вовсе чуть не голышом валяются...

Мисс Brent поджала губы. Брали бы лучше пример с нее.

Ей вспомнились прошлогодние каникулы. В этом году все будет по-другому. Негритянский остров...

И она снова вспомнила письмо, которое уже знала наизусть.

Дорогая мисс Brent,

Надеюсь, Вы меня не забыли? Мы познакомились несколько лет тому назад, в августе, в пансионе Беллхэвн, и у нас с Вами оказалось немало общего.

Я открываю свой пансион на острове недалеко от побережья Девона. Думаю, что место с простой, но хорошей кухней для приличных людей старой закалки всегда найдет своего постояльца. Никаких полураздетых девиц и граммофонов до полуночи. Буду очень рада, если Вы сочтете возможным провести часть лета со мной, на Негритянском острове – совершенно бесплатно, разумеется, в качестве моей гостьи. Будет ли Вам удобно в начале августа? Числа, скажем, восьмого.

Искренне Ваша,

У.Н.О.

Что же это за имя? Подпись такая неразборчивая... Эмили Brent с раздражением подумала: «Люди сейчас подписываются совершенно непонятно».

Она перебрала в памяти всех, с кем встречалась в Беллхэвне. Туда она ездила два лета подряд. Была там одна милая дама средних лет... мисс... мисс... ну как же ее звали?.. у нее еще отец был каноником. И еще некая мисс Олтон... Ормен... Да нет же, Оливер! Ну, конечно, Оливер.

Негритянский остров! В прессе в последнее время много о нем писали – что-то про американскую кинозвезду... или миллионера?

Да, подобные места часто продаются по дешевке – не всем ведь нужен остров. Сначала, конечно, романтика, уединение, но поживешь там какое-то время, хлебнешь неудобств по горло, и уже не терпится от него избавиться.

«Зато я сэкономлю на отдыхе», – подумала Эмили Брент.

С тех пор как перестали выплачиваться дивиденды по многим акциям, ее доходы сократились настолько, что подобные соображения уже нельзя было не принимать во внимание. Жаль, что она почти не помнит эту миссис – или мисс? – Оливер.

V

Генерал Макартур глянул в окно. Поезд уже въезжал в Эксетер, где ему предстояла пересадка. Черт бы побрал эти провинциальные ветки! По прямой-то до этого Негритянского острова рукой подать.

Он так толком и не понял, кто такой этот Оуэн. Знакомый Надувалы Леггарда вроде – и Джонни Дайера тоже.

«...Будут еще двое-трое армейских приятелей – поговорим о старых добрых временах».

Поболтать-то он всегда не прочь. Правда, в последнее время ему все чаще кажется, что люди его как-то сторонятся. А все из-за дурацких сплетен! «Богом клянусь, жестоко, – тридцать лет уже прошло! Армитедж проболтался, не иначе...» Нахальный молодой щенок! Да что он вообще о нем знает? Хотя ладно, что толку теперь думать об этом! Бывает иногда, почудится что-нибудь – вот и кажется, что люди на него странно смотрят.

А на Негритянский остров взглянуть будет интересно. О нем столько болтают... И, похоже, что в слухах о том, будто его купило то ли адмиралтейство, то ли военное министерство, то ли военно-воздушное ведомство, что-то есть...

Дом построил молодой Элмер Робсон, миллионер-американец. Говорят, вгрохал в него целые тысячи. Какой только роскоши там нет...

Эксетер! Ну, вот, теперь жди еще час. Он не хотел ждать. Он хотел ехать дальше...

VI

Доктор Армстронг вел свой «Моррис» по Солсберийской равнине. Он очень устал... Успех имеет и обратную сторону. Было время, когда он сидел в своем кабинете на Харли-стрит^[2] в безукоризненном костюме, в окружении самых современных приборов и самой роскошной мебели и ждал – ждал, когда пустые дни закончатся, и у него либо появится шанс, либо его постигнет поражение...

И вот он преуспевающий врач! Ему повезло! Хотя дело, конечно, не только в везении, но и в умении. А он хорошо знает свою профессию – хотя порою для успеха этого недостаточно. Удача все равно много значит. И она была на его стороне! Один точно поставленный диагноз, пара благодарных пациенток – женщин с деньгами и положением, – и о нем заговорили в обществе. «Попробуйте обратиться к Армстронгу... он совсем молодой... но уже такой опытный... Пэм годами ходила от одного врача к другому, и бесполезно, а он с первого раза поставил точный диагноз!» И покатило, как ком с горы.

Теперь доктор Армстронг был тем, кем лишь мечтал когда-то стать. Его рабочие часы расписаны на много дней вперед. На отдых совсем нет времени. Вот почему в это августовское утро он был рад покинуть Лондон и провести несколько дней на острове у девонширского побережья. Хотя и там его ждал не отдых. В полученном им письме его задача была обрисована довольно смутно, зато приложенный к письму чек был вполне конкретным. Просто огромный гонорар. Должно быть, у этих Оуэнов денег куры не клюют. Небольшое затруднение – муж беспокоится о состоянии здоровья супруги и хочет получить консультацию профессионала, но так, чтобы дама ничего не знала. Она и слышать не хочет ни о каких докторях. У нее, видите ли, нервы...

Нервы! Брови доктора поползли вверх. Ох уж эти женщины и их нервы! Но ничего, зато для бизнеса польза. У половины его пациенток нет ровно никаких проблем со здоровьем, просто занять себя нечем, но попробуй только скажи им об этом! Вот и приходится выкручиваться. «Не вполне удовлетворительное состояние (здесь следует длинное ученое слово), ничего серьезного, но небольшое медицинское вмешательство вполне уместно. Назначим простое лекарство...»

Что ж, успех врача как раньше, так и теперь зависит, по большей части, от веры в него больного. А Армстронг обладал приятными

манерами и умел внушить доверие пациентам, и особенно пациенткам.

Счастье, что ему удалось взять себя в руки после того случая десять... нет, пятнадцать лет тому назад. А ведь он едва его не прикончил! Так бы и пошел вразнос... Но страх помог ему собраться. И бросить пить, совсем. Да, можно сказать, пронесло...

Тут мимо него, оглушительно сигналив, на скорости восемьдесят миль в час промчался роскошный автомобиль, «Суперспортс Далмейн». Доктор Армстронг чуть не въехал в живую изгородь. Один из этих молодых кретинов, что вечно носятся в провинции по дорогам... Как они его раздражают. Тоже ведь, можно сказать, пронесло. Дурак чертов!

VII

Тони Марстон, на полном ходу врываясь в деревушку под названием Мир, думал про себя так:

«До чего же много развелось этих водителей-черепах, просто жуть. Вечно кто-нибудь из них торчит на дороге! Да еще обязательно норовит вылезти на самую середину! Безднадежное это дело, садиться за руль в Англии... Не то что во Франции – вот там есть где разогнаться!»

Остановиться здесь, пропустить стаканчик, что ли? Все равно времени море. Ехать осталось всего каких-то сто миль. Да, пожалуй, можно выпить джина с имбирным пивом. День сегодня чертовски жаркий!

Зато на острове будет хорошо – если, конечно, погода не испортится. Интересно, кто же такие эти Оуэны? Богаты, поди, до неприличия. У Бэджера на таких нюх. Оно и понятно – когда своих денег нет, приходится вертеться...

Надеюсь, на выпивку они там не скупятся. Черт их знает, этих нуворишей в первом поколении... и жалко, что история насчет Габриэль Терл оказалась неправдой. Неплохо было бы потереться в компании кинозвезд.

А тут хорошо, если хоть пара девушек будет...

Выходя из отеля, он потянулся, зевнул, взглянул на небо и сел в свой «Далмейн».

Местные девушки уже с обожанием глядели ему вслед: еще бы – шесть футов спортивного мужского тела, курчавые волосы, загорелое лицо, ярко-голубые глаза...

Выжав до конца сцепление, он с ревом вырвался на узкую деревенскую улицу. Старики и мальчишки-посыльные шарахнулись в разные стороны. Последние с восхищением оглядывались на автомобиль.

Энтони Марстон продолжал свой триумфальный путь.

VIII

Мистер Блор ехал медленным поездом из Плимута. В его купе был всего один пассажир: старый моряк с мутным взглядом. Да и тот в данный момент уютно похрапывал в своем уголке.

Мистер Блор аккуратно записывал что-то в блокнот.

– Вот они все, – буркнул он себе под нос. – Эмили Брент, Вера Клейторн, доктор Армстронг, Энтони Марстон, старый судья Уоргрейв, Филипп Ломбард... Генерал Макартур, кавалер ордена Святого Михаила и Георгия и ордена «За боевые заслуги»... Дворецкий с супругой: мистер и миссис Роджерс...

Закрыв блокнот, мистер Блор положил его в карман и бросил взгляд на моряка в углу.

– Итого девять, – подвел он итог, ибо во всем любил аккуратность, и еще раз старательно перебрал в памяти все, что ему было известно об этом деле.

«Работенка непыльная, – размышлял про себя Блор. – Оступиться вроде не на чем. Надеюсь, мой вид подозрений не вызовет».

Он встал и принялся разглядывать себя в окно, как в зеркало. Оттуда на него глядело лицо с усами, подстриженными на армейский манер. Не слишком выразительное. Серые глаза посажены немного близко.

– Может, назваться майором? – продолжал размышлять вслух мистер Блор. – Нет, нельзя, там же будет этот военный старикашка. Он меня сразу раскусит... Южная Африка, – сказал он, – вот именно! Никто из них в Южной Африке не бывал, а я только что прочел целую подборку рассказов о путешествиях, так что наболтать что-нибудь смогу.

К счастью, в колониях попадают разные люди. Мистер Блор полагал, что в роли южноафриканца со средствами он не вызовет подозрения ни в каком обществе.

Негритянский остров. Он бывал там в детстве... Вонючая, обгаженная чайками скала примерно в миле от берега.

И придет же людям охота строиться в таком месте! В плохую погоду там с тоски помереть недолго! Но у богатых свои причуды.

Старик в углу проснулся и сел со словами:

– Море ненадежное – нет, ненадежное!

– Верно, верно, – поддакнул мистер Блор. – Еще какое ненадежное.

Старик дважды икнул и плаксиво продолжил:

– Будет шторм.
– Нет, нет, старина, день сегодня отличный, – возразил мистер Блор.
Старик сердито пробурчал:
– Шторм идет. Я его чую.
– Что ж, может быть, и так, – согласился мистер Блор, не желая спорить.

Поезд подъехал к станции, встал, и старик, пошатываясь, поднялся.

– Моя оштановка. – И начал открывать окно.

Мистер Блор помог ему найти дверь. Старик встал на пороге. Воздел торжественно руку, подслеповато моргнул.

– Молищ и шмотри, – прошепелявил он. – Молищ и шмотри.
Шудный день ближок.

И выпал на перрон. Оттуда он, полулежа, посмотрел на Блора и с неколебимым достоинством произнес:

– Это я вам говорю, молодой щеловек. Шудный день ближок.

Опускаясь на сиденье, мистер Блор думал: «Твой Судный день куда ближе моего!»

Но тут он, как скоро выяснится, ошибся...

Глава 2

I

Четыре человека стояли у здания вокзала в Оуккбридже, не зная, куда им идти. Возле каждого с чемоданами в руках ждали носильщики. Один из них крикнул:

– Джим!

Вперед вышел водитель такси.

– Вам случайно не на Негритянский остров? – спросил он с мягким акцентом уроженца Девона. Четыре человека ответили согласием – и тут же украдкой смили друг друга быстрыми взглядами.

Шофер, адресуясь теперь к судье Уоргрейву, как старшему среди них, продолжил:

– Здесь две машины, сэр. Одна должна дожидаться медленного поезда из Эксете́ра – до него осталось минут пять; на нем прибудет еще один джентльмен. Может быть, кто-нибудь из вас согласится подождать? Так вам будет удобнее.

Вера Клейторн, ни на секунду не забывая о своей секретарской должности, ответила сразу.

– Я подожду, – сказала она, – если вы поедете. – Ее взгляд и голос выдавали человека, привыкшего распоряжаться другими по роду занятий. Она и сейчас словно делила девочек на пары для игры в теннис.

Мисс Брент чопорно ответила: «Благодарю», – наклонила голову и села в ближайшее такси, а шофер придержал для нее дверцу.

Судья Уоргрейв последовал за нею.

– Я подожду с мисс... – сказал капитан Ломбард.

– Клейторн, – отозвалась Вера.

– Меня зовут Ломбард, Филипп Ломбард.

Носильщики уже грузили в такси багаж. В салоне судья Уоргрейв с присущей его профессии осмотрительностью завел ничего не значащий разговор:

– Прекрасная нынче погода.

– Да, действительно замечательная, – ответила мисс Брент.

«В высшей степени почтенный пожилой джентльмен, – подумала она про себя. – В приморском пансионе таких, как он, нечасто встретишь. Видимо, эти Оуэны и впрямь люди со связями...»

Тем временем Уоргрейв продолжал:

– Вы хорошо знаете эти места?

– Я бывала в Корнуолле и в Торки, но в этой части Девона впервые.

– Я также незнаком с этой местностью, – сказал судья.

Такси отъехало.

Водитель второй машины предложил:

– Не хотите посидеть внутри до прихода поезда?

Вера решительно ответила:

– Нет, спасибо.

Капитан Ломбард улыбнулся и произнес:

– Вон та освещенная солнцем стена кажется мне гораздо привлекательнее. Или, может быть, вы предпочтете пройти внутрь станции?

– Вовсе нет. После духоты вагона так приятно побыть на свежем воздухе.

– Да, ездить поездом в такую жару настоящее испытание, – ответил он.

Вера предсказуемо добавила:

– Хорошо бы она все-таки постояла – я имею в виду жару. Английское лето так обманчиво...

Ломбард, не претендуя на оригинальность, спросил:

– Вы хорошо знаете эти места?

– Нет, я никогда не бывала здесь прежде. – И она торопливо добавила, решив с самого начала четко обозначить свое положение: – Я еще даже не видела мою нанимательницу.

– Вашу нанимательницу?

– Да, я секретарь миссис Оуэн.

– А, понятно. – Его манера обращения к ней тут же переменялась, хотя и едва заметно. Прибавилось уверенности, легче стал тон. – Разве это не странно? – спросил он.

Вера рассмеялась:

– Ничего странного. Ее секретарша внезапно заболела, она отправила телеграмму в агентство, прося замену, агентство выбрало меня.

– Вот, значит, как... А что, если вам не понравится работа, когда вы уже приедете на место?

Вера снова засмеялась:

– Но это же временно – только до конца лета. Вообще-то я работаю – в школе для девочек. По правде говоря, я просто дрожу от нетерпения, до того мне хочется увидеть Негритянский остров. В газетах столько о нем писали... Так что мне, можно сказать, повезло, как вы думаете?

– Не знаю, – ответил Ломбард. – Я сам его еще не видел.

– Вот как? Наверное, Оуэнам он ужасно нравится... А что они за люди? Умоляю, расскажите.

«Вот невезение, – подумал Ломбард. – Что мне сказать – притвориться, что я их знаю, или не стоит?»

И он торопливо сказал:

– Рядом с вами оса – сейчас на руку сядет. Нет... не двигайтесь. – И он убедительно изобразил повадку человека, пытающегося поймать осу. – Ну, вот... Улетела.

– О, спасибо. Этим летом так много ос...

– Да, наверное, из-за жары... Кого мы ждем, не знаете?

– Понятия не имею.

Раздался громкий протяжный свист приближающегося паровоза.

– Должно быть, это тот поезд, – произнес Ломбард.

У выхода с платформы показался высокий старик с выправкой военного. Его серебристые волосы были коротко подстрижены, седые усы щеточкой топорщились над верхней губой. Носильщик, слегка сгибаясь под тяжестью солидного кожаного чемодана, указал ему на Ломбарда и Веру.

Вера на правах официального лица решительно шагнула вперед и сказала:

– Я секретарь миссис Оуэн. Нас ждет автомобиль. – И добавила: – А это мистер Ломбард.

Старческие бледно-голубые глаза, сохранившие, однако, пронизательность, взглянули на Ломбарда. Будь молодые люди внимательнее, то сразу поняли бы, какое он составил о нем мнение.

«Симпатичный парень. Хотя что-то в нем есть от афериста...»

Все трое двинулись к такси. Машина провезла их по улочкам сонного маленького Оуккбриджа и выехала дальше, на большую плимутскую дорогу. Свернув с нее, она углубилась в лабиринт проселков, ныряющих с холма на холм под навесом деревьев, как лесные тропы.

Генерал Макартур произнес:

– Я совсем не знаю этой части Девона. У меня самого небольшой дом в этом графстве, но на востоке, почти на границе с Дорсетом.

– Тут и вправду очень мило, – сказала Вера. – Холмы, краснозем, все кругом цветет, зеленеет...

– Тесновато как-то... – критически заметил Филипп Ломбард. – Я люблю места, где больше простора. Чтобы видна была перспектива...

– Вы, надо полагать, повидали мир? – спросил генерал Макартур.

Ломбард пренебрежительно пожал плечами:

– Да, меня поносило по свету, сэр.

А сам подумал:

«Сейчас он спросит, сколько мне было лет во время войны^[3]. С этими стариками всегда одно и то же».

Но генерал Макартур не обмолвился о войне ни словом.

II

Перевалив через крутой гребень холма, дорога стала спускаться к Стиклхэвну – так называлась даже не деревушка, а кучка домов с парой-тройкой рыбацких лодок на берегу.

В лучах закатного солнца к югу от берега из волн вставал Негритянский остров.

Вера удивленно сказала:

– О, а он, оказывается, далеко.

Остров представлялся ей иначе – ближе к берегу, с прекрасной белой виллой на вершине. Но никакой виллы не было, только скала чернела на фоне неба, резкими очертаниями смутно напоминая человеческую голову с толстыми губами и носом. В ней было что-то зловещее. Вера поежилась.

У маленькой гостиницы под названием «Семь звезд» сидели трое. Она издалека разглядела сутулые плечи судьи, прямую спину мисс Брент и еще кого-то третьего – высокого корпулентного мужчину, который подошел к автомобилю и представился.

– Мы тут решили вас подождать, – сказал он. – Чтобы не гонять лодку дважды. Позвольте представиться. Мое имя Дэвис. Наталь, в Южной Африке, – моя родина, ха, ха!

И он сердечно засмеялся.

Судья Уоргрейв бросил на него откровенно недоброжелательный взгляд. Судя по всему, ему очень хотелось отдать распоряжение очистить залу суда. Мисс Эмили Брент никак не могла решить, симпатичны ей выходцы из колоний или не очень.

– Кто-нибудь хочет промочить горло на дорожку? – обратился мистер Дэвис ко всем.

Никто не ответил согласием на его радушие, и он, повернувшись спиной, поманил кого-то пальцем, сказав:

– Ну, нет, так нет. Наши хозяева и так нас, наверное, заждались.

Возможно, мистер Дэвис заметил ничем не объяснимую скованность, овладевшую вдруг всеми. Гости как будто оцепенели при одном упоминании о хозяевах.

В ответ на жест Дэвиса от стены напротив отделился какой-то человек и подошел к ним. Походка вразвалочку выдавала в нем моряка. У него было загорелое лицо, а его темные глаза словно избегали

смотреть на собеседника прямо. Он заговорил мягко, как все девонширцы.

– Вы готовы отправиться на остров, леди и джентльмены? Лодка ждет. Подъедут еще два джентльмена на автомобилях, но они могут прибыть когда угодно, так что мистер Оуэн распорядился их не ждать.

Все встали. Моряк вывел их на небольшой каменный причал. Рядом покачивалась на волнах моторная лодка.

– Это очень маленькая лодка, – сказала Эмили Брент.

Владелец плавучего средства начал ее убеждать:

– Хорошая лодка, мадам. До Плимута дойдет, и глазом моргнуть не успеете.

– Нас ведь много, – резко произнес судья Уоргрейв.

– Случалось ей брать и больше.

Филипп Ломбард беззаботно бросил:

– Все будет в порядке. Погода отличная, не штормит.

Не без колебаний мисс Брент позволила проводить себя в лодку первой. Остальные последовали за ней. Никакого единства в компании по-прежнему не наблюдалось. Приглашенные на остров словно недоумевали каждый про себя, что здесь делают остальные.

Хозяин лодки уже собирался оттолкнуться от причала, но так и застыл с багром в руке.

По крутой дороге, ведущей с холма вниз, к деревне спускался автомобиль. Он был фантастически мощен и столь безупречно красив, что походил на видение. За рулем сидел молодой мужчина, его волосы развеивал ветер. В красном свете закатного солнца он казался не человеком, а небожителем, героическим юным богом северных саг.

Мужчина коснулся клаксона, и громкий рев пробудил эхо в скалах бухты.

Зрелище было изумительное. На мгновение Энтони Марстон показался всем больше, чем просто смертным. Позже все, кто был тогда на берегу, вспоминали тот волшебный миг.

III

Фред Нарракотт, сидя на корме у мотора, размышлял о том, какая странная подобралась компания. Не так он представлял себе гостей мистера Оуэна. Ожидал увидеть кого-нибудь пошикарнее. Дам в длинных летних пальто, яхтсменов в белых костюмах, богатых и важных...

А эти совсем не то, что гости мистера Элмера Робсона. Легкая улыбка тронула губы Фреда Нарракотта, стоило ему вспомнить приятелей миллионера. Вот у того были вечеринки, так вечеринки – а уж пили сколько!

Но этот мистер Оуэн, видать, совсем другого поля ягода. Чудно, однако, подумал Фред, что он еще ни разу не видал ни самого мистера Оуэна, ни его миссис. Не приезжали они еще сюда, ни разу. За все платил и всем командовал тот мистер Моррис. Распоряжения всегда давал ясные и четкие, платил вовремя, а все одно странно. В газетах этого мистера Оуэна называли таинственным... Что ж, он, Фред Нарракотт, готов это подтвердить.

Может, это все-таки мисс Габриэль Терл купила остров? Но нет, моряк отказался от этой мысли, стоило ему еще разок взглянуть на пассажиров. Только не эти – вряд ли кто из них близко к кинозвезде когда-нибудь подходил.

Он бесстрастно принялся оценивать пассажиров.

Одна кислая старая дева, уж он таких повидал. Сущий дьявол в юбке; дай ей волю, на голову сядет. Один престарелый джентльмен, судя по виду, настоящий военный. Одна молодая леди – симпатичная, но не звезда; нет в ней ни лоска, ни голливудского шика. А вон тот толстый весельчак – он-то не из настоящих джентльменов. Торговец на покое, вот кто он такой, подумал Фред Нарракотт. Другой, поджарый, как будто голодный с виду, глаза так и бегают, – подозрительный тип, с таким держи ухо востро. Хотя, может, он-то как раз имеет отношение к фильмам...

Нет, во всей лодке только один пассажир соответствовал его ожиданиям. Тот последний джентльмен, который приехал на машине. (И какой машине! В Стиклхэвне такой отродясь не видали. Стоит, наверное, кучу денег.) Вот он – джентльмен что надо. Родился в деньгах, сразу видно. Если бы и другие были вроде него... тогда все было бы

понятно...

Нет, странная все же компания, как ни крути, очень странная...

IV

Лодка, вспенивая волну, обходила скалы. Наконец показался дом. Южная сторона острова сильно отличалась от северной. Здесь скалы мягкими уступами спускались к океану. Дом тоже смотрел на юг – невысокий, квадратный, современный, с большими круглыми окнами, пропускавшими много света.

Великолепный дом, уж он-то оправдывал любые ожидания!

Фред Нарракотт заглушил двигатель, и лодка своим ходом вошла в небольшую естественную бухту между скалами.

– Трудно, наверное, причаливать здесь, когда погода дрянь, – отрывисто заметил Филипп Ломбард.

Фред Нарракотт жизнерадостно подтвердил:

– Что вы, когда дует юго-восток, на Негритянском острове вообще не пристанешь. Иногда неделями.

Вера Клейторн подумала: «Как здесь, должно быть, трудно с доставкой... С островами всегда так – любая домашняя мелочь превращается для них в проблему».

Дно лодки заскребло о камни. Фред Нарракотт выпрыгнул на сушу и вместе с Филиппом Ломбардом помог сойти остальным. Потом крепко-накрепко привязал лодку к кольцу в скале и лишь тогда повел компанию наверх, по вырезанным в диком камне ступеням.

– Ха! – воскликнул генерал Макатур. – Славное местечко!

Хотя в душе ему совсем так не казалось. Чертовски все-таки странное место.

Но пока компания поднималась по ступеням, на душе у многих полегчало, а когда все вышли на просторную террасу, общее настроение значительно улучшилось. У распахнутой двери дома стоял дворецкий – воплощенная корректность; его торжественный вид убедил гостей в том, что все идет как надо. Да и сам дом был более чем привлекателен, а с террасы открывался поистине несравненный вид...

Дворецкий шагнул вперед и едва заметно поклонился. Он был высок, худощав, сед – одним словом, имел респектабельную внешность.

– Добро пожаловать, – сказал он.

В просторном холле их уже ждали напитки. Целые ряды бутылок. Энтони Марстон слегка воспрянул духом. А то уж он было испугался, что здесь тоска смертная... Подумать только, никого из его круга! И о

чем только думал старина Бэджер, втравив его в такую компанию? Ладно, хоть выпивка приличная. И льда хватает...

Что там болтает этот старикан дворецкий?

Мистер Оуэн... к несчастью, задерживается... прибудет завтра... распоряжения... все, что пожелают... а пока не соизволят ли гости осмотреть свои комнаты... обед в восемь...

V

Вера поднялась навверх следом за миссис Роджерс. Та распахнула дверь в конце коридора, и девушка шагнула в изумительную спальню, одно большое окно которой смотрело прямо на море, а другое выходило на восток. От удовольствия она даже вскрикнула.

– Надеюсь, здесь есть все, что нужно, мисс? – спросила миссис Роджерс.

Вера огляделась. Ее багаж был уже внесен и распакован. Открытая дверь в боковой стене комнаты показывала ванную с голубым кафелем.

Она быстро ответила:

– Да, думаю, что все.

– Вы позвоните, если вам что-нибудь понадобится, мисс?

Голос у миссис Роджерс был ровный и монотонный. Вера взглянула на нее с любопытством. Прямо призрак, а не женщина! Бледная, вся какая-то бескровная, но очень респектабельная, в черном платье, с туго зачесанными назад волосами. Странно – ее светлые глаза все время перебежали с предмета на предмет.

Вера еще подумала: «Как будто собственной тени боится».

Вот именно – боится!

Женщина имела вид человека, живущего в смертельном страхе...

Мурашки пробежали у Веры по коже. Чего здесь можно бояться?

Вслух она любезно сказала:

– Я новый секретарь миссис Оуэн. Наверное, вы уже знаете.

– Нет, мисс, – ответила миссис Роджерс. – Я ничего не знаю. Получила список леди и джентльменов с указанием, кого в какую комнату поселить, и всё.

– Так миссис Оуэн ничего обо мне не говорила? – спросила Вера.

Ресницы миссис Роджерс дрогнули.

– Я не видела миссис Оуэн – пока не видела. Мы всего два дня как приехали.

«До чего эксцентричные люди эти Оуэны», – подумала Вера. Вслух же добавила:

– Кто здесь еще из прислуги?

– Только я и Роджерс, мисс.

Мисс Клейторн нахмурилась. Восемь человек в доме – десять, считая хозяйина и хозяйку, – и всего пара слуг?

– Я хорошо стряпаю, а Роджерс все делает по дому, – пояснила миссис Роджерс. – Конечно, я не знала, что гостей будет так много.

– Но вы справитесь? – спросила Вера.

– О, да, мисс, справлюсь. Если будут большие вечеринки, то миссис Оуэн, наверное, пригласит кого-нибудь мне в помощь.

– Наверное, так и будет, – согласилась мисс Клейторн.

Миссис Роджерс повернулась, чтобы идти. Бесшумно ступая, она выскользнула из комнаты, словно тень.

Вера подошла к окну и села. Ей было слегка не по себе. Все казалось очень странным. И отсутствие Оуэнов, и эта миссис Роджерс, бледная, точно призрак... А гости! Да, гости тоже удивительные. Совершенно нелогично подобранная компания.

Вера подумала: «Жаль, что я никогда не видела этих Оуэнов... Хоть бы одним глазком взглянуть, что они за люди такие».

Она встала и беспокойно прошлась по комнате.

Идеальная спальня, полностью в современном стиле. Желтовато-белые ковры на натертом до блеска паркете – чуть подкрашенные стены – высокое зеркало в оправе из лампочек. Каминная полка, голая, не считая огромного куска белого мрамора в форме медведя – в этот образчик современной скульптуры были вмонтированы часы. Над ними в блестящей хромированной оправе висел прямоугольник пергамента – какое-то стихотворение.

Остановившись перед камином, она стала читать. Это оказалась шуточная песенка, которую она помнила с детства.

Десять негритят решили пообедать,
Один внезапно подавился – их осталось девять.

Девять негритят уселись под откосом,
Один заснул и не проснулся – их осталось восемь.

Восемь негритят отправились в Девон,
Один не возвратился – остались всемером.

Семь негритят дрова рубили топором,
Перерубил один себя – остались шестером.

Шесть негритят пошли на пасеку играть,
Одного ужалил шмель – и их осталось пять.

Пять негрят суд учинить решили,
Приговорили одного – осталось их четыре.

Четыре негритенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок – и их осталось трое.

Трое негрят в зверинце очутились,
Одного задрал медведь – и двое получилось.

Двое негрят пошли на солнышке валяться,
Один до смерти обгорел – чтоб одному остаться.

Последний негритенок, вздыхая тяжело,
Пошел, повесился – и вот не стало никого.

Вера улыбнулась. Ну, конечно! Это же Негритянский остров!
Она снова подошла к окну и села, глядя на море.
Какое оно большое! И никакой суши впереди – только синий
простор с бликами заходящего солнца.

Море... Такое мирное сегодня – и такое жестокое иногда... Море,
которое затягивает в свои глубины. Топит. Погружает в себя... Топит в
себе... Топит... топит... топит...

Нет, не надо вспоминать. Не надо думать о том, что было!
Все давно прошло...

VI

Когда доктор Армстронг прибыл на Негритянский остров, солнце уже садилось в море. Переправляясь, он болтал с лодочником – местным жителем. Пытался выяснить у него что-нибудь о новых владельцах острова, но тот оказался до странности неосведомленным – то ли действительно ничего не знал, то ли не хотел говорить. Поэтому пришлось доктору Армстронгу ограничиться разговорами о рыбалке и погоде.

Долгая дорога за рулем утомила его. Болели глаза. Ведь, когда едешь на запад, все время смотришь на солнце.

Да, он очень устал. Море и полный покой – вот что ему нужно. Вообще неплохо было бы взять отпуск, съездить куда-нибудь, расслабиться... Но этого он как раз не мог себе позволить. Нет, деньги у него, конечно, были. Выпасть из обоймы – вот чего он не мог позволить. Тех, кто выбывает из гонки, в наше время забывают сразу... Ну, все, он на месте, пора настраиваться на рабочий лад.

Он подумал: «И все-таки хотя бы на один вечер я могу притвориться, будто никогда больше не вернусь ни в Лондон, ни на Харли-стрит, будто я навсегда покончил с обоими».

Все-таки остров – магическое место. Само слово чего стоит. На острове теряешь связь с большим миром, оказавшись в маленьком независимом мирке. В мирке, который может удержать приезжего навсегда.

Доктор опять подумал: «Я оставляю мою повседневную жизнь позади».

И, улыбнувшись своим мыслям, принялся строить планы, фантастические планы своего будущего. Он еще улыбался, всходя по выбитым в скале ступеням.

В кресле на террасе сидел пожилой джентльмен, который показался Армстронгу знакомым. Где же он мог видеть это широкое лягушачье лицо, эту жилистую черепашую шею, эти сутулые плечи – и эти светлые пронзительные глаза? Ну, конечно, – это же судья Уоргрейв. Однажды ему довелось давать показания в суде, где тот председательствовал. Вид у него обычно полусонный, но во всем, что касается закона, ему палец в рот не клади. Присяжные смотрели на него, как кролики на удава, – говорят, он мог заставить их изменить свое мнение на прямо

противоположное буквально по любому поводу. Пару раз ему удалось выжать из них обвинительный приговор, когда этого никто не ждал. Судья-вешатель, вот как его прозвали.

Надо же, где довелось встретиться... на краю света, можно сказать.

Судья Уоргрейв между тем думал: «Армстронг? Помню, как он давал показания. Осторожный, все время боялся сболтнуть лишнее. Все доктора – дураки. А эти, с Харли-стрит, – особенно». И он с недобрым чувством припомнил свой недавний разговор с одним скользким типом, чей кабинет находился как раз на этой улице.

Вслух он пробурчал:

– Спиртное в холле.

Армстронг сказал:

– Нужно сначала пойти и засвидетельствовать почтение хозяину и хозяйке.

Судья Уоргрейв снова прикрыл глаза, отчего решительно сделался похож на рептилию, и произнес:

– Невозможно.

– Почему же? – удивился доктор.

– Нет ни хозяина, ни хозяйки, – ответил судья. – Очень странно. Непонятное место.

С минуту Армстронг не спускал с него глаз. Он уже решил, что старый джентльмен заснул, когда тот внезапно произнес:

– Вы знакомы с Констанцией Калмингтон?

– Э-э... нет, к сожалению.

– Не важно, – сказал судья. – Туманная особа – и почерк такой неразборчивый... Я уже начал сомневаться, в тот ли я дом приехал.

Доктор Армстронг покачал головой и стал подниматься по лестнице.

VII

Судья Уоргрейв продолжал размышлять о Констанции Калмингтон. Ненадежная, как все женщины.

Потом его мысли переключились на женщин в доме – старую деву с поджатым ртом и девушку. Последняя ему не понравилась особенно – расчетливая молодая дрянь. Хотя женщин вообще трое, считая миссис Роджерс, жену дворецкого. Странная особа, ведет себя так, точно до смерти напугана... Однако вид у нее, как и у мужа, порядочный, и дело свое знают.

Как только Роджерс показался на террасе, судья Уоргрейв подозвал его и спросил:

– Леди Констанцию Калмингтон ждут, не знаете?

Роджерс вытаращил глаза.

– Нет, сэр, насколько мне известно.

Брови судьи поползли на лоб. Но он лишь хмыкнул. Про себя же подумал:

«Негритянский остров, значит? Вот тебе и ложка дегтя в бочке меда...»

VIII

Энтони Марстон принимал ванну, нежась в горячей воде. Как приятно расправить руки и ноги, затекшие от долгого сидения за рулем... Он почти ни о чем не думал. Энтони вообще привык жить ощущениями – и действиями.

Одна мысль его все же посетила: «Придется держаться до конца», – и в голове снова стало пусто и тихо.

Теплая вода, парок над ванной... усталость... потом побриться... коктейль... обед.

А после?..

IX

Мистер Блор завязывал галстук. Ему не хватало опыта.

Так, что ли? Да так вроде...

Никто из них не был с ним особенно сердечен. И все так чудно́ глядели друг на друга – будто знали...

Ну и пусть; в конце концов, его дело зависит только от него самого.

А уж он не напортачит.

Его взгляд скользнул по рамке со стихотворением на стене.

Надо же, последний штрих прямо!

Блор подумал: «Помню этот остров в детстве. Кто бы мог сказать тогда, что здесь построят дом, куда пригласят меня для дела... Может, оно и к лучшему, что будущего никто не знает».

Х

Генерал Макартур хмурился.

Черт побери, до чего странная и неприятная оказия! Совсем не то, чего он ожидал...

Смыться бы отсюда поскорей, под любым предлогом... И к черту все эти посиделки.

Но лодка уже ушла.

Придется остаться.

Подозрительный тип этот Ломбард. Наверняка мошенник. Генерал готов был поклясться в этом.

XI

С первым ударом гонга Филипп Ломбард вышел из комнаты и стал спускаться в столовую. Двигался он, как пантера, – легко и бесшумно. Он и внешне чем-то напоминал пантеру. Хищника – ловкого, приятного глазу.

Он улыбался своим мыслям.

Неделя, значит?

Что ж, эту неделю он проведет с удовольствием.

XII

Мисс Эмили Брент, уже переодевшись в черный шелк к обеду, сидела в своей спальне и читала Библию.

Ее губы беззвучно шевелились:

«Обрушились народы в яму, которую они выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их. Познан был Господь по суду, который Он совершил: нечестивый уловлен делами рук своих. Да обратятся нечестивые в ад...»^[4]

Ее рот сомкнулся. Она захлопнула Библию.

Встав, мисс Брент приколола к вороту брошь из дымчатого топаза и вышла.

Глава 3

I

Обед близился к концу.

Еда была хорошая, вино – отличное. Роджерс обслуживал умело.

У всех поднялось настроение. Разговоры стали свободнее и доверительнее.

Судья Уоргрейв, разогретый хорошим портвейном, ядовито острил, доктор Армстронг и Тони Марстон слушали. Мисс Брент болтала с генералом Макартуром – у них обнаружили общие знакомые. Вера Клейторн задавала мистеру Дэвису неглупые вопросы о Южной Африке. Тот отвечал охотно и пространно. К их разговору прислушивался Ломбард. Раз-другой он вскидывал голову и прищуривался. В остальное время Ломбард оглядывал лица сидящих за столом, останавливаясь то на одном, то на другом.

Неожиданно Энтони Марстон произнес:

– Интересные штучки, правда?

В центре большого круглого стола на круговой подставке стояли фигурки из фарфора.

– Негритята, – продолжал Тони. – И остров Негритянский. Для колорита, наверное.

Вера подалась вперед.

– Может быть... Сколько их? Десять?

– Да... точно, десять.

– Как смешно! – воскликнула мисс Клейторн. – Это же десять негритят из стихотворения! Оно висит в моей комнате, в рамочке, над камином.

– В моей тоже, – сказал Ломбард.

– И в моей.

– И у меня, – заговорили все хором.

– Какая занятная идея, правда? – сказала Вера.

Судья Уоргрейв буркнул:

– Детство, да и только, – и налил себе еще портвейна.

Эмили Брент посмотрела на Веру Клейторн. Вера Клейторн посмотрела на мисс Брент. Обе женщины встали.

Окна из гостиной на террасу были распахнуты, внизу ласково мурчал прибой.

– Приятный звук, – сказала мисс Брент.

Вера резко ответила:

– Я его ненавижу.

Эмили Brent посмотрела на нее с удивлением. Вера вспыхнула и уже более спокойно добавила:

– Мне кажется, в шторм здесь вряд ли будет так хорошо.

Мисс Brent согласилась.

– Без сомнения, на зиму дом запирается, – сказала она. – Где найти слуг, которые согласились бы остаться здесь до весны?

– Которые вообще согласились бы работать здесь, – прошептала Вера.

Эмили Brent продолжала:

– Миссис Оливер повезло с этой парой. Женщина отлично готовит.

«Забавно, как эти старики вечно все путают», – подумала мисс Клейторн.

Вслух она сказала:

– Да, я с вами согласна, миссис Оуэн и вправду повезло.

Эмили Brent тем временем вынула из сумки изящное дамское рукоделие – и застыла с ниткой и иглой в руках.

– Оуэн? Вы сказали, Оуэн? – резко переспросила она.

– Да.

Так же резко Эмили Brent добавила:

– В жизни не встречала никого с такой фамилией.

Вера посмотрела на нее внимательно.

– Но ведь...

Фразу она не закончила. Отворилась дверь, вошли мужчины. За ними с подносом с кофе в руках следовал Роджерс.

Судья подошел и сел возле Эмили Brent. Армстронг остановился рядом с Верой. Тони Марстон профланировал к открытому окну. Блор с изумлением неискушенного любителя разглядывал бронзовую статуэтку – не иначе, ломал голову, как можно считать эти причудливые углы изображением женской фигуры. Генерал Макатур стоял спиной к камину и поглаживал свои аккуратные седые усики. Чертовски хороший был обед! У него поднималось настроение. Ломбард листал «Панч», вместе с другими журналами лежавший на столике у стены.

Роджерс обнес всех кофе. Кофе был отличный – по-настоящему черный и очень горячий.

Гости славно пообедали и теперь были вполне довольны собой и жизнью. Стрелки часов показывали двадцать минут десятого. Наступила тишина – уютная и ненавязчивая.

И вдруг в эту тишину ворвался Голос. Резкий, жестокий, пронзительный...

– Дамы и господа! Прошу внимания!

Все вздрогнули. И стали оглядываться – друг на друга, на стены... Кто это говорит?

Голос продолжал – высокий и чистый:

– Против вас выдвигаются обвинения по следующим пунктам:

Эдвард Джордж Армстронг, 14 марта 1925 года вы стали причиной смерти Луизы Мэри Клиз.

Эмили Каролина Брент, вы ответственны за смерть Беатрис Тейлор, имевшую место 5 ноября 1931 года.

Уильям Генри Блор, 10 октября 1928 года вы совершили действие, приведшее к кончине Джеймса Стивена Ландора.

Вера Элизабет Клейторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирила Огилви Хэмилтона.

Филипп Ломбард, вы виновны в гибели двадцати одного человека из некоего восточно-африканского племени, имевшей место в феврале 1932 года.

Джон Гордон Макатур, вы обвиняетесь в том, что 4 января 1917 года намеренно послали на смерть Артура Ричмонда, любовника вашей жены.

Энтони Джеймс Марстон, 14 ноября прошлого года вы убили Джона и Люси Комбз.

Томас Роджерс и Этель Роджерс, 6 мая 1929 года вы способствовали смерти Дженифер Брейди.

Лоуренс Джон Уоргрейв, 10 июня 1930 года вы убили Эдварда Ситона.

Обвиняемые, что вы имеете сообщить в свою защиту?

II

Голос смолк.

Мгновение все потрясенно молчали, пока не раздался страшный грохот. Это Роджерс уронил поднос.

В тот же миг из другой комнаты донесся пронзительный крик и глухой удар.

Первым отреагировал Ломбард. Он подскочил к двери и распахнул ее. Сразу за нею на полу лежала миссис Роджерс.

– Марстон! – крикнул Ломбард.

Энтони поспешил на помощь. Вдвоем они подняли женщину и внесли ее в гостиную.

К ним тут же подошел доктор Армстронг. Помог уложить женщину на диван, нагнулся над нею и отрывисто произнес:

– Ничего страшного. Обморок, только и всего. Сейчас очнется.

Ломбард обернулся к Роджерсу:

– Принесите бренди.

Дворецкий, белый как мел, с трясущимися руками пробормотал: «Да, сэр» – и выскользнул из комнаты.

– Чей это был голос? – крикнула Вера. – Где он? Он звучал как... как...

Генерал Макартур фыркнул:

– Что здесь происходит? Что за шутки?

У него тоже тряслись руки. Он весь ссутулился. И постарел лет на десять.

Блор вытирал лицо носовым платком.

Только судья Уоргрейв и мисс Брент не двинулись с места. Эмили Брент сидела прямо, как обычно, и высоко держала голову. На ее щеках горели два ярких пятна. Судья Уоргрейв тоже не изменил своей привычной позы – сидел, втянув голову в плечи, как черепаха. Пальцами одной руки он чесывал ухо. Только его глаза, живые и умные, озадаченно метались по комнате в поисках разгадки.

И снова первым начал действовать Ломбард. Пока Армстронг возился с потерявшей сознание женщиной, он взял дело в свои руки.

– Голос? Похоже, он был тут, в комнате, – сказал он.

– Кто это говорил? – еще раз воскликнула Вера. – Кто? Ведь мы все молчали!

Ломбард, как и судья, внимательно осмотрел комнату. Его взгляд на миг задержался на открытом окне, но он тут же решительно тряхнул головой. Вдруг его глаза вспыхнули, и он устремился к двери у камина, которая вела в смежную комнату. Схватившись за ручку, дернул дверь на себя, вошел – и почти сразу торжествующе вскрикнул.

Все услышали:

– Ага, вот он!

Остальные двинулись за ним. Только мисс Brent не шелохнулась, продолжая прямо сидеть в кресле.

В смежной комнате вплотную к стене гостиной стоял стол. На нем был граммофон – старинный, с большой трубой. Ее раструб прижимался к стене вплотную, и Ломбард, отодвинув его в сторону, показал всем на две или три аккуратные дырочки, просверленные в стене насквозь.

Вернув трубу на место, он опустил иглу на пластинку, и тут же все услышали снова:

– *Против вас выдвигаются обвинения...*

– Выключите! – закричала Вера. – Выключите его! Это ужасно!

Ломбард выключил.

Доктор Армстронг, облегченно вздохнув, заметил:

– Безвкусная и бессердечная шутка, на мой взгляд.

Раздался четкий негромкий голос судьи Уоргрейва:

– Значит, по-вашему, это всего лишь шутка?

Доктор уставился на него.

– Что же еще?

Ладонь судьи мягко легла на верхнюю губу. Он сказал:

– Я пока не готов вынести суждение.

– Погодите, вы забыли одну вещь, – вмешался Энтони Марстон. – Кто, черт возьми, завел эту штуку и поставил пластинку?

– Да, думаю, было бы не лишним это выяснить, – пробормотал Уоргрейв.

И он пошел назад в гостиную. Остальные потянулись за ним.

Тут со стаканом бренди на подносе вошел Роджерс. Мисс Brent уже склонилась над стонущей миссис Роджерс. Дворецкий тут же ловко вклинился между ними.

– Позвольте мне, мадам. Я с ней поговорю. Этель... Этель... все хорошо. Все в порядке, слышишь? Ну же, соберись.

Миссис Роджерс часто задыхалась. Ее глаза, вытаращенные, напуганные, обегали по кругу лица стоявших над ней людей. Роджерс тревожно повторил:

– Этель, соберись, слышишь?

Доктор Армстронг заговорил с нею ласково:

– Ничего страшного, миссис Роджерс. Просто кто-то неудачно пошутил.

– Я упала в обморок, сэр? – спросила женщина.

– Да.

– Это все из-за голоса... того ужасного голоса... он как будто приговор читал...

Ее лицо опять позеленело, веки задрожали.

Доктор Армстронг резко произнес:

– Где бренди?

Стакан стоял на маленьком столике. Кто-то передал его доктору, тот поднес его к губам женщины.

– Выпейте, миссис Роджерс.

Она сделала глоток, слегка поперхнулась, закашлялась. От спиртного ей стало лучше. Краска вернулась к ее лицу. Она заговорила:

– Со мной все хорошо. Просто... просто я испугалась.

Вмешался Роджерс:

– Ничего удивительного. Я и то напугался. Даже поднос уронил... Грязная ложь, вот что это такое! Хотелось бы мне знать...

Его прервали. Кто-то кашлянул – прерывисто и сухо, всего один раз, но этого хватило, чтобы Роджерс осекся. Он посмотрел на судью Уоргрейва, тот кашлянул снова. Потом сказал:

– Кто поставил эту пластинку и завел граммофон? Вы, Роджерс?

– Я не знал, что это такое! – воскликнул дворецкий. – Богом клянусь, не знал, сэр. Если бы я знал, я бы никогда этого не сделал.

– Возможно, – сухо заметил судья. – А пока мы ждем объяснений, Роджерс.

Дворецкий промокнул лицо платком и честно сказал:

– Я просто выполнял приказ, вот и всё, сэр.

– Чей приказ?

– Мистера Оуэна.

– Объясните понятнее, – попросил Уоргрейв. – В чем именно состоял приказ мистера Оуэна?

Роджерс объяснил:

– Я должен был поставить на граммофон пластинку. Пластинка лежала в ящике стола, и моя жена должна была завести граммофон в ту самую минуту, когда я войду с подносом в гостиную.

– Весьма занимательная история, – проворчал судья.

– Но это правда, сэр! – воскликнул дворецкий. – Богом клянусь, правда. Я не знал, что было на пластинке, даже не догадывался. На ней есть название – я думал, что это музыка какая-то...

Уоргрейв повернулся к Ломбарду.

– На пластинке было название?

Тот кивнул, внезапно усмехнулся, открывая острые белые зубы, и сказал:

– Было, сэр. «Лебединая песня»...

III

Тут уже не выдержал генерал Макартур. Он закричал:

– Это неслыханно – просто неслыханно! Разбрасываться подобными обвинениями! Это нельзя так оставлять. Этот тип, этот Оуэн – кто бы он ни был...

Его перебила Эмили Брент.

– Вот именно, кто он? – резко бросила она.

Вмешался судья. Властным голосом, натренированным годами оглашения приговоров, он сказал:

– Это именно тот вопрос, ответ на который нам надлежит искать особенно тщательно. Роджерс, отведите-ка вашу супругу спать. А сами возвращайтесь.

– Да, сэр.

– Я помогу вам, – заявил доктор Армстронг.

Миссис Роджерс, пошатываясь, вышла из комнаты, поддерживаемая за руки двумя мужчинами. Когда они удалились, Тони Марстон сказал:

– Не знаю, как вы, сэр, а я бы выпил.

– Согласен, – отозвался Ломбард.

– Пойду, пошарю, – сказал Тони и вышел.

Вернулся он секунды через две.

– Поднос стоял прямо у входа, готовенький.

Марстон осторожно опустил на стол свою хрупкую ношу. Минута-другая прошла за разливанием напитков. Генерал Макартур выбрал чистый виски, также и судья. Всем хотелось взбодриться. Лишь Эмили Брент потребовала и получила стакан воды.

Вошел доктор Армстронг.

– С нею все в порядке, – сказал он. – Я дал ей успокоительное, она выпила... Что это у вас здесь, спиртное? Я бы тоже не отказался.

Кое-кто из мужчин уже наполнял свои стаканы повторно. Через пару минут в комнату вошел Роджерс.

Судья Уоргрейв открыл заседание. Комната превратилась в импровизированную залу суда.

– Итак, Роджерс, – произнес судья, – давайте выясним все доподлинно. Кто он такой, этот Оуэн?

Роджерс вытаращил на него глаза:

– Хозяин этого дома, сэр.

– Этот факт мне известен. Я хочу услышать от вас, что еще вы о нем знаете?

Дворецкий покачал головой:

– Больше я ничего не могу о нем сказать, сэр. Дело в том, что я никогда его не видел.

В комнате тихонько зашевелились.

– Никогда не видели? – спросил генерал Макартур. – В смысле?

– Мы здесь всего с неделю, сэр, я и моя жена. Нас наняли письмом, через агентство. «Регина», в Плимуте.

Блор кивнул.

– Старая, солидная фирма, – подал он голос.

– Вы сохранили письмо? – спросил Уоргрейв.

– С приглашением на работу? Нет, сэр. Не сохранил.

– Продолжайте. Итак, вас наняли письмом...

– Да, сэр. В нем был назначен день приезда. Мы приехали. Здесь все было в порядке. Большой запас еды, все по высшему разряду. Нам только и надо было, что пыль смахнуть.

– Что дальше?

– Ничего, сэр. Мы получили указания – снова письменно – приготовить гостям комнаты, а вчера, дневной почтой, я получил от мистера Оуэна еще одно письмо. В нем говорилось, что он и миссис Оуэн запаздывают, и чтобы мы принимали гостей без них, а еще к письму была приложена инструкция насчет обеда, кофе и той пластинки, чтобы я ее поставил.

Судья резко спросил:

– Но уж это письмо вы должны были сохранить?

– Да, сэр. Вот оно.

Роджерс вытащил письмо из кармана. Уоргрейв протянул руку.

– Х-м, – сказал он. – Бумага отеля «Ритц», напечатано на машинке.

Одним стремительным прыжком Блор оказался рядом с ним.

– Позвольте мне взглянуть?

Он вырвал послание из рук судьи, пробежал глазами и пробурчал:

– Машинка «Коронейшн». Новая – без дефектов. Бумага гербовая, самого распространенного сорта. Из этого ничего не вытащишь. Могут быть отпечатки пальцев, но вряд ли.

Уоргрейв взглянул на него с любопытством.

Энтони Марстон стоял за спиной Блора, заглядывая ему через плечо.

– Странное у него имя, верно? – произнес он. – Алрик Норман Оуэн... Язык сломаешь.

Старый судья, едва заметно вздрогнув, сказал:

– Благодарю вас, мистер Марстон. Вы обратили мое внимание на любопытное и многозначительное обстоятельство.

Окинув взглядом присутствующих, он вытянул вперед шею, точно рассерженная черепаха, и продолжал:

– Думаю, настало время нам всем поделиться информацией. Было бы желательно, чтобы каждый рассказал все, что ему или ей известно относительно хозяина этого дома. – Помолчав, Уоргрейв продолжил: – Мы все у него в гостях. И, полагаю, мы только выиграем, если каждый из нас объяснит, как именно он здесь оказался.

Настала минутная пауза. Наконец Эмили Брент решительно заговорила:

– Все это очень странно. Я получила письмо с неразборчивой подписью. Предположительно от женщины, с которой я познакомилась на летнем курорте два или три года назад. Я решила, что письмо подписано Огден или Оливер. У меня есть знакомая миссис Оливер, а также мисс Огден. И я абсолютно уверена, что никогда не встречалась и не была в дружеских отношениях ни с кем по фамилии Оуэн.

– Письмо у вас при себе, мисс Брент? – спросил Уоргрейв.

– Да, сейчас я его принесу.

Она вышла и минуту спустя вернулась с письмом.

Судья прочитал его и сказал:

– Кажется, я начинаю понимать... Мисс Клейторн?

Вера поведала, как получила место секретаря.

– Марстон? – продолжал Уоргрейв.

– Получил телеграмму, – отозвался Энтони. – От приятеля. Баджера Беркли. Удивился – я думал, что старик в Норвегии... Он и пригласил меня сюда.

Уоргрейв снова кивнул.

– Доктор Армстронг?

– Меня пригласили для консультации.

– Понимаю. Вы знали эту семью раньше?

– Нет. В письме был упомянут мой коллега.

– Для убедительности... – подсказал судья. – А упомянутый коллега, надо полагать, тоже отсутствовал?

– Э-э... гм... ну, да.

Ломбард, который внимательно смотрел на Блора, вдруг сказал:

– Слушайте, я тут подумал...

Судья поднял руку:

– Одну минуту...

– Но я...

– Всему свое время, мистер Ломбард. В настоящий момент мы исследуем причины, которые привели сюда каждого из нас. Генерал Макартур?

Дергая себя за ус, генерал пробормотал:

– Получил письмо... от этого типа, Оуэна... насчет армейских приятелей, которые тоже будут здесь... он еще извинялся, что не прислал официального приглашения. Письмо я, к сожалению, выбросил.

– Мистер Ломбард? – спросил Уоргрейв.

Филипп соображал. Сказать все, как есть, или нет? Он решился:

– То же самое. Приглашение с упоминанием общих знакомых... я купился. Письмо разорвал.

Судья повернулся к Блору. Указательным пальцем он поглаживал верхнюю губу, его голос звенел опасной вежливостью.

– Только что с нами произошло нечто неприятное, – произнес Уоргрейв. – Голос, лишенный тела, назвал нас всех поименно, предъявив каждому из нас серьезное обвинение. О них мы поговорим позже. А пока меня интересует другое. Среди обвиняемых был упомянут Уильям Генри Блор. Однако, насколько нам известно, никакого Блора между нами нет. Зато имя Дэвис не звучало. Что вы имеете сказать на этот счет, мистер Дэвис?

Блор угрюмо буркнул:

– Похоже, кошка выскочила из мешка... Наверное, лучше признаться, что мое имя не Дэвис.

– Вы – Уильям Генри Блор?

– Точно.

– Я хочу кое-что добавить, – вмешался Ломбард. – Вы здесь не просто под чужим именем, мистер Блор; сегодня вечером я имел возможность заметить, что вы первоклассный лжец. Вы говорили, что приехали из Наталя, в Южной Африке. Я знаю Южную Африку, знаю Наталь и готов поклясться, что ноги вашей никогда не бывало в этой стране.

Все повернулись к Блору. Злые глаза, полные подозрений, окружали его со всех сторон. Энтони Марстон шагнул к нему. Его руки сами собой сжались в кулаки.

– Ах ты, свинья, – сказал он. – Как ты это объяснишь?

Блор вскинул голову и выпятил квадратную челюсть.

– Вы, джентльмены, все неправильно поняли, – сказал он. – У меня

есть документы, вы можете на них взглянуть. Я служил в уголовном розыске, раньше. Теперь у меня свое детективное агентство в Плимуте. Меня наняли сюда на работу.

– Кто нанял? – спросил Уоргрейв.

– Этот человек, Оуэн. Приложил солидный чек на расходы и объяснил, чего он от меня хочет. Я должен был присоединиться к компании, выдав себя за одного из гостей. Мне сообщили все ваши имена. Я должен был следить за всеми вами.

– С какой целью?

Блор горько ответил:

– Драгоценности миссис Оуэн... Как бы не так! По-моему, такой особы просто не существует!

И снова рука судьи протянулась к губе, на этот раз задумчиво.

– Полагаю, что ваш вывод вполне основателен, – сказал он. – Алрик Норман Оуэн! В письме к мисс Брент фамилия хотя и неразборчива, зато имена читаются вполне отчетливо – Анна Нэнси, – так что инициалы, как вы может видеть, те же самые. Алрик Норман Оуэн – Анна Нэнси Оуэн – иными словами, А.Н. Оуэн, Аноуэн. Из чего, при известном напряжении фантазии, легко получается АННОУН – НЕИЗВЕСТНЫЙ!^[5]

– Но это же фантастика... безумие! – вскрикнула Вера.

Судья жалостливо кивнул и произнес:

– О, да. У меня нет никаких сомнений, что нас всех пригласил сюда опасный безумец, возможно, маньяк-убийца!

Глава 4

I

На миг все смолкли. Воцарилась горестная, озадаченная тишина. Потом ясный и чистый голос судьи зазвучал снова:

– А теперь мы перейдем к следующей стадии нашего расследования. Правда, сначала я расскажу о себе.

Он вынул из кармана письмо и швырнул его на стол.

– Это послание написано якобы моей старинной приятельницей, леди Констанцией Калмингтон. Я не видел ее уже много лет. Она путешествует по Востоку. Письмо как раз в ее духе – расплывчатое, бессвязное; в нем она приглашает меня сюда, погостить, от имени хозяина и хозяйки, которых описывает также туманно. Так что прием один и тот же, как видите. Упоминаю о письме только потому, что оно согласуется с другими уликами – из чего вытекает одно любопытное умозаключение. Кем бы ни был тот человек, который заманил нас сюда, ему многое о нас известно; точнее, он потратил немало сил и времени, чтобы это узнать. К примеру, он – или она, не знаю – осведомлен о моей дружбе с леди Констанцией и даже знаком с ее эпистолярным стилем. Ему кое-что известно о коллегах доктора Армстронга и их настоящем местонахождении. Он знает прозвище друга мистера Марстона и то, какие тот обыкновенно шлет телеграммы. Он точно знает, где два года назад отдыхала летом мисс Брент и с кем она там встречалась. Он все знает об армейских приятелях генерала Макартура.

Он умолк. Потом продолжил:

– В общем, он знает очень много. И, основываясь на этом знании, выдвинул против нас вполне определенные обвинения.

Поднялся ропот возмущения.

– Все это наглая ложь! – крикнул генерал Макартур. – Клевета!

– Это ужасно! – воскликнула Вера, часто дыша. – Чудовищно!

Роджерс хрипло вымолвил:

– Ложь – все ложь... мы никогда... никто из нас...

Энтони Марстон буркнул:

– Даже не знаю, о чем там говорил этот болван!

Поднятая рука судьи Уоргрейва уладила волнение. Он заговорил, тщательно подбирая слова:

– Я хочу заявить следующее. Наш неизвестный друг обвиняет меня в убийстве некоего Эдварда Ситона. Я прекрасно помню этого человека.

Он предстал перед судом в июне тридцатого года. По обвинению в убийстве пожилой леди. Адвокат был мастер своего дела и сумел составить у присяжных благоприятное мнение о своем подопечном. Тем не менее улики свидетельствовали против него. Я высказался соответственно, и присяжные вынесли вердикт «виновен». Вынося смертный приговор, я только подтвердил их мнение. Защита подала апелляцию на основании якобы имевшего место неправильного руководства. Ее отклонили, осужденного казнили. И теперь я хочу заявить перед всеми вами, что в этом деле моя совесть совершенно чиста. Я лишь исполнил свой долг, и ничего больше. Я вынес приговор человеку, признанному виновным судом.

Армстронг вспомнил. Дело Ситона! Приговор всех тогда удивил. Как раз во время слушаний он встретил в ресторане Мэтьюза, королевского адвоката. Тот был уверен, что выиграет дело. «Вердикт присяжных уже у нас в кармане. Оправдательный, почти наверняка». А потом до него доходили такие комментарии: «Судья был настроен против обвиняемого. Он убедил присяжных, и они сыграли ему на руку. Но все строго по закону, не подкопаешься. Старый Уоргрейв свое дело знает. Хотя он практически свел с этим парнем счеты».

Воспоминание нахлынуло внезапно. И доктор, не успев подумать, спросил:

– А вы знали этого Ситона лично? Я имею в виду, до дела?

Холодные глаза рептилии глянули на него из-под набрякших век. Чистым холодным голосом судья произнес:

– Я ничего не знал о Ситоне до начала слушаний по его делу.

Армстронг подумал:

«Он лжет. Точно лжет».

II

Дрогнувшим голосом заговорила Вера Клейторн:

– Я тоже хочу рассказать. О том мальчике – Сириле Хэмилтоне. Я была его гувернанткой. Врачи запрещали ему заплывать далеко в море. Однажды, когда я была чем-то занята, он взял и поплыл. Я за ним... Но я не успела... Это было ужасно... Но я не виновата. Коронер на дознании сказал, что моей вины тут нет. А его мать – она была так добра... Если уж она не винила меня ни в чем, то зачем... зачем говорить тогда такие ужасные вещи? Это несправедливо, несправедливо...

И она горько заплакала.

Генерал Макартур похлопал ее по плечу и сказал:

– Ну, ну, девочка... Конечно, все это неправда. Этот тип просто спятил. Спятил, и все тут! Рехнулся! Телегу ставит впереди лошади.

Он выпрямил спину, расправил плечи и гаркнул:

– Не в моих правилах отвечать на клевету. Но на этот раз я чувствую, что придется... придется сказать, что в этом обвинении насчет... э-э... молодого Артура Ричмонда нет ни слова правды. Ричмонд был одним из моих офицеров. Я послал его в разведку. Его убили. На войне смерть – естественное дело. Должен сказать, что я оскорблен... клевета на мою жену. Безупречная женщина. Абсолютно – жена Цезаря!

Генерал Макартур сел и дрожащей рукой расправил усы. Было заметно, что речь стоила ему больших усилий.

Заговорил Ломбард. В его глазах плясали чертики. Он начал:

– Насчет тех дикарей...

– И что с ними? – подхватил Марстон.

Филипп Ломбард ухмыльнулся:

– Все верно. Я их бросил! Из чувства самосохранения. Мы заблудились в буше. Я и еще пара парней взяли оставшийся провиант и смылись.

Генерал Макартур сурово спросил:

– Вы бросили своих людей? Оставили их умирать с голоду?

– Да, – ответил Ломбард. – Я поступил не как пукка сахиб^[6], конечно. Но долг перед самим собой – первейший долг всякого человека. К тому же дикари не боятся умирать. Для них это не то же самое, что для нас, европейцев.

Вера отняла от лица ладони и спросила, глядя на него в упор:

– И вы бросили их – умирать?

– Я бросил их умирать, – ответил Ломбард.

И его веселые глаза глянули в ее, испуганные.

Энтони Марстон озадаченно сказал:

– Я тут подумал – Джон и Люси Комбз... Должно быть, это те двое ребяташек, которых я сбил под Кембриджем. Чертовски не повезло.

– Кому, им или вам? – ядовито спросил судья Уоргрейв.

– Вообще-то я имел в виду себя... – ответил Энтони, – хотя, конечно, вы правы, сэр... не повезло им. Но это была чистая случайность. Они просто взяли и выскочили на дорогу из-за какого-то дома. Меня тогда на год лишили прав. Дьявольски неудобно.

Доктор Армстронг пылко воскликнул:

– Нельзя, нельзя так гонять! Молодые люди вроде вас представляют угрозу для общества.

Энтони пожал плечами и ответил:

– Машины будут ездить все быстрее. Хотя в Англии дороги безнадежны. Здесь и разогнаться-то негде.

Он рассеянно огляделся в поисках своего стакана, увидел его, взял и отошел к другому столу, где стояли виски и содовая. Уже оттуда бросил через плечо:

– Все равно суд признал, что это была не моя вина. Несчастный случай!

III

Слуга, Роджерс, уже давно нервно облизывал губы и ломал пальцы. Теперь он тихим подобострастным голосом произнес:

– Позвольте и мне сказать несколько слов, господа.

– Валяйте, Роджерс, – подбодрил его Ломбард.

Тот кашлянул и снова провел языком по сухим губам.

– Тут, сэр, шла речь обо мне и миссис Роджерс. И о мисс Брейди. Это все неправда, сэр. Мы с женой были с мисс Брейди до самого конца. Она страдала нездоровьем и раньше, еще до нас. А в ту ночь, сэр, – в ночь, когда ей стало плохо, – была гроза. Телефон испортился. Мы не смогли вызвать врача. Я сам пошел за ним, пешком. Но он пришел слишком поздно. Мы сделали для нее все, что могли. Мы были ей преданы. Кто угодно вам подтвердит. Никто никогда не сказал о нас дурного слова. Ни единого слова.

Ломбард задумчиво глядел на дергающееся лицо слуги, его сухие губы, напуганные глаза. Вспомнил про упавший с грохотом поднос. И подумал: «Да неужели?» – но вслух ничего не сказал.

Заговорил Блор – нагловато-добродушно, как принято у полицейских:

– Получили что-нибудь после ее смерти, а?

Роджерс вытянулся и сухо произнес:

– Мисс Брейди оставила нам небольшое наследство в благодарность за долгую службу. И что в этом дурного?

– А вы-то сами, мистер Блор? – встрял Ломбард.

– Что – я?

– Ваше имя тоже было в списке.

Блор побагровел.

– Вы про Ландора? Случай с ограблением банка – Лондонский коммерческий...

Судья Уоргрейв оживился:

– Я помню это дело. Судья, правда, был другой, но я его помню. Ландора осудили на основании ваших показаний. Ведь это вы расследовали то ограбление?

– Я, – подтвердил Блор.

– Ландор получил пожизненный срок и год спустя умер в Дартмуре. Он был слабого здоровья.

– Он был бандит, – отрезал Блор. – Это он уложил ночного сторожа. Там все свидетельствовало против него, с самого начала.

Уоргрейв медленно проговорил:

– Кажется, вы еще получили благодарность за умелое ведение дела.

Блор угрюмо ответил:

– Повышение.

И хрипло добавил:

– Я исполнял свой долг.

Ломбард неожиданно звонко рассмеялся и сказал:

– Надо же, какие здесь собрались исполнительные и законопослушные граждане! Все, кроме меня. А что у вас, доктор? Маленькая профессиональная ошибочка? Подпольная операция, наверное?

Эмили Brent взглянула на него с нескрываемым раздражением и немного отодвинулась.

Доктор Армстронг, полностью владея собой, лишь добродушно покачал головой.

– Я и сам теряюсь в догадках, – сказал он. – То имя, которое было названо вместе с моим, ничего мне не говорит. Как там ее – Клиз? Клоз? Никогда я не лечил такую женщину, да и чтобы кто-нибудь из моих пациентов умирал, тоже не припомню. Совершеннейшая загадка. Хотя, конечно, это было давно... Может, это кто-то из тех, кого я оперировал в больнице. Люди часто слишком поздно обращаются к врачам. А когда пациент умирает, всю вину сваливают на хирурга.

Он вздохнул и покачал головой.

А сам подумал:

«Пьян – я был пьян. И взялся за скальпель! Нервы ни к черту, руки дрожат... Конечно, я ее зарезал. Бедная старуха – а ведь простая была операция, если на трезвую голову. Хорошо еще, что в нашей профессии рука руку моет. Сестра, конечно, все поняла, но болтать не стала. Господи, как я тогда перепугался! Зато пить бросил. Но кто мог дознаться об этом столько лет спустя?»

IV

В комнате воцарилось молчание. Все смотрели на Эмили Brent, кто прямо, кто исподтишка. Она не сразу поняла, чего от нее ждут. А когда поняла, брови полезли на ее низенький лоб.

– Вы ждете от меня каких-то слов? – заговорила женщина. – Но мне нечего сказать.

– Так уж и нечего, мисс Brent? – повторил судья.

– Нечего.

Уоргрейв поджал губы. Огладил лицо. И тихо продолжил:

– Вы отказываетесь от защиты?

Мисс Brent холодно ответила:

– Мне не нужна защита. Я всегда поступала только по велению совести. Мне не в чем себя упрекнуть.

Такой ответ никого не удовлетворил. Но Эмили Brent была не из тех, кого заботит общественное мнение. Она и глазом не моргнула.

Судья кашлянул раз, затем другой и сказал:

– На этом мы вынуждены прервать наше расследование. Скажите, Роджерс, кто еще есть на острове, кроме нас, вас и вашей жены?

– Никого, сэр. Совсем никого.

– Вы уверены?

– Конечно, сэр.

Уоргрейв продолжал:

– Мне пока не ясна цель, с которой наш анонимный хозяин собрал нас здесь. Однако, по моему мнению, этот человек, кем бы он ни был, не нормален в самом общепринятом смысле этого слова. Он может оказаться опасен. Поэтому в наших интересах как можно скорее покинуть этот дом. Предлагаю сделать это сегодня.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Роджерс, – но на острове нет лодки.

– Нет лодки?

– Нет, сэр.

– Как же вы поддерживаете связь с сушей?

– Фред Нарракотт приплывает сюда каждое утро, сэр. Привозит хлеб, молоко, почту, берет заказы.

– Тогда, по моему мнению, нам всем следует уехать завтра утром, на лодке этого Нарракотта, – заключил Уоргрейв.

Раздался одобрительный хор, из которого выбивался лишь один голос. Энтони Марстон не был согласен с большинством.

– Неспортивно как-то, – сказал он. – Надо бы разведать, в чем тут дело, а уж потом ехать, нет? Жалко бросать такой детектив. Триллер прямо.

Судья кисло заметил:

– В моем возрасте триллеры, как вы изволите выражаться, уже не доставляют никакого удовольствия.

Энтони насмешливо ответил:

– Закон убивает радость жизни! Я – за преступление! За него и выпью.

Он поднес к губам свой стакан и залпом выпил его содержимое. Может быть, чуть поспешнее, чем следовало бы. Марстон поперхнулся – и сильно. Его лицо исказилось, побагровело. Хватая ртом воздух, он сполз со стула на пол, выронив из рук стакан.

Глава 5

I

Это произошло так неожиданно и быстро, что у всех захватило дух. Все стояли и беспомощно смотрели на тело на полу.

Первым к упавшему подскочил Армстронг и опустился рядом с ним на колени. И почти сразу поднял изумленные глаза.

– Бог мой! Он умер! – пораженный, прошептал он.

Они не поняли. То есть не сразу.

Умер? Кто умер? Этот молодой скандинавский бог в расцвете сил и здоровья? Сражен во цвете... Но молодые люди не умирают вот так, просто поперхнувшись виски с содовой...

Нет, они не поняли.

Доктор Армстронг внимательно взгляделся в лицо покойного. Понюхал сведенные судорогой губы. Взял стакан, из которого тот пил.

– Умер? – уточнил генерал Макатур. – Вы хотите сказать, что малый просто поперхнулся и... умер?

– Может быть, и так, – ответил доктор. – Верно то, что он умер от удушья.

И снова понюхал стакан. Кончиком пальца коснулся капель на дне, затем поднес его к губам и очень осторожно лизнул.

Выражение его лица изменилось.

Генерал Макатур сказал:

– Вот не знал, что можно умереть, просто поперхнувшись!

Эмили Брент отчетливо выговорила:

– И среди жизни нас окружает смерть [\[7\]](#).

Доктор Армстронг встал и резко произнес:

– Нет, умереть, просто поперхнувшись, невозможно. Смерть Марстона произошла, что называется, не от естественных причин.

– В его стакане... что-то... было? – почти шепотом спросила Вера.

Армстронг кивнул:

– Да. Не могу сказать, что именно. Скорее всего, один из цианидов. Но без характерного запаха синильной кислоты – значит, скорее, цианид калия. Действует мгновенно.

– Яд был в стакане? – отрывисто спросил судья.

– Да.

Доктор шагнул к столику с напитками. Вынул из бутылки с виски пробку, понюхал ее, лизнул. Прodelал то же самое с содовой. Покачал

головой:

– Всё в норме.

– Хотите сказать... он сам положил себе в стакан отраву? – уточнил Ломбард.

Армстронг почему-то разочарованно кивнул:

– Похоже на то.

– Значит, самоубийство? – констатировал Блор. – Странный выбор.

Вера задумчиво произнесла:

– Никогда бы не подумала, что человек вроде него может покончить с собой. Он был так полон жизни... И так – о! – так ее любил! Когда он съезжал сегодня вечером с холма в своем автомобиле, он был похож на... на... о, я не могу объяснить!

Но ее все поняли. Энтони Марстон, молодой мужчина в расцвете сил и красоты, многим показался тогда неземным созданием. И вот он лежит, точно сломанный цветок, на полу перед ними.

– Чем еще, кроме самоубийства, можно это объяснить? – спросил доктор Армстронг.

Все медленно покачали головами. Другого объяснения не было. Напитки были чисты. Все видели, как Энтони Марстон наливал себе спиртное. А значит, какой бы яд ни был в стакане, его мог положить туда лишь сам Энтони Марстон.

Но, с другой стороны, зачем Энтони Марстону убивать себя?

– Знаете, доктор, по-моему, тут что-то не так, – задумчиво сказал Блор. – На мой взгляд, мистер Марстон был не из тех джентльменов, которые совершают самоубийства.

– Согласен, – ответил Армстронг.

II

На этом все и кончилось. Да и что еще тут было говорить?

Армстронг с Ломбардом вместе отнесли недвижимое тело Энтони Марстона в его комнату, где и оставили, закрыв его простыней с ног до головы.

Когда они снова сошли вниз, остальные стояли, сбившись кучкой, и дрожали, хотя вечер был не холодный.

Эмили Брент сказала:

– Пора идти спать. Поздно уже.

Время было за полночь. Предложение являлось вполне уместным – но все мешкали. Как будто боялись расстаться на ночь, ища защиты и утешения друг у друга.

– Да, поспать все-таки надо, – произнес судья.

– Я еще не убрал в столовой, – возразил Роджерс.

– Утром уберете, – коротко ответил Ломбард.

– Как ваша жена? – спросил Армстронг.

– Пойду посмотрю, сэр.

Через минуту-другую он вернулся.

– Спит, точно ангел, сэр.

– Хорошо, – сказал доктор. – Пусть спит, не будите.

– Не буду, сэр. Только приберу в столовой да проверю, заперто ли все на ночь, и сам лягу.

И он пошел через холл в столовую.

Остальные нехотя поплелись вверх.

Будь это старый дом со скрипучими половицами, темными углами и массивными деревянными панелями на стенах, им стало бы жутко. Но в доме все просто кричало о современности. Нигде не было потемок, исключалась сама возможность существования сдвижных панелей и потайных дверей, все заливал яркий электрический свет; полы, мебель, окна – все было новенькое, с иголки, все сверкало. В этом доме не было тайны, здесь ничего нельзя было спрятать. В нем отсутствовала атмосфера.

Но почему-то именно это пугало больше всего...

На верхней площадке лестницы все пожелали друг другу спокойной ночи. Каждый вошел в свою комнату, и каждый – или каждая – автоматически, бессознательно повернул ключ, запирая свою дверь.

III

В приятной, пастельных тонов спальне судья Уоргрейв разделся и приготовился ко сну.

Его мысли были об Эдварде Ситоне.

Он очень хорошо помнил Ситона. Светлые волосы, голубые глаза, искренний взгляд и открытая улыбка. Все это настроило присяжных в его пользу.

Льюэллин, прокурор, запарол дело. Он погорячился, слишком многое хотел доказать. А вот Мэтьюз, адвокат короны, – умница. Его аргументы были убедительны. Вопросы свидетелям убийственно точны. Да и с клиентом на скамье подсудимых он управлялся виртуозно.

И Ситон с честью выдержал перекрестный допрос. Он не волновался, не горячился. Присяжных это тоже впечатлило. Мэтьюзу уже, должно быть, казалось, что дело в шляпе...

Уоргрейв завел часы и аккуратно положил их рядом с кроватью.

Судья хорошо помнил свои действия на том процессе – он сидел, слушал, делал записи, собирая любые мелочи, которые говорили не в пользу обвиняемого.

Сколько удовольствия доставило ему то дело! Под конец Мэтьюз произнес первоклассную речь. Льюэллин, который выступал после него, уже не мог поколебать положительного впечатления, оставленного выступлением защитника.

И тогда за дело взялся он...

Судья Уоргрейв осторожно вынул свои вставные челюсти и опустил их в стакан с водой. Худые губы сжались. Теперь это был рот хищника, жестокий и беспощадный.

Прикрыв глаза, судья усмехнулся.

Да, уж выдал он тогда Ситону по первое число, будьте благонадежны!

Покряхтывая от ревматизма, Уоргрейв забрался в постель и выключил свет.

IV

Внизу, в столовой, у стола озадаченно стоял Роджерс.
Он смотрел на подставку с фарфоровыми фигурками.
И бормотал себе под нос:
– Вот чудно-то! Готов поклясться, что их было десять.

V

Генерал Макатур ворочался с боку на бок.

Сон не шел к нему.

В темноте перед ним стояло лицо Артура Ричмонда.

Артур был славный малый, он всегда отличал его среди других. И потому был рад, когда тот пришелся по душе Лесли. А ведь ей нелегко было угодить. Сколько раз, бывало, она воротила нос от хорошего парня только потому, что он, видите ли, скучный... Затвердит: «Скучный!» – и все тут.

Но с Артуром Ричмондом Лесли не скучала. С ним она поладила сразу. Они много говорили о театре, о музыке, о картинах. Она дразнила его, насмехалась над ним, разыгрывала... А он, Макатур, радовался, что она относится к парню по-матерински.

Да уж куда там, по-матерински! И как он, дурак, мог забыть, что Ричмонду двадцать восемь лет, а ей, Лесли, всего двадцать девять...

Генерал любил свою жену. Она и теперь стояла перед ним, как живая. Личико сердечком, яркие темно-серые глаза, кудрявая копна русых волос... Да, он любил Лесли и верил ей безгранично.

В том аду, во Франции, она была его спасением; присаживаясь отдохнуть, он вытаскивал ее фотографию из кармана кителя, смотрел на нее и думал о ней.

А потом он все узнал.

Все произошло точно как в романе. Она перепутала конверты. Писала им обоим и положила письмо к Ричмонду в конверт, адресованный мужу. Даже теперь, столько лет спустя, ему больно вспоминать об этом...

Черт, как же больно ему было тогда!

Судя по письму, их роман продолжался довольно долго. Они встречались по выходным. И в последний отпуск Ричмонда...

Лесли – Лесли и Артур!

Черт бы побрал этого парня! Черт бы побрал его улыбку, его короткое молодецкое «да, сэр»... Лжец, двуличный лжец! Похититель чужих жен!

Она копилась в нем исподволь – его ледяная, убийственная ненависть.

Внешне он вел себя, как обычно, – ничего не выдавал. Особенно

старался не менять своего поведения с Ричмондом.

Удалось ли ему? Он считал, что да. Артур ничего не заподозрил. Отдельные вспышки гнева не принимались в расчет там, где от напряжения слетали с катушек даже самые сильные мужчины.

И только молодой Армитедж пару раз бросал на него косые взгляды. Мальчишка мальчишкой, а перемены в настроении начальства улавливал, что твой барометр.

Наверное, когда время пришло, Армитедж обо всем догадался.

Он сознательно послал Ричмонда на верную гибель. Только чудо могло его спасти. Но чуда не случилось. Да, он послал Ричмонда на смерть и нисколько не раскаивался в этом. Время было такое. Руководство то и дело ошибалось, жизнями офицеров рисковали без всякой надобности. Везде царили сумятица и паника. Он рассчитывал, что люди потом скажут: «Старина Макартур сплеховал, совершил промах, без нужды пожертвовал лучшими людьми». И всё.

Но, на его беду, рядом случился этот Армитедж. Он так странно на него смотрел... Знал, наверное, что генерал нарочно послал Ричмонда на гибель.

(И после войны – может, это Армитедж проболтался?)

Лесли ничего не узнала. Она, наверное, плакала по своему любовнику (он так думал), но к возвращению мужа в Англию ее слезы высохли. Он не стал говорить ей, что все знает. Они по-прежнему оставались супругами – только со временем она все больше отдалялась от него, словно истаивала из его жизни. А потом, три-четыре года спустя, схватила двустороннее воспаление легких и умерла.

Давно это было. Пятнадцать – или шестнадцать? – лет назад.

Он тогда вышел в отставку и уехал жить в Девон – купил небольшой домик, как всегда хотел. Приличные соседи, красивые места. Есть где и пострелять, и порыбачить. По воскресеньям он ходил в церковь. (Пропускал только те дни, когда священник читал проповедь на тот текст, где Давид поставил Урию во главе войска на поле битвы^[8]. Почему-то он никак не мог этого перенести. Ему становилось неприятно.)

Все были очень приветливы с ним. Поначалу. А потом ему стало казаться, что люди шепчутся у него за спиной. И смотреть на него соседи тоже стали по-другому. Как будто до них дошли какие-то слухи о его прошлом...

(Армитедж? Наверное, это Армитедж проболтался.)

Тогда он начал избегать людей – ушел в себя. Неприятно знать, что

о тебе сплетничают.

А ведь это случилось так давно. И так... напрасно. Лесли растворилась в былом, а с нею и Артур Ричмонд. Прошлое прошло.

Его жизнь стала одинокой. Он чурался старых армейских приятелей. (Если Армитедж проболтался, то они все знают.)

И вот сегодня вечером громкий чужой голос разболтал эту старую историю во всеуслышание.

Правильно ли он отреагировал? С достоинством ли? Удалось ли ему вложить в свой ответ достаточно отвращения и негодования? Или в нем прозвучали лишь страх и косвенное признание вины? Трудно сказать.

С другой стороны, вряд ли кто обратил внимание. Оболгали ведь не его одного, других тоже. Взять хоть ту милую девушку – голос обвинил ее в том, что она утопила ребенка... Чушь! Какой-то маньяк бросается обвинениями.

Или Эмили Брент – которая, кстати, оказалась племянницей Тома Брента из его полка. И ее обвинили в убийстве! Да всякому, у кого есть хотя бы полглаза, ясно, что она – само благочестие. Из тех старых дев, которых из церкви палкой не выгонишь.

И вообще чертовски странное дело. Сплошное безумие.

С тех самых пор, как они сюда приехали... когда же это было? Ба, да только сегодня днем! А кажется, что уже давно.

«Интересно, когда мы отсюда выберемся?» – подумал Макартур.

Конечно, завтра, когда с берега придет лодка.

Странно, но ему не очень-то хотелось уезжать с острова... возвращаться на Большую землю, в свой дом, к повседневным трудам и заботам. Через открытое окно он слышал, как волны бьются о скалы – громче, чем раньше. Поднимался ветер.

Он подумал: «Мирные звуки. Мирное место»...

И еще подумал: «Остров хорош тем, что, когда на него попадаешь, то дальше идти уже некуда... ты прибыл...»

И вдруг генерал отчетливо понял, что ему совсем не хочется уезжать.

VI

Вера Клейторн без сна лежала в постели и смотрела в потолок.

Рядом с ее кроватью горел ночник. Она боялась темноты.

Она думала: «Хьюго. Хьюго. Почему сегодня мне все кажется, что ты рядом? Где-то совсем близко... Где он на самом деле? Я не знаю. И никогда не узнаю. Он ушел – ушел из моей жизни и никогда не вернется».

Но все попытки не думать о нем ни к чему не приводили. Он был рядом. Ей хотелось думать о нем – хотелось вспоминать...

Корнуолл...

Черные скалы, мелкий желтый песок. Миссис Хэмилтон, дородная, добродушная женщина. Сирил, который вечно скулит, вечно тянет ее за руку...

«Я хочу поплыть к тем скалам, мисс Клейторн. Почему мне нельзя к скалам?»

Она поднимает глаза – и встречает внимательный взгляд Хьюго.

Вечером, Сирил уже в постели.

«Давайте пройдемся, мисс Клейторн».

«Что ж, пожалуй».

Благопристойная прогулка до пляжа. А там – лунный свет, шелест волн Атлантики.

И, наконец, объятия Хьюго.

«Я люблю тебя. Люблю. Ты знаешь, что я люблю тебя, Вера?»

Конечно, она знает.

(Или думала, что знает.)

«Я не могу просить тебя выйти за меня замуж. У меня нет ни пенни. Я едва свожу концы с концами. Ты не поверишь, но однажды у меня был шанс стать богатым человеком. Целых три месяца я питал надежды. Морис тогда уже умер, а Сирил еще не родился. Будь он девочкой...»

Родись тогда девочка, Хьюго стал бы основным наследником. Но его ждало разочарование, и он не стеснялся в этом признаться.

«Конечно, я не строил никаких планов. Но щелчок по носу был хороший. Что ж, удача есть удача – ей не прикажешь! Я очень его люблю». И это было правдой. Хьюго готов был часами забавлять малолетнего племянника, придумывать разные игры. Не в его натуре было таить злобу.

Сирил был болезненным ребенком. Даже хилым – никакой

выносливости. Дети вроде него часто не доживают до взрослых лет.

А потом...

«Мисс Клейторн, почему мне нельзя плавать к скалам?»

И так без конца.

«Слишком далеко, Сирил».

«Но, мисс Клейторн...»

Вера встала. Подошла к туалетному столу, проглотила три таблетки аспирина. Подумала: «Жаль, что у меня нет настоящего снотворного».

И еще: «Если бы я решила покончить с собой, то предпочла бы веронал или что-то вроде того, но уж никак не цианид!»

Она вздрогнула, вспомнив перекошенное фиолетовое лицо Энтони Марстона.

Проходя мимо камина, бросила взгляд на стишок в рамке.

Десять негритят решили пообедать,
Один внезапно подавился – их осталось девять.

«Какой ужас – прямо как у нас сегодня вечером...» – подумала девушка.

Почему Энтони Марстон решил умереть?

Ей умирать вовсе не хотелось.

Она даже представить себе не могла, как это можно – хотеть умереть.

Смерть – это для других...

Глава 6

I

Доктору Армстронгу снился сон...

Жара в операционной...

Зачем так топить? По его лицу течет пот. Руки стали липкими. Скальпель скользит в пальцах.

Какой он восхитительно острый...

Таким острым скальпелем ничего не стоит зарезать. И он режет...

Женщина выглядела иначе. Та была большая, неуклюжая. Эта – худощавая, мелкая. Лицо накрыто.

Кого же он должен убить?

Доктор не мог вспомнить. Но ведь ему необходимо знать. Может, спросить сестру?

Сестра наблюдала за ним молча. Нет, ее спрашивать не стоит. Она и так что-то подозревает, это же видно.

Но кто же это на столе?

Зря они закрыли ей лицо.

Если бы он мог его видеть...

А! Вот так-то лучше. Молодой практикант снял покрывало.

Ну конечно, Эмили Brent. Значит, он должен убить Эмили Brent... До чего у нее злобный взгляд! И губы шевелятся. Что она говорит?

«В середине жизни нас окружает смерть»...

Теперь она смеется. Нет, сестра, не закрывайте ее лицо. Я должен видеть. Надо дать ей анестезию. Где эфир? Я же принес его с собой. Куда вы дели эфир, сестра? Что, «Шатонёф-дю-Пап»? ^[9] Да, сгодится.

Уберите платок, сестра.

Ну, конечно! Так я и знал! Энтони Марстон! Фиолетовое лицо перекошено. Но он не мертв – поглядите, хохочет! Говорю вам, хохочет! Даже операционный стол трясется.

Тише, вы, эй, тише... Сестра, держите его...

Доктор Армстронг вздрогнул и проснулся. Было утро. В комнату лился солнечный свет.

Кто-то склонился над ним и тряс его за плечо. Роджерс. Бледный, как смерть, он повторял:

– Доктор... доктор!

Армстронг, проснувшись окончательно, сел в постели и резко спросил:

– В чем дело?

– Моя жена, доктор... Не могу ее добудиться. Господи! Она не просыпается. И... и вид у нее странный.

Доктор Армстронг быстро и решительно встал, и, накинув халат, поспешил за Роджерсом.

Он склонился над постелью, где мирно лежала на боку женщина. Взял ее холодную руку, приподнял веко. Прошло несколько секунд, прежде чем он выпрямился и повернулся к ней спиной.

Роджерс прошептал:

– Она... она не?..

И облизнул языком сухие губы.

Армстронг кивнул.

– Да, ее больше нет с нами.

И задумчиво поглядел на человека перед собой. Оба подошли сначала к тумбочке у кровати, потом к умывальнику, снова вернулись к кровати.

– Это с... с-сердце, доктор? – спросил Роджерс срывающимся голосом.

После минутной паузы доктор Армстронг ответил:

– Она жаловалась на здоровье?

– Ревматизм немножко беспокоил.

– А к врачам она в последнее время не обращалась?

– К врачам? – удивился Роджерс. – Да она сроду у них не бывала – и я тоже.

– Тогда почему вы думаете, что у нее была болезнь сердца?

– Ничего я не думаю. Просто спрашиваю.

– Она хорошо спала? – спросил доктор.

Глаза Роджерса забегали. Сцепив пальцы, он стал нервно выкручивать себе руки. Наконец буркнул:

– Нет, не очень; плохо она спала.

– Она принимала снотворные препараты? – тут же уточнил Армстронг.

Роджерс посмотрел на него с удивлением:

– Снотворные? Она? Понятия не имею. Вряд ли, я бы знал.

Доктор снова подошел к умывальнику. На нем стояли бутылочки. Лосьон, лавандовая вода, каскара, глицерин для рук, ополаскиватель для рта, зубная паста и мазь Эллимана.

Роджерс помог ему вывернуть ящики туалетного стола. Потом комода. Но никаких следов снотворных капель или таблеток они не

обнаружили.

– Ничего она не принимала, сэр, кроме того, что вы ей вчера дали... – произнес дворецкий.

II

Когда в девять утра ударил гонг к завтраку, никто уже не спал; все ждали.

Генерал Макатур и судья мерили шагами террасу, обмениваясь отрывочными замечаниями о политической ситуации.

Вера Клейторн и Филипп Ломбард поднялись на верхнюю точку острова. Там они обнаружили Уильяма Генри Блора, который стоял и смотрел в сторону берега.

– Моторки пока не видно, – сказал он. – Я уже давно жду.

– Девон – настоящее сонное царство, – с улыбкой заметила Вера. – Здесь никто никуда не торопится.

Филипп Ломбард смотрел в другую сторону, на море. Вдруг он спросил:

– Как вам погода?

Бросив взгляд на небо, Блор заметил:

– Да ничего вроде.

Ломбард сложил губы, точно собираясь свистнуть, и произнес:

– К вечеру поднимется ветер.

– Сильный? – уточнил Блор.

Снизу загудел гонг.

– Завтрак? – сказал Филипп. – Что ж, кстати.

Пока они спускались по крутому склону, Блор задумчиво сказал Ломбарду:

– Я все никак в толк не возьму – зачем он покончил с собой, тот парень? Всю ночь о нем думал.

Вера шла впереди. Ломбард замедлил шаг и спросил:

– А у вас есть другая теория?

– Для теории нужны доказательства. Мотив хотя бы. Он вроде был богат...

Из гостиной вышла на террасу Эмили Brent и отрывисто спросила:

– Лодка идет?

– Нет пока, – сказала Вера.

Они пошли завтракать. На буфете стояло огромное блюдо вареных яиц, бекон, чайник и кофейник.

Роджерс придержал дверь, пропуская их внутрь, потом запер ее снаружи.

– Мне кажется, этот человек болен, – сказала Эмили Brent.

Доктор Армстронг, стоя у окна, кашлянул:

– Сегодня утром нам придется закрыть глаза на некоторые недочеты. Роджерсу пришлось одному собирать завтрак. Миссис Роджерс... не смогла.

Так же отрывисто, как раньше о лодке, Эмили Brent спросила:

– Что с ней?

– Давайте завтракать, – весело ответил Армстронг. – Яйца стынут. Потом обсудим.

Намек был понят. Гости наполнили тарелки, налили себе кофе и чай и приступили к трапезе.

Об острове за завтраком не говорили. Эта тема была общим табу. Болтали обо всем понемножку. О новостях из-за границы, о событиях в спорте, о последнем появлении лохнесского чудовища.

Наконец тарелки опустели, и доктор Армстронг, подавшись назад вместе со стулом, важно кашлянул и начал:

– Я решил, что будет лучше сначала дать всем позавтракать, а уж потом сообщить печальную новость. Миссис Роджерс скончалась сегодня во сне.

Последовали возгласы изумления и испуга.

– Какой ужас! – воскликнула Вера. – Две смерти на острове за одни сутки!

Судья Уоргрейв, прищурившись, ясным негромким голосом произнес:

– Гм... очень любопытно... Какова же причина смерти?

Армстронг пожал плечами.

– Трудно сказать наверняка.

– Нужно делать вскрытие?

– По крайней мере, сертификат о смерти я бы подписывать не стал. Не имею понятия, как обстояли у нее дела со здоровьем.

– Она производила впечатление очень нервной, – заметила Вера. – А вчера к тому же пережила такой шок... Возможно, сердечная недостаточность?

Доктор Армстронг сухо ответил:

– Да, биться ее сердце перестало, это точно. Но вот по какой причине?

Тут Эмили Brent вставила свое слово. От него всех присутствующих точно холодом обдало.

– Совесть! – сказала она.

Армстронг обернулся к ней.

– Что вы имеете в виду, мисс Брент?

Та, решительно поджав губы, ответила:

– Вы ведь все слышали. Их с мужем обвинили в намеренном доведении до смерти бывшей хозяйки – пожилой леди.

– И вы полагаете...

– Я считаю, что так оно и было, – отрезала мисс Брент. – Вы же видели ее вчера вечером. Она до того напугалась, что потеряла сознание. Стоило ткнуть ее носом в ее же собственную скверну, и она не выдержала. Буквально умерла от страха.

Доктор Армстронг с сомнением покачал головой:

– Это возможная теория. Однако ее нельзя принимать безоговорочно, не имея никаких сведений о состоянии здоровья покойной. Если имела место слабость сердечной мышцы...

Эмили Брент тихо сказала:

– Можете считать это вмешательством Господа, если предпочитаете.

Все были в шоке.

– Ну, это уж вы далеко хватили, мисс Брент, – смущенно возразил мистер Блор.

Женщина смотрела на них сияющими глазами. Ее голова была торжествующе поднята.

– Вы считаете невозможным, чтобы десница Господня покарала грешника? – провозгласила она. – Я – нет!

Судья, поглаживая подбородок, не без иронии произнес:

– Моя дорогая леди, опыт общения с преступниками подсказывает мне, что провидение обычно предоставляет преследование и наказание последних нам, смертным, – причем процесс нередко бывает сопряжен с немалыми трудностями. Правосудие не знает легких путей.

Эмили Брент пожала плечами.

– А что она ела и пила вчера вечером после того, как ушла наверх? – вдруг спросил Блор.

– Ничего, – ответил Армстронг.

– Совсем ничего? Чашку чая? Или хотя бы стакан воды? Держу пари, уж чаю-то она наверняка выпила. Такие, как она, без чашечки на ночь не обходятся.

– Роджерс уверяет, что она ничего не ела и не пила.

– А, – отозвался Блор. – Еще бы ему не уверять!

Он сказал это настолько многозначительно, что доктор против воли

посмотрел на него с вниманием.

– Так вот, значит, какая у вас мысль? – прищурился Ломбард.

– А почему нет? – напористо ответил Блор. – Мы все вчера слышали обвинение. Чистое сумасшествие, разумеется! Хотя как посмотреть... Допустим, что это правда: Роджерс и его миссис уходили-таки старушку. Что это нам дает? А то, что много лет они жили себе спокойно...

Его перебила Вера. Тихим голосом она сказала:

– Не думаю, чтобы миссис Роджерс когда-нибудь чувствовала себя спокойно.

Блора ее вмешательство только вывело из себя. Он метнул на нее сердитый взгляд, яснее всяких слов говоривший: «Женщина, чего еще от нее ждать».

– Может быть, – продолжил бывший сыщик. – И все-таки до поры до времени ничего им не угрожало – как вдруг вчера вечером неизвестный псих взял да и выдал их маленькую тайну. И что же произошло тогда? А то, что женщина не выдержала. Она практически выдала себя. Помните, как ее муженек висел над ней вчера, точно коршун над цыпленком, пока она приходила в себя после обморока? Супружеская преданность тут ни при чем, могу поклясться! Он сам был как кошка на горячих кирпичах. До смерти боялся, как бы она не проболталась... Вот вам и ситуация! Они совершили убийство, которое сошло им с рук. Пока никто не начал докапываться до сути. А тогда – десять к одному, что женщина расколется и провалит все дело. У нее духу не хватит стоять на своем до конца. А значит, она представляет опасность для мужа. Он-то в порядке – будет лгать хоть до второго пришествия и глазом не моргнет; но в ней у него нет уверенности! А ведь если она выдаст, то его шея в большой опасности! Вот он и подмешивает ей в чай самую малость чего-нибудь, и она умолкает навсегда.

– Рядом с ее кроватью не было чашки – и стакана тоже не было, – медленно возразил Армстронг. – Я смотрел.

Блор фыркнул.

– Ну, разумеется, не было! Первое, что он сделал, когда она все выпила, это унес чашку с блюдцем и тщательно вымыл то и другое.

Настала пауза. Затем генерал Макартур с сомнением возразил:

– Может быть, и так. Только мне что-то не верится, чтобы человек мог сделать такое – со своей женой.

Блор коротко усмехнулся.

– Когда человеку грозит петля, тут не до сантиментов.

Новая пауза. Никто не успел заговорить, как дверь открылась и вошел Роджерс.

– Чем еще я могу служить? – спросил он, переводя взгляд с одного лица на другое.

Судья Уоргрейв чуть поерзал в своем кресле и произнес:

– В котором часу обычно прибывает моторная лодка?

– Между семью и восемью, сэр. Иногда чуть позже восьми. Смотря чем Фред Нарракотт занят сегодня утром. Если ему нездоровится, он посылает брата.

– Который сейчас час? – осведомился Ломбард.

– Без десяти десять, сэр.

Брови Филиппа поползли вверх. Он медленно покивал своим мыслям.

Роджерс подождал минуту-другую.

Вдруг заговорил генерал Макартур:

– Мне жаль, что так произошло с вашей женой, Роджерс. Доктор нам только что рассказал.

Роджерс наклонил голову:

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

Он взял пустое блюдо из-под бекона и вышел. Снова стало тихо.

III

На террасе Филипп Ломбард заговорил:

– Насчет лодки...

Блор посмотрел на него, кивнул и сказал:

– Я знаю, о чем вы думаете, мистер Ломбард. Я тоже задавал себе этот вопрос. Моторка должна была прийти два часа назад. Но не пришла. Почему?

– Знаете ответ? – спросил Ломбард.

– Это не случайность – вот что я вам скажу. Так задумано. В этой истории все связано.

– Значит, по-вашему, она уже не придет?

Вдруг кто-то позади них произнес капризным нетерпеливым тоном:

– Не будет никакой лодки.

Блор повернулся всем корпусом и задумчиво посмотрел на говорившего.

– Вы тоже так думаете, генерал?

Генерал Макатур отрывисто продолжил:

– Конечно. Мы рассчитываем, что лодка придет и снимет нас с острова. В этом вся суть. Но мы все останемся на острове... Никто из нас его не покинет... Это конец, понимаете, конец...

Поколебавшись, он странно изменившимся голосом добавил:

– Это и есть покой – настоящий покой: дойти до конца, не продолжать... Да, покой...

Он резко повернулся и пошел прочь. Спустился по ступеням с террасы, затем вниз по склону к морю, и там, уже невидимый от дома, зашагал дальше, на край острова, где в воде лежали огромные булыжники. Шел Макатур немного нетвердо, как будто не вполне проснувшись.

– Еще один псих! – прокомментировал Блор. – Похоже, к концу мы все тут спятим.

– Ну, вы-то вряд ли, Блор, – заметил Филипп.

Бывший инспектор засмеялся:

– Да, меня не так просто свести с ума. – И сухо добавил: – Кстати, не думаю, что и вы пойдете по этой дорожке, мистер Ломбард.

– В данный момент я в здравом уме, спасибо, – ответил тот.

IV

Доктор Армстронг вышел на террасу и остановился в раздумье. Слева от него находились Блор и Ломбард. Справа медленно расхаживал взад и вперед Уоргрейв, опустив голову.

Наконец доктор, поборов нерешительность, повернулся к последнему.

Но тут из дома почти выбежал Роджерс.

– Разрешите вас на одно слово, сэр?

Армстронг повернулся к дворецкому.

То, что он увидел, его поразило.

Лицо Роджерса перекосилось. Стало серовато-зеленым. Руки тряслись. Все это так не походило на того вышколенного слугу, которого они видели всего несколько минут назад, что Армстронг даже отпрянул.

– Пожалуйста, сэр, всего на одно слово... Давайте войдем внутрь, сэр.

Доктор снова вошел в дом вслед за взволнованным дворецким.

– Прекратите панику, вы же мужчина, соберитесь, – сказал он.

– Это здесь, сэр, вот здесь...

Роджерс распахнул дверь столовой. Доктор вошел. Дворецкий последовал за ним и закрыл дверь.

– Ну, – спросил Армстронг, – в чем дело?

Горло Роджерса вздрогнуло – он силился сглотнуть. Наконец выпалил:

– Здесь творится такое, сэр, чего я не понимаю.

– Такое? Какое такое? – отрывисто спросил Армстронг.

– Вы решите, что я спятил, сэр. Скажете, что это чушь. Но этому должно быть какое-то объяснение, сэр. Должно. Иначе какой же смысл?

– Да объясните же толком, в чем дело! Хватит говорить загадками.

Роджерс снова сглотнул.

– Те фигурки, сэр... Посреди стола. Фарфоровые. Их десять... то есть было десять. Могу поклясться, что их было десять.

– Да, десять, – подтвердил Армстронг. – Мы все их пересчитывали вчера за ужином.

Роджерс подошел ближе.

– В том-то и дело, сэр. Вчера вечером, когда я убирал со стола, их

было девять, а не десять. Я заметил это и подумал, как это странно. Но больше я тогда ничего не подумал. И вот, сэр, сегодня утром... Накрывая к завтраку, я не обратил на них внимания. Был расстроен и все такое прочее. И вот, сэр, я прихожу убираться... Взгляните сами, убедитесь. Их восемь, сэр! *Всего восемь!* Но почему? *Всего восемь негритят...*

Глава 7

I

После завтрака Эмили Брент предложила Вере Клейторн вместе подняться на вершину и посмотреть оттуда лодку. Девушка согласилась.

Ветер посвежел. На море появлялись маленькие белые барашки. Ни одной рыбацкой лодки не было видно – и моторки тоже.

Деревни Стиклхэвн тоже видно не было, только холм над ней, – вход в бухту загораживала большая красноватая скала.

– Человек, который привез нас сюда вчера вечером, казался таким надежным, – сказала Эмили Брент. – Странно, что он не появился сегодня утром.

Вера не ответила. Она боролась с приступом паники.

Про себя девушка сердито твердила:

«Сохраняй спокойствие. Это совсем на тебя не похоже. У тебя всегда были крепкие нервы».

Вслух же она через минуту-другую сказала:

– Хоть бы он поскорее приехал. Мне... мне так хочется убраться отсюда.

– Как и всем нам, – сухо ответствовала мисс Брент.

– Дикая ситуация... – вздохнула Вера. – Просто... просто бессмысленная.

Пожилая женщина решительно произнесла:

– Я очень сердита на себя за то, что попалась на их приманку. То письмо – полная ерунда, если взглянуть на него критически. Но когда я прочла его в первый раз, у меня даже сомнений не возникло.

– Да, конечно, – машинально буркнула мисс Клейторн.

– Люди слишком доверчивы, – выдала Эмили Брент.

Вера ответила глубоким судорожным вздохом и спросила:

– Вы правда думаете так – как вы говорили за завтраком?

– Нельзя ли поточнее, моя милая? Что именно я говорила?

– Вы вправду думаете, что Роджерс и его жена убили ту старую леди? – тихо произнесла Вера.

Эмили Брент долго задумчиво смотрела на море. Потом сказала:

– Лично у меня нет никаких сомнений. А у вас?

– Не знаю.

– Все говорит за то. Иначе с чего бы женщине падать в обморок? А ее муж в ту же секунду уронил поднос с кофе, помните? Потом, когда он

заговорил, сразу было видно, что он врет. О, да, я уверена, что они виновны.

– У нее был такой вид – она своей тени боялась! – заметила Вера. – Никогда не видела такой перепуганной женщины. Наверное, ее всю жизнь мучили угрызения совести...

Мисс Brent тихо промолвила:

– Я помню текст, который висел в моей детской, когда я была маленькой девочкой. «Испытаете наказание за грех ваш»^[10]. И это чистая правда. «Испытаете наказание за грех ваш...»

Вера порывисто встала.

– Но, мисс Brent... мисс Brent... в таком случае...

– Да, моя дорогая?

– Остальные? Как же быть с остальными?

– Я не совсем вас понимаю.

– Остальные обвинения – они же не взаправду? Хотя, если про Роджерсов все верно... – Она умолкла, не в силах справиться со смятением.

Озадаченно нахмуренный лобик мисс Brent разгладился.

– О, я поняла. Возьмите хотя бы того же Ломбарда. Он сам признал, что бросил умирать двадцать человек.

– Но ведь то были дикари... – возразила мисс Клейторн.

Эмили Brent резко бросила:

– Белые или черные, все они наши братья.

«Черные братья... наши черные братья... – подумала Вера. – Ой, не могу, сейчас расхожусь. У меня истерика. Я не в себе...»

Мисс Brent между тем задумчиво говорила:

– Конечно, многие другие обвинения и мне показались надуманными и смешными. К примеру, против судьи, который просто исполнял свой долг перед обществом. Или против того человека из Скотленд-Ярда... Да и против меня самой тоже.

Помолчав, она заговорила снова:

– Естественно, учитывая обстоятельства, я ничего не стала говорить вчера вечером. О таких вещах не следует говорить в присутствии джентльменов.

– Почему?

У Веры проснулся интерес. Мисс Brent невозмутимо продолжила:

– Беатрис Тейлор была моей горничной. Дурная девушка – к сожалению, я выяснила это слишком поздно. Я очень в ней ошиблась. У нее были такие приятные манеры, она была старательной и опрятной...

Сначала я была ею довольна. Но все это оказалось сплошным притворством! Распущенная девчонка без всякого представления о морали. Отвратительно! Я не сразу поняла, что она, как это называется, «в беде». – Эмили Брент помолчала, ее деликатный носик негодующе сморщился. – Я была буквально шокирована. При таких приличных родителях, которые воспитывали ее в строгих правилах... Я рада, что они тоже не стали потворствовать ее поведению.

– Что произошло? – спросила Вера, глядя в упор на мисс Брент.

– Разумеется, под моею крышей она не осталась и часу. Никто и никогда не сможет уличить меня в том, что я потворствую аморальности.

– Что произошло с нею? – еще тише спросила девушка.

– Этому падшему созданию, – ответствовала мисс Брент, – оказалось мало одного греха, и она совершила второй, куда более тяжкий. Лишила себя жизни.

Пораженная ужасом, мисс Клейторн прошептала:

– Она убила себя?

– Да, бросилась в реку.

Вера вздрогнула и взглянула на тонкий безмятежный профиль мисс Брент.

– Что вы чувствовали, когда узнали об этом? Вам не было ее жаль? Вы не винили себя?

Эмили Брент выпрямилась.

– Я? Мне не в чем себя упрекнуть.

– Но это же вы... ваша жесткость... довела ее до этого, – выдохнула Вера.

– Ее поступок – ее грех – вот что довело ее до этого, – отрубила пожилая дама. – Если бы она вела себя так, как это положено порядочной и скромной молодой женщине, ничего бы с ней не случилось.

И она повернулась к Вере лицом. Ни тени раскаяния, ни следа душевных мук не было в ее взгляде. Только жестокое сознание собственной безгрешности. Эмили Брент сидела на самой вершине Негритянского острова, закованная в непроницаемую броню собственной добродетели.

Сухонькая старая дева больше не казалась Вере смешной.

Наоборот – она вдруг стала страшной.

II

Доктор Армстронг покинул столовую и снова устремился на террасу.

Судья сидел теперь в кресле, безмятежно взирая на море.

Ломбард и Блор молча курили слева.

Как и раньше, доктор замешкался, выбирая. Задержался на Уоргрейве оценивающим взглядом. Ему хотелось с кем-нибудь посоветоваться. В судье он сразу почувствовал острый, логический ум. И все же Армстронг колебался. Пусть Уоргрейв и умен, но все же он пожилой человек. А ему сейчас нужен был скорее человек действия...

Наконец он принял решение.

– Ломбард, можно вас на одно слово?

Филипп вздрогнул.

– Конечно.

Двое мужчин вышли с террасы и пошли вниз по склону к воде. Отойдя на порядочное расстояние, Армстронг начал:

– Мне нужен ваш совет.

Ломбард поднял брови.

– Мой дорогой друг, я не обладаю познаниями в медицине.

– Нет, нет, я о ситуации в целом.

– А, это другое дело.

– Что вы думаете о нашем положении, только честно? – спросил Армстронг.

Ломбард на минуту задумался, потом сказал:

– Ничего хорошего, а вы?

– Как вы считаете, насчет той женщины все правда? Вы согласны с Блором?

Филипп выпустил дым.

– Если взять ее случай в отдельности, то, вполне возможно, он прав.

– Я тоже так думаю.

В тоне Армстронга явно слышалось облегчение. Ломбард не дурак.

Тот между тем продолжал:

– То есть если, конечно, предположить, что мистеру и миссис Роджерс убийство действительно сошло с рук. Хотя почему бы и нет? Что, по-вашему, они могли сделать? Отравили старушку?

Армстронг не спеша ответил:

– Все могло быть гораздо проще. Я спросил Роджерса сегодня утром, чем болела эта их мисс Брейди. Его ответ многое для меня прояснил. Не буду вдаваться в медицинские подробности, но при определенных видах сердечной недостаточности используют амилнитрит. Когда начинается приступ, ампулу амилнитрита вскрывают и вдыхают пары. Если лекарства под рукой не окажется, последствия могут быть любыми, вплоть до летального исхода.

– Так просто... – задумчиво произнес Филипп. – Какое искушение.

Доктор кивнул.

– Да, и главное, делать ничего не надо. Не надо добывать мышьяк, ломать голову над тем, куда его влить, ничего не надо – только немножечко подождать! А уж потом пуститься пешком, в страшную грозу, за доктором – в уверенности, что никто ничего не узнает...

– А если и узнает, то не докажет, – добавил Ломбард.

Вдруг он нахмурился.

– Конечно, это многое объясняет.

– Прошу прощения? – озадаченно спросил Армстронг.

– Я хочу сказать – Негритянский остров. Есть убийства, когда доказать вину просто невозможно. Взять хотя бы Роджерсов. Или старину Уоргрейва, который убил строго в рамках закона...

– Вы верите этой истории? – перебил его Армстронг.

Филипп улыбнулся.

– Ну, конечно, верю. Уоргрейв убил Эдварда Ситона так же верно, как если бы проткнул его стилетом! Но ему хватило ума сделать это, не покидая судейского кресла и не снимая парика и мантии. Так что обычным путем его вину никак не докажешь.

Внезапная догадка молнией поразила Армстронга:

«Убийство в госпитале. Убийство на операционном столе. Здесь ведь тоже не подкопаешься!»

Ломбард продолжал:

– Отсюда мистер Оуэн, отсюда и Негритянский остров!

Доктор сделал глубокий вдох.

– Ну, вот мы и добрались до сути. Как, по-вашему, зачем нас здесь собрали?

– А по-вашему? – ответил вопросом на вопрос Ломбард.

– Давайте ненадолго вернемся к смерти этой женщины, – резко сменил тему Армстронг. – Каковы возможные предположения? Роджерс убил ее, потому что испугался, что она его выдаст. Вторая возможность:

у нее сдали нервы, и она предпочла легкий выход.

– Самоубийство, значит? – произнес Филипп.

– Вы так не считаете?

– Пожалуй, я согласился бы с вами, если б прямо перед нею не умер Марстон. Два самоубийства за неполные двенадцать часов – в это как-то трудно поверить. И если вы станете меня уверять, что Марстон, этот молодой самец в полном расцвете сил и при столь же полном отсутствии мозгов, вдруг испытал угрызения совести из-за того, что где-то когда-то переехал двух маленьких ребятишек, и от раскаяния решил покончить с собой, то я вам просто не поверю. Смешно! Кроме того, где бы он взял яд? Насколько я знаю, цианистый калий – не та вещь, которую можно найти у первого встречного в жилетном кармане... Хотя вам, конечно, виднее.

– Никто в здравом уме цианистый калий носить с собой не станет, – согласился Армстронг. – Если, конечно, он не планирует травить ос.

– То есть какой-нибудь заядлый садовник или заботливый землевладелец, верно? Но это опять не Энтони Марстон. По-моему, тот цианид, который нашли у него в стакане, нуждается в подробном объяснении. Либо парень собирался покончить с собой еще до того, как попал на остров, – и потому приехал подготовленный, либо...

– Либо?.. – нетерпеливо переспросил доктор.

Ломбард усмехнулся.

– Хотите, чтобы я произнес вслух то, что у вас у самого на языке вертится? Пожалуйста: Энтони Марстона убили.

III

Доктор Армстронг сделал глубокий выдох.

– А миссис Роджерс?

Ломбард медленно ответил:

– Я бы поверил в самоубийство Энтони – хотя это и трудно, – если бы не смерть миссис Роджерс. Я бы поверил в самоубийство миссис Роджерс – что совсем легко, – если бы не смерть Энтони Марстона. Я верю, что Роджерс мог убрать свою жену в случае опасности – но тогда при чем тут Энтони Марстон? Значит, нам нужна теория, объясняющая обе смерти разом.

– Возможно, я смогу помочь вам в ее поисках... – сказал Армстронг.

И он выложил все, что сообщил ему об исчезновении двух фарфоровых фигурок Роджерс.

– Да, еще эти фарфоровые штучки... – задумался Ломбард. – Вчера вечером их точно было десять. А теперь, вы говорите, восемь?

Доктор процитировал:

Десять негритят решили пообедать,
Один внезапно подавился – их осталось девять.

Девять негритят уселись под откосом,
Один заснул и не проснулся – их осталось восемь.

Мужчины переглянулись. Филипп усмехнулся и отшвырнул окурок.

– Слишком точное попадание для совпадения! Энтони Марстон умер вчера от асфиксии, или оттого, что поперхнулся, а матушка Роджерс заснула и больше не проснулась.

– Следовательно? – сказал Армстронг.

Ломбард подошел к нему совсем близко.

– И, следовательно, негритят в нашем случае не десять, а одиннадцать. Где-то есть еще один, неучтенный негритенок! Негритенок-икс! Мистер Оуэн! А.Н. Оуэн! Неизвестный псих на свободе!

– А! – Доктор с облегчением выдохнул. – Так вы согласны. Но вы же понимаете, что это значит? Роджерс клялся, что, кроме него с женой и нас, на острове никого нет.

– Роджерс ошибается! Или лжет, что вполне вероятно.

Армстронг покачал головой:

– Не думаю. Он напуган. Напуган едва ли не до полусмерти.

Ломбард кивнул.

– Лодка сегодня не пришла. Все сходится. Мистер Оуэн позаботился об этом, вне всякого сомнения. Ничья нога не должна ступать на остров, пока он не сделает свое дело.

Армстронг побледнел.

– Как вы не понимаете – этот человек опасный психопат! – сказал он.

В голосе Ломбарда прозвучала новая нота:

– Мистер Оуэн не учел одного.

– Чего же?

– Этот остров – почти голая скала. Обыскать ее сверху донизу труда не составит. Так что А.Н. Оуэн, эсквайр, скоро будет у нас в руках.

Доктор Армстронг предостерегающе заметил:

– Он наверняка опасен.

Филипп Ломбард засмеялся:

– Опасен? Нам не страшен серый волк... Это я буду опасен, когда схвачу его за шкуру!

Помолчав, он добавил:

– Хотя, пожалуй, лучше подключить к этому делу Блора. В потасовке от него будет толк. Женщинам лучше не говорить. Что до остальных, то генерал, похоже, спятил, а у старины Уоргрейва самая сильная сторона – бездействие. Так что займемся этим втроем.

Глава 8

I

Втянуть Блора труда не составило. Он выразил живейшее согласие со всеми их аргументами.

– Исчезновение тех фарфоровых фигурок, сэр, многое меняет. Сразу видно, что мы имеем дело с психом! Есть только одно соображение. Что, если Оуэн осуществляет свой замысел через подставных лиц?

– Объясните.

– Я вот о чем. После шума, поднятого здесь вчера ночью, молодой Марстон все понял и покончил с собой. Роджерс тоже держал нос по ветру и потому быстренько убрал свою жену. Все согласно плану А.Н. Оуэна.

Армстронг покачал головой и напомнил про цианид. Блор согласился.

– Да, об этом я забыл... Нормальные люди такого с собой не носят. Но как яд попал в его стакан, сэр?

– Я об этом думал, – сообщил Ломбард. – Марстон выпил вчера не одну порцию виски. Между последней и предпоследней была довольно большая пауза. В это время его стакан стоял без присмотра на каком-то столе. Кажется – хотя я не уверен, – на маленьком столике у окна. Окно было открыто. Кто-нибудь мог опустить в стакан цианид через окно.

– И никто его не видел? – недоверчиво произнес Блор.

– Мы все были... заняты, – сухо заметил Ломбард.

Армстронг медленно произнес:

– Это верно. Все были в шоке. Бегали по комнате, суетились. Спорили, сердились, волновались. Так что, наверное, не исключено...

Блор пожал плечами.

– Точнее, это наверняка так и было! А сейчас, джентльмены, давайте начнем. Кстати, ни у кого, случайно, нет при себе револьвера? Хотя вряд ли, это была бы слишком большая удача...

– У меня есть, – заявил Ломбард и похлопал себя по карману.

Блор широко раскрыл глаза. Затем сказал преувеличенно небрежно:

– И что, вы всегда носите его с собой, сэр?

– Привычка, – ответил Ломбард. – Мне случалось бывать в таких местах, где без него нельзя.

– А, – сказал Блор и добавил: – Что ж, может быть, здесь он тоже кстати! Если на острове и впрямь прячется маньяк, то у него при себе

может оказаться целый арсенал, включая ножи или кинжалы.

Армстронг кашлянул.

– Тут вы, скорее всего, ошибаетесь. Многие из тех, кто страдает манией убийства, – в обычной жизни тихие, ничем не примечательные люди. И даже приятные в общении.

– Что-то мне не кажется, что наш тип из таких, уважаемый доктор, – возразил Блор.

II

Трое мужчин приступили к осмотру острова.

География его оказалась обескураживающе простой. На северо-восточной стороне, повернутой к берегу, скалы спускались к морю сплошной стеной. На острове не было ни одного дерева и ничего похожего на укрытие. Мужчины работали методично: двигаясь от верхней точки острова вниз и обратно, они не пропустили ни одного уголка, ни одного углубления в камнях, которое могло бы оказаться входом в пещеру. Но никаких пещер на острове также не было.

Наконец, уже осматривая край острова, они вышли на пляж, где сидел генерал Макартур и глядел на море. В бухте было тихо, мелкие волны лизали прибрежные камни. Старик сидел очень прямо и не сводил глаз с горизонта.

На приближение исследователей он не обратил никакого внимания. Такая погруженность в себя поневоле вызывала неловкость.

«Неестественно как-то – в транс он впал, что ли?» – подумал Блор.

Кашлянув, он произнес вслух, стараясь придать своему голосу веселую небрежность:

– Какое тут у вас приятное местечко, сэр.

Генерал нахмурился, бросил через плечо быстрый взгляд и сказал:

– Времени мало – чрезвычайно мало. Очень прошу вас, не беспокойте меня.

– Мы вас не потревожим, сэр, – добродушно ответил Блор. – Мы, так сказать, прогуливаемся тут по острову. Интересуемся, не прячется ли на нем кто-нибудь.

Генерал снова нахмурился.

– Вы не понимаете – вы ничего не понимаете. Пожалуйста, уходите.

Блор отошел от него и сказал, вернувшись к двум другим:

– Спятил... Без толку и говорить с ним.

– А что он говорит? – с любопытством спросил Ломбард.

Блор пожал плечами.

– Чушь всякую: времени, мол, нет, пусть, мол, его не беспокоят...

Доктор Армстронг нахмурился и тихо произнес:

– Интересно...

III

Осмотр острова был практически завершен. Троица снова стояла на самой высокой точке, глядя в сторону берега. Море было пусто. Ветер крепчал.

– Все рыбаки на берегу, – сказал Ломбард. – Будет шторм. Чертовски жаль, что отсюда не видно деревни. Можно было бы попытаться подать сигнал.

– Вечером можно разжечь костер, – ответил Блор.

Ломбард, нахмурившись, продолжил:

– Хуже всего то, что и это может оказаться предусмотрено.

– То есть?

– Откуда мне знать? Шутка, может, такая... Нас завезли сюда и бросили, а местных просили не реагировать ни на какие наши сигналы, если что. Возможно, им сказали, что речь идет о пари... Дурацкое положение, как ни крути.

– Думаете, они поверили бы? – с сомнением спросил Блор.

– Проще поверить в пари, чем в правду, – сухо сказал Ломбард. – Думаете, если б деревенским сказали не ездить на остров до тех пор, пока мистер Неизвестный Оуэн не передушит всех своих гостей поодиночке, они бы поверили?

Тут вмешался доктор Армстронг:

– Временами это кажется мне полнейшей чушью. И всё же...

Филипп Ломбард, оскалившись, заметил:

– Вот именно, всё же! Ничего с этим «всё же» не поделаешь, доктор. Блор тем временем смотрел в воду.

– Вряд ли кто-нибудь мог спуститься по этому склону, как, по-вашему? – вдруг спросил он.

Армстронг покачал головой.

– Не думаю. Склон почти отвесный. Да и где бы он спрятался?

– Может быть, там пещера, – предположил Блор. – Будь у нас лодка, мы могли бы проплыть вокруг острова.

– Будь у нас лодка, – сказал Ломбард, – мы были бы уже на полпути к берегу!

– Это верно, сэр.

Вдруг Филипп добавил:

– А насчет утеса можно проверить. Есть лишь одно место, где в нем

могла бы – но не наверняка – оказаться пещера. Вот здесь, справа. Надо раздобыть крепкую веревку, вы ее подёржите, а я спущусь.

– Что ж, можно и так, – согласился Блор. – Хотя больно уж рискованно – прямо посреди утеса!.. Пойду, поищу веревку.

И он быстрым шагом пошел к дому.

Ломбард посмотрел в небо. Собирались тучи. Ветер становился все сильнее.

Филипп покосился на Армстронга.

– Вы очень молчаливы, доктор. Что вы обо всем этом думаете?

– Я думаю о том, насколько безумен старый Макартур... – медленно произнес Армстронг.

IV

Вере было не по себе в то утро. Она избегала общества Эмили Брент, чувствуя отвращение к старой деве.

Сама мисс Брент сидела за домом, подальше от ветра. Она вязала. Каждый раз, взглядывая на нее, мисс Клейторн видела бледное мертвое лицо в обрамлении мокрых волос, в которых запутались водоросли... Лицо хорошенькой женщины – может быть, даже чересчур хорошенькой, на свою беду, когда-то, – но теперь не доступное ни жалости, ни страху.

А Эмили Брент все сидела и вязала, спокойная и убежденная в своей праведности, как прежде.

На главной террасе расположился в кресле судья Уоргрейв. Голова у него была втянута в плечи. Стоило Вере взглянуть на него, и она видела молодого человека на скамье подсудимых – голубые глаза, белокурые волосы и озадаченное, испуганное лицо. Эдвард Ситон. Вера представляла себе, как судья своими руками надевает на него черный капюшон смертника и начинает оглашать приговор...

Немного погодя мисс Клейторн решила спуститься к воде. Она дошла до самого дальнего края острова, где на галечном пляже сидел старик и смотрел в открытое море.

При звуке ее шагов Макартур вздрогнул. Он повернул голову – в его взгляде была странная смесь ожидания и одобрения. Ее это напугало. Минуты две генерал смотрел на нее, не отрываясь.

«До чего странно. Он как будто знает...» – подумала она.

Тут он сказал:

– А, это вы! Вы пришли...

Вера села рядом с ним.

– Вам нравится сидеть здесь и смотреть на море?

Макартур тихо кивнул.

– Да, – сказал он. – Приятно. По-моему, здесь хорошо ждать.

– Ждать? – резко переспросила мисс Клейторн. – Чего вы ждете?

– Конца, – спокойно произнес генерал. – Вы ведь тоже знаете? Это же правда? Что мы все ждем здесь конца?

– О чем вы? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Никто из нас не покинет этот остров, – серьезно ответил Макартур. – Таков план. Вы и сами прекрасно знаете. Возможно, вы пока

не поняли одного – какое же это облегчение!

– Облегчение? – удивленно повторила Вера.

– Да, – продолжал он. – Хотя... вы ведь еще очень молоды, вам только предстоит это понять. Но вы поймете! Вы еще испытаете благодатное облегчение, когда осознаете, что все кончено и не надо больше тащить этот груз. Вы тоже это когда-нибудь почувствуете...

– Я вас не понимаю, – хрипло сказала мисс Клейторн.

Она судорожно сжимала и разжимала пальцы. Ей вдруг стало страшно рядом с этим тихим, молчаливым солдатом.

– Понимаете, я ведь любил Лесли, – задумчиво сказал Макартур. – Я очень ее любил...

– Лесли – это ваша жена? – спросила Вера.

– Да, моя жена... Я любил ее – и гордился ею. Она была такой хорошенькой – и веселой...

Помолчав какое-то время, он продолжал:

– Да, я любил Лесли. Вот почему я это сделал.

– Вы хотите сказать... – начала Вера и осеклась.

Генерал тихо кивнул.

– Что толку отпираться теперь – раз уж мы все равно умрем... Я послал Ричмонда на смерть. Полагаю, что в каком-то смысле это было убийство. Любопытно... Убийство – а ведь я всегда считал себя абсолютно законопослушным человеком! Но тогда все выглядело совсем иначе. Я ни о чем не жалел. «Так ему и надо!» – вот что я думал в то время. Но после...

Неожиданно жестким голосом Вера спросила:

– Да, а что было после?

Макартур рассеянно покачал головой. Вид у него был озадаченный и даже немного огорченный.

– Не знаю. Я... я не знаю. Потом все изменилось. Не знаю, догадалась ли Лесли... вряд ли. Просто я вдруг перестал что-либо в ней понимать. Она как будто ушла куда-то далеко-далеко, и я больше не мог до нее дотянуться. А потом она умерла – и я остался один...

– Один... один... – повторила за ним Вера, и скалы эхом вернули ее голос.

– Вы тоже будете радоваться, когда придет конец, – произнес генерал.

Встав, Вера резко крикнула:

– Я не понимаю, о чем вы!

– Я знаю, дитя мое, – сказал он. – Я знаю...

– Ничего вы не знаете. И не понимаете...

Макартур снова стал смотреть в море. Казалось, он больше не замечал ее присутствия.

Вдруг генерал тихо и нежно спросил:

– Лесли?..

V

Когда Блор с веревкой на плече вернулся из дома, то застал доктора Армстронга там же, где и оставил, – тот стоял и глядел в пропасть.

– А где мистер Ломбард? – затаив дыхание, спросил Блор.

– Пошел проверять какую-то теорию, – небрежно ответил Армстронг. – Вернется через пару минут... Послушайте, Блор, я беспокоюсь.

– Мы все волнуемся.

Доктор нетерпеливо взмахнул рукой.

– Конечно, разумеется. Я не о том. Я насчет старого Макартура.

– А что с ним такое, сэр?

– Мы с вами ищем маньяка, – угрюмо ответил доктор Армстронг. – А Макатур – кто?

– Думаете, он убийца? – удивленно переспросил Блор.

Армстронг с сомнением произнес:

– Зря я так сказал. Не надо было. Но ведь я не специалист по душевным расстройствам. К тому же я с ним даже не говорил – не приглядывался к нему с этой точки зрения.

Блор заговорил, также неуверенно:

– Чокнутый-то он, конечно, чокнутый. Но я бы не сказал...

Армстронг перебил его, произнося слова с некоторым усилием, как говорит человек, отвлекая себя от черных мыслей.

– Наверное, вы правы. Черт возьми, на острове должен быть кто-то еще, кроме нас... А! Вот и Ломбард.

Они надежно закрепили веревку.

– Я спущусь сам, – сказал Филипп. – А вы следите за веревкой, не давайте ей чересчур натягиваться.

Пару минут спустя, стоя у края обрыва и следя за продвижением Ломбарда, Блор заметил:

– Лазает, как кошка, да?

Голос его прозвучал как-то странно.

– Бывший альпинист, наверное, – ответил Армстронг.

– Может быть.

Они помолчали, и бывший инспектор добавил:

– И вообще странный он тип. Знаете, что я думаю?

– Что же?

– Он ненормальный!

– В каком смысле? – с сомнением переспросил доктор.

Блор хмыкнул.

– Не знаю... наверняка не знаю. Но доверия к нему у меня нет.

– Наверное, он просто авантюрист, – предположил Армстронг.

– Не сомневаюсь, – ответил Блор, – многие из его авантур наверняка не выносят дневного света... – Помолчав, он продолжил: – Вы, случайно, не привезли с собой револьвер, доктор?

Армстронг выпучил на него глаза.

– Я? О, господи, нет! Зачем он мне?

– А мистеру Ломбарду зачем?

– Привычка, наверное, – неуверенно предположил доктор.

Блор фыркнул.

Внезапно веревка натянулась. Какое-то время оба были заняты. Наконец, когда напряженный момент прошел, Блор сказал:

– Привычка привычке рознь! Конечно, мистер Ломбард привык брать с собой в глушь револьвер; а еще он берет туда примус, спальный мешок и большой запас средства от насекомых, вне всякого сомнения. Однако не притащил же он все это сюда по привычке! Нет, это только в книгах люди вот так запросто носят с собой револьверы.

Армстронг озадаченно покачал головой.

Оба наклонились вперед и стали опять следить за Ломбардом. Тот обследовал склон тщательно и, как они сразу поняли, безрезультатно. Наконец Филипп поднялся к ним, перелез через край и вытер вспотевший лоб.

– Так, – сказал он. – Плохо наше дело. Он либо в доме, либо нигде.

VI

Дом обыскали быстро. Сначала прошли по пристройкам, потом переместились в главное здание. В шкафу на кухне нашлась рулетка миссис Роджерс, но и с ее помощью не удалось обнаружить никаких потайных помещений. Все было ясно и понятно – простая современная планировка, не допускающая никаких скрытых убежищ. Простили по первому этажу. Поднимаясь по лестнице на второй, они увидели из окна Роджерса – тот нес бокалы с коктейлем на террасу.

Филипп Ломбард веселым голосом сказал:

– Удивительное животное, этот ваш вышколенный слуга! Что бы ни случилось, у него на лице никогда ничего не написано.

– Роджерс – первоклассный дворецкий, – ответил с одобрением Армстронг. – В этом ему не откажешь.

– Его жена хорошо готовила. Тот обед... вчера вечером... – сказал Блор.

Мужчины свернули в первую спальню.

Пять минут спустя они снова стояли на лестничной площадке. Никто нигде не прятался – в доме и прятаться-то было негде.

– Тут есть лесенка, – заметил Блор.

– Она ведет в комнаты прислуги, – ответил Армстронг.

– Наверняка где-нибудь под крышей есть место для бака с водой и всякой всячины, – предположил Блор. – Это наш последний шанс, больше ему быть негде!

И тут они услышали прямо у себя над головой шорох. Тихие шаги, точно кто-то шел крадучись.

Шаги слышали все. Армстронг ухватил Блора за руку. Ломбард предостерегающе поднял палец.

– Тихо... слушайте.

Звук повторился – кто-то точно крался у них над головами.

– Он в самой спальне, – шепнул доктор. – В той, где лежит тело миссис Роджерс.

– Ну, конечно! – также шепотом ответил Блор. – Лучшего укрытия не придумаешь! Кто туда сунется?.. Ну, а теперь – тихо.

И мужчины крадучись полезли наверх.

На маленькой площадке у двери в комнату они остановились. Да, в комнате кто-то был. Донесся слабый скрип половицы.

Блор шепотом скомандовал:

– Давай!

Он распахнул дверь и ворвался внутрь, двое других за ним. И тут же все трое остановились как вкопанные.

Посреди комнаты стоял Роджерс с вещами в руках.

VII

Первым опомнился Блор. Он сказал:

– Э-э... извините, Роджерс. Мы услышали наверху шум, вот и подумали... ну...

Он смолк.

– Прошу прощения, джентльмены, – произнес Роджерс. – Я переносу свои вещи. Надеюсь, никто не станет возражать, если я займу свободную комнату для гостей этажом ниже? Самую маленькую.

Он обращался к Армстронгу, доктор ему и ответил:

– Конечно, никаких возражений. Перебирайтесь.

Он избегал смотреть на тело под простыней, лежавшее на кровати.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил его Роджерс.

С охапкой вещей он вышел из комнаты и стал спускаться по лестнице.

Армстронг подошел к кровати и поднял простыню, скрывавшую лицо женщины. На нем больше не было страха. Вообще никакого выражения не было, только пустота.

– Жаль, что я не взял с собой инструменты, – сказал доктор. – Сейчас бы узнал, чем ее отравили... – Он повернулся к своим спутникам. – Давайте закончим на этом. Нутром чувствую, что никого мы все равно не найдем.

Блор уже сражался с задвижкой какого-то люка.

– Этот парень ходит чертовски тихо, – сказал он. – Всего пару минут назад мы видели его с бокалами на террасе. И никто из нас не слышал, как он поднялся наверх.

– Наверное, потому мы и решили, что наверху кто-то чужой, – ответил Филипп.

Блор уже нырнул в люк, как в пещеру. Ломбард вытащил из кармана фонарь и шагнул за ним.

Пять минут спустя трое мужчин стояли на верхней площадке лестницы, мрачно переглядываясь. Пыль и клочья паутины покрывали их с головы до ног, лица были перепачканы.

На острове не было никого, кроме известных им восьми человек.

Глава 9

I

Ломбард медленно заговорил:

– Значит, мы ошибались – все это время мы шли по неправильному пути! Выдумали кошмар на тему суеверных фантазий из-за случайного совпадения двух смертей...

– И все же это спорно, – серьезно возразил Армстронг. – Я, черт побери, доктор, и кому, как не мне, разбираться в самоубийствах! Энтони Марстон был не из тех, кто по своей воле сводит счеты с жизнью.

– Значит, это не могло быть совпадением? – с сомнением спросил Ломбард.

Блор, нисколько не убежденный этими доводами, фыркнул.

– Чертовски странное совпадение, – проворчал он. Помолчав, добавил: – Насчет той женщины... – и умолк снова.

– Миссис Роджерс?

– Да. Может, ее смерть – несчастный случай?

– Несчастный случай? – переспросил Ломбард. – В каком смысле?

Блор выглядел слегка смущенным. Его и без того красно-кирпичное лицо приобрело еще более темный оттенок. Он сказал, с трудом выталкивая из себя слова:

– Слушайте, док, ну, вы ведь... это... дали ей кой-чего.

Армстронг уставился на него.

– Кое-что? О чем вы?

– Вчера вечером. Вы ведь сами говорили, что дали ей какое-то снадобье, чтобы она заснула.

– А, вот вы о чем... Да, безвредное успокоительное.

– Какое именно?

– Трионал, совсем небольшую дозу. Совершенно безвредный препарат.

Лицо Блора сделалось багровым.

– Послушайте, – сказал он, – давайте называть вещи своими именами: вы не могли дать ей слишком много?

– Не понимаю, о чем вы, – сердито возразил доктор.

– Могли вы сделать ошибку или нет? Такое ведь иногда случается.

– Ничего подобного я не делал, – резко произнес Армстронг. – Ваше предположение просто смешно. – Помолчав мгновение, он холодным колючим тоном добавил: – Уж не хотите ли вы намекнуть, что я

передозировал ей лекарство с какой-то целью?

– Слушайте, вы, двое, – вмешался Ломбард. – Нам надо держаться вместе. Так что перестаньте бросаться обвинениями.

– Я только предположил, что доктор мог сделать ошибку, вот и всё, – буркнул Блор.

Доктор Армстронг с усилием растянул губы и сказал, обнажая зубы в невеселой улыбке:

– Врачи не могут позволить себе подобных ошибок, друг мой.

На что Блор с расстановкой ответил:

– Ну, вам-то не впервой, если та пластинка не лжет!

Армстронг побелел. Ломбард быстро и зло бросил Блору:

– Зачем оскорблять друг друга? Мы все здесь в одной лодке. Нам и выбираться вместе. К тому же не забывайте, вы ведь клятвопреступник, если верить все той же пластинке.

Блор, сжав кулаки, шагнул вперед и сипло проговорил:

– Клятвопреступник, как же! Грязная ложь! Можете затыкать мне рот, сколько хотите, Ломбард, но я все же дознаюсь до правды, в том числе и о вас!

Брови Филиппа поползли вверх.

– А я-то тут при чем?

– При том! Зачем вы взяли с собой револьвер, отправляясь в приличный дом в гости, хочу я знать?

– Хотите знать, значит?

– Да, хочу!

Наступила пауза. Вдруг Ломбард сказал:

– Знаете, Блор, а вы не такой дурак, каким кажется.

– Очень может быть. Так как насчет револьвера?

Филипп улыбнулся.

– Я взял его потому, что предполагал столкнуться здесь с проблемой.

– Что-то вы нам раньше такого не говорили, – подозрительно промолвил Блор.

Ломбард покачал головой.

– Вы следили за нами? – настаивал Блор.

– В некотором смысле, – сказал Филипп.

– Ну, так выкладывайте.

Ломбард медленно заговорил:

– Я дал всем понять, что меня пригласили сюда на тех же основаниях, что и остальных. Это не совсем верно. Со мной связался

один еврей по имени Моррис. Он предложил мне сотню гиней за то, чтобы я приехал сюда и держал глаза открытыми... Сказал, что у меня репутация человека, без которого не обойтись в подозрительной ситуации.

– И?.. – нетерпеливо спросил Блор.

– И всё, – с усмешкой ответил Ломбард.

– Но ведь он наверняка объяснил вам, в чем именно дело? – произнес Армстронг.

– О, нет, только не он. Молчал, как устрица. Поставил меня перед выбором: отказаться или согласиться. Его собственные слова. Я был на мели. И согласился.

Блор, похоже, не верил.

– Но почему вы не рассказали нам об этом вчера вечером?

– Милейший... – Ломбард выразительно пожал плечами. – Откуда мне было знать, что вчерашнее происшествие не было тем самым событием, ради которого меня сюда вызвали? Я затаился и отделался непримечательной историей.

– Но теперь вы, кажется, передумали? – проницательно заметил доктор Армстронг.

Ломбард изменился в лице. Взгляд его стал угрюмым, жестким.

– Да. Теперь я полагаю, что мы все в одной лодке. А сто гиней были тем кусочком сыра, которым мистер Оуэн заманил меня в эту ловушку... как и всех вас. – Он с расстановкой произнес: – Потому что это ловушка – клянусь чем угодно! Смерть миссис Роджерс... И Энтони Марстона... Фарфоровые статуэтки, пропадающие с подноса в столовой... Во всем этом явно видится рука мистера Оуэна! Но где при этом сам мистер Оуэн, вот загадка?

Снизу раздался звучный удар гонга, призывавшего к ланчу.

II

Роджерс стоял у двери в столовую. При виде троих спускавшихся мужчин он сделал шаг вперед и тревожным полусшепотом произнес:

– Надеюсь, вы найдете ланч удовлетворительным. Есть холодные язык и ветчина. Я отварил немного картофеля. На десерт – сыр, печенье и фрукты.

– Звучит заманчиво, – произнес Ломбард. – Значит, дефицита провизии у нас нет?

– Еды много, сэр – в основном консервы. Кладовка забита до отказа. На острове, сэр, это необходимо – здесь всегда можно оказаться отрезанным от суши на неопределенное количество времени.

Ломбард кивнул.

Когда все трое входили в столовую, Роджерс шепнул:

– Меня тревожит, что Фред Нарракотт не появился сегодня. Крайне неудачно, особенно в такое время.

– Да, – согласился Ломбард, – крайне неудачно, иначе не скажешь.

В комнату вошла мисс Брент. Она только что уронила свой клубок и теперь старательно сматывала убежавшую нитку.

Опускаясь на свое место за столом, дама заметила:

– Погода меняется. Ветер усиливается, на море пенные барашки.

Вошел Уоргрейв. Проходя через комнату неспешным размеренным шагом, он бросал на собравшихся быстрые взгляды из-под кустистых бровей.

– Вы активно провели утро, – сказал судья; в его голосе прозвучала нотка злобной радости.

Влетела запыхавшаяся Вера Клейторн.

– Надеюсь, я не заставила вас ждать, – выпалила она. – Я опоздала?

– Вы не последняя, – ответила мисс Брент. – Генерал еще не пришел.

Все сели за стол.

– Будем начинать, мадам, или еще подождем? – обратился Роджерс к мисс Брент.

– Генерал Макатур сидит на берегу у моря, – сказала Вера. – Возможно, он вообще не слышал гонга... – Она помешкала. – К тому же он какой-то странный сегодня.

– Пойду, извещу его о том, что ланч подан, – поспешно сказал Роджерс.

Армстронг вскочил.

– Я пойду, – сказал он. – Начинайте без меня.

И доктор вышел. За его спиной Роджерс спросил:

– Ветчины или холодного языка, мадам?

III

Разговор за столом не клеился. Снаружи налетел и стих порыв ветра.

Вера, поежившись, сказала:

– Шторм надвигается.

Блор внес в застольную беседу свою лепту. Бодрым голосом он произнес:

– Вчера со мной в поезде из Плимута ехал один старикан. Так вот, он еще тогда говорил, что будет шторм. Просто удивительно, до чего точно умеют угадывать погоду эти старые моряки.

Роджерс обошел вокруг стола, собирая тарелки из-под мяса. Вдруг он остановился со стопкой тарелок в руках и чужим, испуганным голосом сказал:

– Кто-то бежит...

Все уже услышали – на террасе раздавались громкие поспешные шаги.

И сразу, без всяких слов, поняли, что будет дальше...

Словно сговорившись, все вскочили. И так, стоя, смотрели на дверь.

Появился доктор Армстронг, бурно дыша.

– Генерал Макартур... – произнес он.

– Мертв! – Слово вырвалось у Веры с силой взрыва.

– Да, он умер... – сказал Армстронг.

Настала пауза.

Молчание было долгим.

Семеро переглядывались, не зная, что сказать.

IV

Шторм налетел, когда тело старика уже вносили в дом. Все собрались в холле и молча смотрели на него.

Дождь загрохотал по крыше, зашипел по камням.

Пока Блор и Армстронг поднимались со своей ношей по лестнице, Вера Клейторн вдруг повернулась и вошла в пустую столовую.

Там все было так, как они оставили. Нетронутый десерт стоял на буфете.

Вера подошла к столу. Она простояла возле него минуту или две, когда в комнату вошел Роджерс. Увидев ее, он остановился. В его глазах застыл немой вопрос.

– О, мисс, я только зашел взглянуть... – проговорил он.

Громким хриплым шепотом, удивившим ее саму, Вера сказала:

– Вы были правы, Роджерс. Взгляните. Их всего семь...

V

Генерала Макартура положили на кровать. Осмотрев его в последний раз, Армстронг вышел из комнаты и спустился вниз. Его ждали в гостиной.

Мисс Брент вязала. Вера Клейторн стояла у окна, глядя на шепелявый дождь. Блор сидел на стуле, как статуя, положив руки на колени. Ломбард нервно вышагивал по комнате. В дальнем углу комнаты в старинном «дедушкином» кресле сидел судья Уоргрейв. Его глаза были полуприкрыты.

Они открылись, едва в комнату вошел доктор. Чистым звонким голосом судья спросил:

– Ну, что, доктор?

Армстронг был очень бледен.

– Никаких признаков сердечной недостаточности, – сказал он. – Макартура ударили сзади по затылку дубинкой, залитой свинцом, или чем-то вроде того.

Все заговорили разом, но пронзительный голос судьи снова прорезал поднявшийся было шум:

– Вы нашли оружие убийства?

– Нет.

– Однако вы уверены, что все было именно так, как вы говорите?

– Совершенно уверен.

– Теперь наше положение окончательно прояснилось, – тихо сказал Уоргрейв.

Всем сразу стало ясно, кто здесь главный. Все утро судья провел на террасе, съездившись в своем кресле, никуда не ходил, ничего не делал. Однако теперь он принял управление ситуацией на себя с той легкостью, которая рождается из многолетней привычки к власти. Он точно председательствовал в суде.

Прокашлявшись, Уоргрейв заговорил снова:

– Сегодня утром, джентльмены, я, сидя на террасе, наблюдал за вашей активностью. Сомневаться в целях ваших передвижений не приходилось. Вы обыскивали остров в поисках неизвестного убийцы?

– Совершенно верно, сэр, – ответил Ломбард.

– Вне всякого сомнения, – продолжил судья, – вы пришли к тому же выводу касательно смертей Энтони Марстона и миссис Роджерс, что и

я, – а именно, что ни самоубийствами, ни простым совпадением они быть не могут. Очевидно, вы также сделали определенные выводы о том, какие цели преследовал мистер Оуэн, заманивая нас на свой остров?

– Он сумасшедший! – хрипло сказал Блор. – Маньяк.

Уоргрейв кашлянул.

– Скорее всего. Но это ничего для нас не меняет. Наша главная задача – выжить.

– Но на острове никого нет, я уверен, – дрогнувшим голосом произнес Армстронг. – Ни души.

Судья погладил подбородок и тихо сказал:

– В том смысле, который вы имеете в виду, – никого. Я сам пришел к такому выводу сегодня рано утром. И мог бы сразу сказать вам, что ваши поиски ни к чему не приведут. Тем не менее я абсолютно уверен, что «мистер Оуэн» – будем называть его тем именем, которое он сам для себя избрал – присутствует на этом острове. В высшей степени. При сложившемся положении вещей, суть которого сводится к тому, чтобы наказать определенных индивидуумов за преступления, совершенные ими, но неподсудные закону – не более и не менее, – есть лишь один способ достижения этой цели. Мистер Оуэн мог попасть на остров только одним путем с нами. Это совершенно ясно. Мистер Оуэн – один из нас...

VI

– О, нет, нет, нет...

Это был голос – вернее, стон – Веры. Судья обратил на нее свой пронизательный взгляд и сказал:

– Моя дорогая юная леди, сейчас не время отказываться смотреть фактам в лицо. Нам всем грозит серьезнейшая опасность. А.Н. Оуэн – один из нас. И мы не знаем, кто именно. Из десяти человек, прибывших на этот остров, троих уже можно исключить. Энтони Марстон, миссис Роджерс и генерал Макартур вне подозрений. Итого остается семеро. И среди этих семерых, с вашего позволения, негритят один – поддельный.

Он сделал паузу и обвел слушателей взглядом.

– Итак, все согласны с моими выводами?

– Звучит фантастично, – сказал Армстронг, – но, по-видимому, вы правы.

– Без сомнения, – согласился Блор. – И, если позволите, я поделюсь с вами своей идеей...

Уоргрейв остановил его быстрым движением руки и тихо произнес:

– До этого мы еще дойдем. Пока мне лишь хотелось бы убедиться в том, что мы все придерживаемся одного взгляда на вещи.

Эмили Брент, по-прежнему не отрываясь от вязания, сказала:

– В ваших аргументах есть логика. Я согласна с тем, что один из нас одержим дьяволом.

– Я не... верю... я не... могу... – прошептала Вера.

– Ломбард? – спросил судья.

– Полностью согласен с вами, сэр.

Уоргрейв удовлетворенно кивнул.

– Теперь перейдем к уликам. Прежде всего есть ли у нас основания подозревать кого-то конкретного? Мистер Блор, мне кажется, вы что-то хотели сказать.

Бывший инспектор тяжело дышал.

– У Ломбарда револьвер, – начал он. – И он сказал неправду вчера вечером. Он сам это признает.

Филипп, презрительно улыбнувшись, сказал:

– Полагаю, мне лучше объясниться...

И он так и поступил, коротко и ясно изложив свою историю.

– Какие у вас есть доказательства? – резко возразил Блор. – Чем вы

можете подтвердить свои слова?

Судья кашлянул.

– К несчастью, – сказал он, – мы все здесь в одинаковом положении. Остается одно – верить друг другу на слово.

Он подался вперед.

– Вы так и не осознали всей специфики ситуации, в которую попали. По-моему, выход у нас с вами только один. Есть ли среди нас хоть один человек, которого можно исключить из круга подозреваемых лиц на основании веских доказательств?

Доктор Армстронг торопливо начал:

– Я – известный в профессиональных кругах человек. Сама идея о том, что я могу...

И снова судья жестом заставил его замолчать. Негромким, но чистым голосом он произнес:

– Я тоже известный человек. Но, мой дорогой сэр, это ровным счетом ничего не доказывает! Доктора и прежде сходили с ума. Судьи – тоже. Полицейские, – добавил он, глядя на Блора, – также не исключение!

– Давайте исключим хотя бы женщин, – предложил Ломбард.

Брови судьи поползли вверх. Своим знаменитым «ядовитым» тоном, хорошо известным и адвокатам, и прокурорам, он произнес:

– Правильно ли я вас понял: вы полагаете, будто женщины не могут страдать манией убийства?

Ломбард раздраженно ответил:

– Ничего такого я не думаю. Просто в нашем случае это вряд ли возможно...

Он умолк.

Уоргрейв все тем же тонким ехидным голоском обратился к Армстронгу:

– Как я понимаю, доктор Армстронг, удар, которым был убит бедняга Макатур, могла нанести и женщина?

– Вполне, – спокойно ответил тот, – при наличии у нее необходимого орудия вроде резиновой дубинки, налитой свинцом.

– И это не потребовало бы от нее чрезмерного напряжения сил?

– Нисколько.

Судья покрутил своей морщинистой черепашьей шеей.

– Еще две смерти связаны с отравлением. А тут, позвольте вам заметить, физические усилия и вовсе ни к чему.

– Да вы с ума сошли! – сердито воскликнула Вера.

Его глаза медленно поворачивались до тех пор, пока их взгляд не остановился на ней. Это был бесстрастный взгляд человека, привыкшего держать чужие судьбы на волоске.

«Он смотрит на меня, как... как на любопытный экземпляр, – подумала мисс Клейторн. И... – Пришедшая мысль ее даже удивила. – Кажется, я ему не нравлюсь!»

Взвешенным тоном Уоргрейв произнес:

– Моя дорогая юная леди, пожалуйста, постарайтесь держать ваши эмоции при себе. Я вас ни в чем не обвиняю. – Он поклонился пожилой даме. – Я надеюсь, мисс Брент, вас не оскорбляет мое утверждение, что все мы здесь равно под подозрением?

Женщина вязала. Даже не подняв головы, она холодно ответила:

– Сама мысль о том, что я могу отнять жизнь ближнего – не говоря уже о трех ближних, – несомненно, покажется смешною всякому, кто знаком с моим характером. Однако я вполне согласна с тем фактом, что, поскольку мы все здесь чужие друг другу, то, учитывая сложившиеся обстоятельства и отсутствие исчерпывающих доказательств, снять подозрения с кого-либо не получится. Дьявол, как я уже говорила, здесь, среди нас.

– Значит, договорились, – подытожил судья. – Никаких исключений на основании характера или занимаемого положения.

– А как же Роджерс? – спросил Ломбард.

Судья посмотрел на него, не мигая.

– А что с ним?

– На мой взгляд, именно Роджерса можно исключить.

– Вот как? На каком же основании?

– Во-первых, для него это слишком умно, – заявил Ломбард. – Во-вторых, его жена уже стала жертвой.

Мохнатые брови судьи поднялись снова.

– В свое время, молодой человек, – сказал он, – мне не раз доводилось разбирать дела людей, обвиненных в убийстве своих жен, – и каждый раз обвинение подтверждалось.

– О! Вполне согласен. Убийство жены – дело весьма возможное, и даже естественное, я бы сказал. Но только не в нашем конкретном случае! Конечно, я допускаю, что у Роджерса могла быть масса причин убить свою жену: от страха перед тем, что она его выдаст, до элементарной усталости от жизни со старой длиннозубой клячей; может, он уже подыскал себе кого-нибудь получше, откуда нам знать... Но я решительно не могу представить его себе в роли нашего маньяка

мистера Оуэна, который решил помочь торжеству справедливости – и начал с того, что прикончил собственную жену за преступление, которое они совершили вместе.

– Вы принимаете слухи за доказательства, – возразил Уоргрейв. – Мы ведь не знаем наверняка, что Роджерс и его жена действительно сговорились отправить на тот свет свою хозяйку. Возможно, это ложное заявление, сделанное с одной-единственной целью: представить все так, как будто Роджерс здесь на тех же основаниях, что и мы все. Ужас, который она явно испытывала вчера вечером, вполне мог происходить именно из того факта, что миссис Роджерс знала – ее муж сошел с ума.

– Что ж, будь по-вашему, – согласился Ломбард. – А.Н. Оуэн – один из нас. Никакие исключения не допускаются. Мы все под подозрением.

– Я хочу сказать, – продолжил судья, – что мы не должны допускать исключений, основанных на характере, занимаемом положении или вероятности. А сейчас нам как раз придется заняться рассмотрением возможности исключить одного или нескольких человек на основании фактов. Проще говоря, есть ли среди нас человек или люди, которые не могли подсыпать цианид в стакан Энтони Марстону, или дать слишком большую дозу снотворного миссис Роджерс, или нанести генералу Макатуру смертельный удар по голове?

Тяжелая физиономия Блора просияла. Подавшись вперед, он произнес:

– Вот это правильный разговор, сэр! Вот это я понимаю! Давайте займемся делом. Что касается молодого Марстона, то тут вряд ли удастся что-нибудь отыскать. Уже говорилось, что кто-нибудь снаружи мог подсыпать что-нибудь в его стакан, прежде чем он наполнил его во второй раз. Человеку, находившемуся в комнате, сделать это было бы еще легче. Не помню, был ли здесь Роджерс тогда, но у всех остальных была такая возможность.

Он помолчал, затем продолжил:

– Или взять хоть ту женщину, миссис Роджерс. Больше всего вокруг нее суетились доктор и ее муж. Значит, любому из них ничего не стоило ее отравить.

Армстронг вскочил. Его трясло.

– Я протестую! Это неслыханно! Я клянусь, что доза снотворного, которую я дал этой женщине, была абсолютно...

– Доктор Армстронг...

Тихому угрюмому голосу нельзя было не покориться. Доктор осекся на середине предложения. Уоргрейв продолжал:

– Ваше негодование вполне понятно. Тем не менее вы, как и все мы, должны смотреть в лицо фактам. Вам и Роджерсу удобнее всего было дать ей смертельную дозу снотворного. Давайте теперь займемся остальными присутствующими. Какие шансы отравить ее были у меня, у инспектора Блора, у мисс Брент, у мисс Клейторн и у мистера Ломбарда? Можно ли целиком и полностью снять подозрение с одного из нас? – Судья помолчал. – Думаю, что нет.

– Да я к ней и близко не подходила! – сердито сказала Вера. – Все здесь это знают.

Судья Уоргрейв выждал с минуту и продолжил:

– Если моя память мне не изменяет, то дело обстояло так – пожалуйста, поправьте меня, если я сделаю ложное заявление. Энтони Марстон и мистер Ломбард перенесли миссис Роджерс на диван, и к ней сразу же подошел доктор Армстронг. Он послал Роджерса за бренди. Затем кто-то спросил, откуда раздавался голос, который мы перед тем слышали. Все пошли в соседнюю комнату – кроме мисс Брент, которая осталась наедине с лежавшей без сознания женщиной.

Два ярких пятна вспыхнули на щеках Эмили Брент. Она перестала вязать и воскликнула:

– Это возмутительно!

Тихий голос продолжал беспощадно:

– Когда мы вернулись в эту комнату, вы, мисс Брент, стояли, склонившись над женщиной на диване.

– Обычное человеческое сочувствие тоже уже считается уголовным преступлением? – спросила пожилая дама.

– Я лишь устанавливаю факты, – пояснил Уоргрейв. – Затем в комнату вошел Роджерс с бокалом бренди, куда он вполне мог добавить яду еще за дверью. Бренди дали выпить упавшей в обморок женщине, а вскоре после этого ее муж и доктор Армстронг помогли ей подняться наверх, в спальню, где доктор дал ей успокоительное.

– Так все и было, – подтвердил Блор. – Точно. Значит, вне подозрений остаются судья, мистер Ломбард, я и мисс Клейторн.

Голос у него был громкий и торжествующий. Судья, пронзив его холодным взглядом, буркнул:

– Вы так думаете? Но мы должны рассмотреть все возможные варианты развития событий.

Блор онемел. Потом сказал:

– Не понимаю.

– Миссис Роджерс лежит наверху, в своей постели, – начал

описывать Уоргрейв. – Снотворное, которое дал ей доктор, начинает действовать. Она, обмякнув, дремлет. Предположим, что в этот момент раздается стук в дверь, кто-то входит и протягивает ей стакан воды и таблетку со словами: «Доктор велел вам выпить вот это». По-вашему, она не выпила бы ее тут же, не задавая вопросов и не раздумывая?

Наступило молчание. Блор переступил с ноги на ногу, нахмурившись.

– Ни одной минуты не верю, – сказал Филипп Ломбард. – Кроме того, никто из нас не покидал эту комнату в течение нескольких часов. Умер Марстон, и мы были заняты.

– Кто-нибудь мог выйти потом из своей спальни, – возразил судья.

– Но тогда с ней был бы Роджерс, – в свою очередь возразил Ломбард.

Армстронг пошевелился.

– Нет, – сказал он. – Роджерс был внизу, убирал после обеда в гостиной и буфетной. Кто угодно мог пройти тогда к ней незамеченным.

– Но, доктор, – произнесла Эмили Брент, – разве женщина уже не должна была крепко спать под воздействием того лекарства, которое вы ей дали?

– Скорее всего, да. Но не обязательно. Когда прописываешь пациенту лекарство впервые, никогда не знаешь, как именно оно на него подействует. Иногда проходит немало времени, прежде чем успокоительное возымеет эффект. Все зависит от индивидуальной реакции пациента на тот или иной препарат.

– А что еще вы можете сказать, доктор? – спросил Ломбард. – Вам-то это на руку, не так ли?

Лицо Армстронга снова потемнело от гнева. И снова тот же бесстрастный тихий голос остановил слова, уже готовые сорваться с его уст:

– Любые контробвинения бессмысленны. Надлежит рассматривать только факты. Полагаю, можно считать установленным, что события, подобные описанным мною только что, могли иметь место. Согласен, что их вероятностная ценность не велика; хотя здесь, опять же, многое зависит от личности. Например, явись с таким поручением мисс Брент или мисс Клейторн, это не вызвало бы у больной ни малейшего удивления. Согласен, что, выступи в роли посланца я, или мистер Блор, или мистер Ломбард, это показалось бы, мягко говоря, необычным, однако, повторяюсь, вряд ли пробудило бы у больной серьезные подозрения.

– И какой из этого... вывод? – спросил Блор.

VII

Судья Уоргрейв, поглаживая верхнюю губу и выглядя совершенно спокойным и оттого бесчеловечным, сказал:

– Мы только что разобрались со вторым убийством и пришли к выводу, что подозревать в нем можно любого из нас.

После паузы он продолжил:

– Теперь о смерти генерала Макартура. Она имела место сегодня утром. Прошу всякого или всякую, кто считает, что у него или у нее есть алиби, высказаться и объяснить нам его. Я, со своей стороны, могу сразу заявить, что у меня надежного алиби нет. Я провел утро, сидя на этой террасе и размышляя о том исключительном положении, в котором мы все оказались. Я сидел вон в том кресле на террасе все утро, до гонга, однако полагаю, что были периоды, когда меня никто не видел и когда я мог встать, спуститься незамеченным к морю, убить генерала Макартура и также незамеченным вернуться назад. Ничего, кроме моего слова, не может служить подтверждением того, что я не покидал эту террасу. В сложившихся обстоятельствах этого недостаточно. Нужны доказательства...

– Я все утро провел с мистером Ломбардом и мистером Армстронгом, – сказал Блор. – Они могут это подтвердить.

– Вы ходили в дом за веревкой, – уточнил доктор.

– Да, ходил, – кивнул бывший инспектор полиции. – Только туда и сразу назад. Вы же знаете.

– Вас долго не было... – возразил Армстронг.

Блор стал пунцовым.

– На что вы, черт возьми, намекаете, доктор?

– Я только сказал, что вас долго не было, – повторил тот.

– Но мне ведь надо было найти ее, верно? Не могу же я в чужом доме знать, что где лежит.

– В отсутствии инспектора, другие два джентльмена были вместе? – уточнил Уоргрейв.

– Разумеется, – горячо начал Армстронг. – Точнее, Ломбард отошел на минуту. Я же стоял на месте.

– Я ходил проверить возможность передачи светового сигнала на берег, – сказал с улыбкой Филипп. – Искал наиболее подходящую для этого точку. Меня не было всего минуту-другую.

Армстронг кивнул.

– Правильно. Недостаточно, чтобы совершить убийство, уверяю.

– Кто-нибудь из вас смотрел на часы? – спросил судья.

– Нет.

– У меня их не было, – сказал Ломбард.

Ровным голосом Уоргрейв произнес:

– Минута-другая – расплывчатое понятие... – Он повернулся к женщине с прямой спиной и работой на коленях. – Мисс Брент?

– Я прогулялась с мисс Клейторн до вершины острова, – сообщила пожилая дама. – А после все время сидела на солнечной стороне террасы.

– Не помню, чтобы я вас видел, – усомнился судья.

– Не видели, потому что я сидела за углом дома, на восточной стороне. Там не было ветра.

– И вы оставались там до ланча?

– Да.

– Мисс Клейторн?

Вера ответила четко и с готовностью:

– Рано утром я была с мисс Брент. Потом погуляла немного одна. После спустилась на берег и поговорила с генералом Макатуром...

– В котором часу? – перебил ее Уоргрейв.

Вера впервые смутилась.

– Не знаю. Примерно час спустя после завтрака – а может быть, и меньше.

– До того, как мы говорили с ним, или после? – задал вопрос Блор.

– Откуда мне знать? – сказала Вера. – Он... он говорил очень странно. – Она вздрогнула.

– В каком смысле – странно? – уточнил судья.

Вера тихо ответила:

– Он сказал, что мы все умрем... сказал, что ждет конца. Он... он напугал меня...

Судья кивнул.

– Что вы сделали после?

– Вернулась в дом. Затем, сразу перед ланчем, я вышла снова и поднялась на гору за домом. Мне было ужасно беспокойно весь день.

Судья Уоргрейв погладил подбородок и произнес:

– Остается Роджерс. Однако сомнительно, чтобы его показания могли прибавить что-нибудь существенное к уже имеющимся у нас сведениям.

Роджерсу, когда его вызвали в суд, почти нечего было сказать. Все утро он занимался делами по хозяйству и готовил ланч. Перед ланчем отнес на террасу коктейли и поднялся наверх, чтобы перенести свои вещи из чердачной комнаты в другую. В течение всего этого времени дворецкий не смотрел в окно и не видел ничего такого, что могло бы иметь отношение к смерти генерала Макартура. Также он мог поклясться на Библии, что в столовой было восемь фарфоровых фигурок, когда он накрывал стол к ланчу.

Когда Роджерс кончил, наступила пауза.

Судья Уоргрейв откашлялся.

– Сейчас последует итоговая речь! – шепнул Ломбард Вере Клейторн.

– Мы расследовали обстоятельства трех произошедших смертей наилучшим доступным нам способом, – начал Уоргрейв. – Хотя в разных случаях подозрение особенно тяжело ложится на разных людей, ни в одном случае не оказалось никого, кто мог бы быть полностью оправдан. Я подтверждаю свое ранее высказанное мнение о том, что из семи людей, находящихся в данный момент в этой комнате, один – опасный и, возможно, безумный преступник. Никакими доказательствами того, кто именно этот человек, мы не располагаем. Все, что мы способны предпринять в существующих обстоятельствах, – это позаботиться о скорейшей связи с землей для получения помощи, а если таковой не последует – что, учитывая состояние погоды, вполне вероятно, – то нам надлежит самим принять меры для обеспечения собственной безопасности. Прошу всех присутствующих обдумать мои слова как можно серьезнее и все соображения, которые у вас возникнут, сообщить мне. Тем временем призываю всех быть начеку. До сих пор перед убийцей стояла несложная задача, так как его жертвы ничего не подозревали. Отныне мы должны подозревать друг друга на каждом шагу. Предупрежден – значит, вооружен. Не рискуйте и помните об опасности. Вот и всё.

Филипп Ломбард шепнул:

– В работе суда объявляется перерыв...

Глава 10

I

– Вы в это верите? – спросила Вера.

Они с Ломбардом сидели у окна в гостиной. Снаружи лил дождь, порывистый ветер то и дело сотрясал стекло.

Филипп слегка склонил голову набок, прежде чем ответить, потом сказал:

– Вы про то, верю ли я старому Уоргрейву, когда он говорит, что это один из нас?

– Да.

– Трудно сказать, – медленно произнес он. – Логически он, конечно, прав, и все же...

Вера не дала ему закончить:

– И все же это совершенно невозможно!

Филипп скорчил гримасу.

– Вся эта история невозможна! Но после смерти Макатура стало ясно одно: речь идет не о случайных смертях и не о самоубийствах. Мы имеем дело с убийством. Точнее, с тремя убийствами.

Вера поежилась.

– Как в кошмарном сне... Мне все время кажется, что такое просто не может происходить на самом деле!

– Знаю, – понимающе сказал Ломбард. – Все время ждешь, что вот-вот постучат в дверь и внесут утренний чай...

– Ах, если бы! – вздохнула Вера.

– Да, только этого не будет! – серьезно произнес Филипп. – Мы в кошмарном сне. И должны соблюдать осторожность.

– Если... если это действительно кто-то из них... то на кого вы думаете? – понизив голос, сказала мисс Клейторн.

Ломбард отрывисто усмехнулся:

– Как я понял, нас двоих вы исключаете... Что ж, правильно делаете. Я точно знаю, что я не убийца. Да и в вас, Вера, я никаких следов безумия не нахожу. На мой взгляд, вы самая разумная и уравновешенная девушка из всех, кого я когда-либо видел. Я мог бы поклясться честью, что вы не безумны.

– Спасибо, – поблагодарила девушка с кривой улыбкой.

– Ну, что же вы, мисс Вера Клейторн, не вернете мне комплимент? – усмехнулся он.

Вера помешкала, потом сказала:

– Вы сами признались однажды, что человеческая жизнь для вас пустяк. Но, с другой стороны, я как-то не могу представить вас диктующим текст для той пластинки.

– Вот именно, – кивнул Ломбард. – Если б я убил кого-нибудь, то исключительно ради выгоды. А убийства ради убийства не по моей части. Хорошо, значит, себя мы исключим и займемся нашими четырьмя компаньонами. Кто из них А.Н. Оуэн? Что ж, если уж строить необоснованные догадки, не имея при этом особенного выбора, то я бы поставил на Уоргрейва.

– О! – Вера, похоже, была удивлена. Подумав с минуту, она спросила: – Почему?

– Трудно сказать наверняка. Ну, начать хотя бы с того, что он старик и всю свою жизнь только и делал, что председательствовал в судах. А значит, по несколько месяцев в году разыгрывал из себя Господа Бога. Такое рано или поздно ударяет человеку в голову. Ему начинает казаться, что он всемогущ, что жизнь и смерть ближних в руке его, а тут уж и до сумасшествия недалеко! Почему бы не стать заодно и Палачом, и Судьей Последней Инстанции?

– Да, это вполне возможно... – медленно произнесла Вера.

– А кто ваш кандидат? – спросил Ломбард.

Не мешкая ни секунды, мисс Клейторн ответила:

– Доктор Армстронг.

Ломбард тихо присвистнул.

– Доктор, значит? А вот на него я бы подумал в последнюю очередь.

Вера покачала головой:

– Но как же! Двое умерли от отравления. Это уже указывает на доктора. И потом, как быть с тем, что мы знаем абсолютно точно – единственное лекарство, которое приняла миссис Роджерс перед смертью, дал ей он.

Ломбард вынужден был согласиться:

– Да, вы правы.

– Если б доктор сошел с ума, этого долго никто бы не заметил, – напористо продолжала Вера. – А ведь доктора постоянно перерабатывают, у них такая усталость...

– Да, но я не вижу, как он мог убить Макатуру. Не мог же он сделать это в тот короткий интервал, когда меня не было рядом... точнее, мог, если бежал бы туда и обратно; но ведь Армстронг человек

нетренированный, и по нему это наверняка было бы видно – он бы взмок, тяжело дышал, еще что-нибудь...

– Зачем ему было убивать его тогда? – возразила мисс Клейторн. – Он мог сделать это и позже.

– Когда же?

– Когда он пошел звать генерала на ланч.

Филипп еще раз тихо присвистнул:

– Значит, по-вашему, вот когда он это сделал? Хладнокровно...

Вера нетерпеливо продолжала:

– Но чем он рисковал? Никто из нас ничего не смыслит в медицине. Если он говорит, что человек мертв уже час, кто может ему возразить?

Филипп задумчиво поглядел на нее.

– А знаете, – сказал он, – неплохая идея. Я вот думаю...

II

– Кто это, мистер Блор? Вот что я хочу знать. Кто?

Лицо Роджерса дергалось. Пальцы комкали полировальную тряпку, которую он держал в руках.

– Э, милейший, в этом как раз весь вопрос... – вздохнул бывший инспектор.

– «Один из нас», – говорит его светлость судья. Кто же? Вот что я хочу знать. Кто этот враг рода человеческого?

– Это, – сказал Блор, – мы все хотим знать.

– Но у вас наверняка есть идея, мистер Блор, – проницательно заметил Роджерс. – Ведь есть, мистер Блор, а?

– Идея-то есть, – медленно отвечал тот. – Вот только уверенности нет. Может быть, я ошибаюсь. Могу сказать одно – если я прав, то мы имеем дело с крепким орешком, очень-очень крепким.

Роджерс отер с лица испарину и хрипло произнес:

– Все как в дурном сне, точно.

– А у вас, Роджерс, есть какие-нибудь идеи? – спросил Блор, с любопытством глядя на дворецкого.

Тот покачал головой:

– Не знаю. Я ничего не знаю. Это-то меня больше всего и пугает. Неизвестность...

III

– Но мы должны выбраться отсюда – должны – должны! – громко повторял доктор Армстронг. – Любой ценой!

Уоргрейв задумчиво поглядел в окно курительной комнаты. Поиграл со шнурком пенсне. И сказал:

– Я, конечно, не пророк по части погоды. Но, по-моему, лодка доберется до нас не раньше, чем через сутки, – да и то если ветер стихнет, – даже если на берегу узнают о наших трудностях.

Доктор Армстронг уронил голову в ладони и застонал.

– А пока нас всех перережут в постелях?

– Надеюсь, что нет, – отвечал судья. – Лично я намерен принять все возможные меры для того, чтобы это не случилось.

У доктора Армстронга мелькнула мысль о том, что старики вроде судьи часто оказываются живучее молодых. Он не раз наблюдал подобное в своей медицинской практике, и это всегда его удивляло. Взять хоть его самого – ведь он на добрых двадцать лет моложе Уоргрейва, а как плохо, в сравнении с ним, развито у него чувство самосохранения...

Судья между тем думал:

«Перережут в постелях! Все эти доктора одинаковые – мыслят исключительно штампами. Посредственности».

– Не забывайте, жертв уже трое, – напомнил Армстронг.

– Конечно, я помню. Но не забывайте и вы, что они были не готовы к нападению. Мы же предупреждены.

– Что мы можем поделать? Рано или поздно... – с горечью возразил доктор.

– Полагаю, – сказал Уоргрейв, – что мы можем довольно многое.

– Мы даже понятия не имеем о том, кто это...

Судья, погладив подбородок, произнес:

– На вашем месте я бы не стал так говорить.

Армстронг уставился на него.

– Вы хотите сказать, что знаете?

– Что касается настоящих доказательств, – осторожно ответил Уоргрейв, – таких, какие принимают в суде, то они, конечно, отсутствуют. Однако, перебирая в памяти все случившееся, я прихожу к выводу, что на одного человека подозрение падает особенно тяжело. Я в

этом практически уверен.

Армстронг вытаращил глаза.

– Не понимаю, – произнес он.

IV

Мисс Брент была наверху, в своей спальне.

Взяв Библию, она села с ней к окну. Открыла книгу. Затем, посидев над нею с минуту, отложила, встала и подошла к туалетному столу. Выдвинула верхний ящик, взяла из него книжечку в черном переплете, открыла и начала писать:

Случилась ужасная вещь. Умер генерал Макартур. (Тот, чей кузен женился на Элси Макферсон.) Все уверены, что его убили. После ланча судья произнес очень любопытную речь. Он считает, что убийца – один из нас. Это значит, что кто-то здесь одержим дьяволом. Я так и думала. Кто же? Все сейчас задаются этим вопросом. Одна я знаю...

Некоторое время женщина сидела неподвижно. Ее глаза затуманились и как будто затянулись пленкой. Карандаш в ее пальцах заплясал, как пьяный. Крупными корявыми буквами она нацарапала: «УБИЙЦА – БЕАТРИС ТЕЙЛОР...»

И закрыла глаза.

Вдруг, резко вздрогнув, пожилая дама очнулась. Перечитала написанное. Сердито вскрикнула и несколько раз зачеркнула последнее предложение. И тихим голосом спросила себя:

– Неужели это я написала? Я? Похоже, я схожу с ума...

V

Шторм усиливался. За стенами дома выл ветер.

Обитатели острова собрались в гостиной. Сидели, апатично нахохлившись, исподтишка бросая друг на друга подозрительные взгляды.

Когда вошел Роджерс с чаем, все вздрогнули.

– Быть может, задернуть шторы, господа? – спросил он. – В гостиной станет уютнее.

Все согласились, и шторы были задвинуты, а лампы зажжены. Комната действительно повеселела. Тени почти рассеялись. К утру шторм наверняка закончится, кто-нибудь появится... придет лодка...

– Разлейте, пожалуйста, чай, мисс Брент, – сказала Вера Клейторн.

На что пожилая женщина ответила:

– Нет, лучше вы, милочка. Чайник такой тяжелый... А тут еще я два мотка серой шерсти потеряла. Такая неприятность...

Вера подошла к столу. Весело зазвенели фарфоровые чашки. Вернулась нормальная жизнь.

Чай! Как хорошо, что есть обычный полуденный чай! Ломбард отпустил остроумное замечание. Блор ответил. Армстронг рассказал веселую историю. Даже Уоргрейв, который обычно чай терпеть не мог, теперь пригубил его одобрительно.

Вдруг в эту жизнерадостную атмосферу шагнул Роджерс. Он явно был расстроен. И сказал нервно и наобум:

– Прошу прощения, господа, никто из вас не знает, что случилось с занавеской из ванной комнаты?

Ломбард вскинул голову.

– Из ванной? Какой еще ванной, Роджерс?

– Исчезла, сэр, как не бывало. Я пошел по дому, задерживать шторы, как обычно, а этой, в ванной, – нету.

– А утром была? – спросил судья.

– О, да, сэр.

– Как она выглядела? – задал вопрос Блор.

– Алого шелка, сэр. Она подходила к красной плитке.

– И что, она исчезла? – поинтересовался Ломбард.

– Исчезла, сэр.

Все переглянулись.

– Ну... и что с того, в конце концов? – угрюмо сказал Блор. – Безумие, конечно... как и все остальное. Но какая разница? Шелковой занавеской никого ведь не убьешь. Забудьте о ней.

– Да, сэр, спасибо, сэр, – сказал Роджерс и вышел, закрыв за собой дверь.

Комната снова погрузилась в пучину страха. Все опять исподтишка следили друг за другом.

VI

Обед был подан, съеден и убран. Еда была простая, в основном консервы.

После напряжение в гостиной стало почти невыносимым.

В девять часов Эмили Брент, встав со своего места, сказала:

– Я иду спать.

– Я тоже, – добавила Вера.

Обе женщины поднялись наверх, а Ломбард и Блор последовали за ними. На площадке лестницы мужчины остановились и проследили за тем, как женщины дошли до своих спален, вошли внутрь и заперли двери. Синхронно щелкнули задвижки, в замочных скважинах лязгнули ключи.

– Вот кого незачем предупреждать, чтобы запирались на ночь! – с усмешкой произнес Блор.

– Что ж, по крайней мере, с ними этой ночью ничего не случится! – сказал Ломбард.

И он пошел вниз, а Блор – за ним.

VII

Четверо мужчин просидели в гостиной еще около часа. Наверх они поднялись все вместе. Роджерс видел их из столовой, где накрывал стол к завтраку. И слышал, как они задержались на площадке лестницы.

Тут раздался голос судьи:

– Думаю, джентльмены, мне нет нужды напоминать вам о необходимости запереться.

– И не только запереться, но и цепочку сквозь ручку пропустить, – кивнул Блор. – Замок ведь можно открыть снаружи.

– Любезный Блор, – буркнул Ломбард, – ваша беда в том, что вы слишком много знаете!

– Доброй ночи, джентльмены, – серьезно произнес судья. – Дай нам Бог встретиться опять завтра утром!

Роджерс неслышно вышел из столовой и тихо скользнул вверх по лестнице. Добравшись до середины, он встал, прислушиваясь к тому, как закрывались четыре двери, щелкали замки, звенели цепочки.

– Вот это правильно, – покивав, прошептал он и вернулся в столовую.

Для утренней трапезы все было готово. Взгляд дворецкого на миг задержался на зеркальном блюде посреди стола и фарфоровых фигурках на нем.

Вдруг Роджерс ухмыльнулся и прошептал:

– Пригляжу-ка я за тем, чтобы сегодня ночью все обошлось без фокусов.

Он пересек комнату и закрыл на ключ дверь в буфетную. Затем вышел в холл, запер дверь столовой, а ключ опустил в карман. После, погасив везде свет, заспешил наверх, в свою новую спальню.

Там было лишь одно место, где мог кто-нибудь спрятаться – гардероб, – и Роджерс сразу в него заглянул. Потом, заперев дверь на ключ и цепочку, стал готовиться ко сну. При этом он приговаривал:

– Все, хватит с меня этих штук с фарфоровыми игрушками. Поиграли, и будет...

Глава 11

I

Филипп Ломбард привык просыпаться на рассвете. Так было и в то утро. Он приподнялся на локте, прислушался. Ветер стал, пожалуй, слабее, но совсем не стих. А вот дождя не было...

В восемь утра ветер задул сильнее, но Ломбард этого уже не слышал. Он спал.

В девять тридцать Филипп сел на краю кровати, глядя на свои ручные часы. Поднес их к уху, послушал. И вдруг, раздвинув губы и невесело оскалившись в характерной хищной улыбке, почти неслышно произнес:

– Думаю, пришло время заняться этим делом вплотную.

Без двадцати пяти десять он уже стучал в запертую дверь комнаты Блора.

Тот осторожно открыл. Бывший инспектор был растрепан, в глазах его стояла муть.

Тоном светского человека Ломбард спросил:

– Впали в спячку? Что ж, и то хорошо – значит, совесть у вас чиста.

– В чем дело? – коротко буркнул Блор.

– Вас уже будили – приносили чай? – спросил Ломбард. – Знаете, который час?

Блор бросил взгляд через плечо на маленький дорожный будильник, стоявший у изголовья.

– Без двадцати пяти десять. Неужели я столько спал? Глазам своим не верю... Где Роджерс?

– Вот именно: где? – ответил Филипп Ломбард.

– Что вы хотите сказать? – резко спросил Блор.

– Только то, что Роджерса нигде нет. Ни в комнате, ни в каком другом месте. Чайник не кипел, плита не растоплена.

Блор ругнулся вполголоса...

– Где же он, черт возьми? Где-то на острове? Погодите-ка, я оденусь. Посмотрим, что знают другие.

Ломбард кивнул и пошел вдоль запертых дверей.

Армстронг уже встал и почти оделся. Уоргрейва пришлось будить, как и Блора. Вера Клейторн была одета. У Эмили Брент ему никто не ответил.

Все вместе они прошли по дому. Комната Роджерса, как и говорил

Ломбард, была пуста. Однако в постели явно кто-то спал, а губка, бритва и мыло были мокрыми.

– Значит, он встал сам, – констатировал Ломбард.

Вера тихим голосом, которому она напрасно пыталась придать уверенность и твердость, спросила:

– А может быть... он где-нибудь прячется... и ждет нас... а?

– Моя дорогая, я готов думать что угодно о ком угодно! – ответил Ломбард. – Предлагаю держаться всем вместе, пока мы его не найдем.

– Наверное, он где-то на острове, – предположил Армстронг.

Блор, который наконец присоединился к ним, полностью одетый, но еще не бритый, поинтересовался:

– А куда девалась мисс Брент? Тоже загадка...

Но пожилая дама вошла с улицы в холл одновременно с ними. На ней был макинтош.

– Море сегодня такое же, как вчера, – сообщила она. – Вряд ли можно ожидать лодки.

– Вы что, бродили одна по острову, мисс Брент? – удивился бывший инспектор. – Неужели вы не понимаете, как это безрассудно?

– Уверяю вас, мистер Блор, я чрезвычайно внимательно смотрела по сторонам, – возразила женщина.

Блор фыркнул.

– А Роджерса вы там не видели? – спросил он.

Бровки мисс Брент поползли вверх.

– Роджерса? Нет, я сегодня его вообще не видела... А что?

Судья Уоргрейв, полностью одетый, чисто выбритый, с искусственной челюстью во рту, спускался к ним сверху. Подойдя к распахнутой двери столовой, он произнес:

– Ха, как я вижу, стол к завтраку он накрыл.

– Это он мог сделать еще вечером, – возразил Ломбард.

Все вошли в комнату и стали рассматривать аккуратно расставленные тарелки и приборы возле них. Чашки стояли на буфете. Рядом с ними – готовая подставка для горячего.

Первой это заметила Вера. Она вцепилась в руку судьи, и тот поморщился, ощутив тиски ее атлетических пальцев.

– Негритята! Глядите! – вскрикнула она.

Фигурок посреди стола осталось всего шесть.

II

Его скоро нашли.

Тело лежало в сарайчике, через двор. Видимо, он рубил дрова для растопки. Маленький топорик еще был у него в руке. Второй – тяжелый, с длинной ручкой – стоял на земле, у двери; на его лезвии темнело коричневое пятно. Другое, точно такого же цвета, расплылось по затылку Роджерса...

III

– Все ясно, – сказал Армстронг. – Убийца подкрался к нему сзади, занес топор и опустил его бедняге на затылок, когда тот наклонился.

Блор уже возился с ручкой большого топора, обсыпая ее мукою через сито, взятое на кухне.

– Для этого понадобилась большая физическая сила, доктор? – спросил судья.

– Женщина могла бы это сделать, если вы об этом, – серьезно ответил Армстронг и быстро оглянулся. Вера Клейторн и Эмили Брент уже ушли в кухню. – Для девушки это не составило бы труда – она спортсменка. Мисс Брент хрупкая с виду, но на поверку женщины ее типа часто оказываются жилистыми и куда более сильными, чем можно предположить. Кроме того, надо помнить, что психически неуравновешенные люди часто обладают непропорционально большим запасом физической силы.

Судья задумчиво кивнул.

Блор, со вздохом поднявшись с колен, сообщил:

– Никаких отпечатков. Рукоятку вытерли очень тщательно.

Вдруг раздался смех – все обернулись. Посреди двора стояла Вера Клейторн. Она громко кричала, сотрясаясь от неконтролируемого смеха:

– На этом острове что, держат пчел? Скажите! Куда мне идти за медом? Ха! Ха!

Все уставились на нее, ничего не понимая. Впечатление было такое, будто здравомыслящая, уравновешенная девушка сошла с ума прямо у них на глазах. Так же неестественно-весело она продолжала:

– Не смотрите на меня так! И не думайте, что я спятила. Я задаю вполне разумный вопрос. Пчелы, улы, где они? Не понимаете?.. Вы что, стишок этот дурацкий не читали? Он же у нас в каждой спальне – специально для нашего сведения висит! Если бы у нас хватило ума догадаться, мы бы сразу пришли сюда, а не бродили по всему дому! «Семь негритят дрова рубили топором...» Говорю же вам, я его наизусть выучила! А следующая строфа вот такая: «Шесть негритят пошли на пасеку играть». Вот я и спрашиваю вас – на острове что, пчел держат?.. Разве не смешно?.. Ну, разве не забавно?

И она снова захохотала, как безумная.

Доктор Армстронг шагнул к ней, поднял руку и наотмашь ударил ее

раскрытой ладонью по щеке.

Мисс Клейторн задохнулась, икнула – и стихла. С минуту постояла неподвижно и молча, потом сказала:

– Спасибо... я пришла в себя.

Ее голос опять был спокоен и ровен, как и положено голосу хорошей учительницы физкультуры.

Она развернулась и пошла через двор к двери кухни, говоря на ходу:

– Мы с мисс Брент сейчас приготовим завтрак. Не могли бы вы... принести растопку для плиты?

На ее щеке горел отпечаток ладони.

Когда она вошла в кухню, Блор сказал:

– Ну, вы и постарались, доктор!

– Пришлось, – извиняющимся тоном пояснил Армстронг. – Где уж нам еще возиться с истеричками, когда тут такое творится...

– Вообще-то она не истеричка, – возразил Ломбард.

– Конечно, нет, – тут же поддержал его доктор. – Она славная, здравомыслящая девушка. Это просто шок. Со всеми случается.

Роджерс успел нарубить достаточно дров. Теперь их собрали и перенесли в кухню. Обе женщины уже возились там. Мисс Брент выметала из плиты вчерашнюю золу, Вера срезала корку с бекона.

– Спасибо, – сказала пожилая дама. – Мы скоро – минут через тридцать-сорок все будет готово. Вот только чайник закипит.

IV

– Знаете что? – хрипло шепнул Филиппу Ломбарду бывший инспектор.

– Поскольку вы мне сейчас все равно скажете, не буду даже пытаться угадать, – ответил тот.

Блор был человек серьезный, ирония на него не действовала. И он, ни секунды не сомневаясь, заговорил:

– В Америке был случай. Пожилого джентльмена и его жену зарубили топором. Прямо посреди утра. В доме, кроме них, были только дочь да горничная. Было доказано, что горничная этого сделать не могла. Дочь – почтенная старая дева. Невероятно, кажется... До того невероятно, что ее оправдали. Но других улик так и не нашли. – Он сделал паузу. – Я вспомнил тот случай, как только увидел топор сегодня. Захожу потом в кухню, а она здесь – такая чистенькая, спокойная... Даже глазом не моргнула! Истерика у девушки – дело естественное, даже ожидаемое, вам так не кажется?

– Может быть, – лаконично ответил Ломбард.

– Но вторая! – продолжал Блор. – Вся такая строгая, прямая... да еще в фартуке... фартук-то миссис Роджерс, наверное... и говорит: «Завтрак будет готов минут через тридцать-сорок». Да эта баба безумна, как шляпник, помяните мое слово! Многие старые девы этим заканчивают – не все, конечно, становятся убийцами, но крыша почти у всех едет. А с ней вот как повернулось... Религиозная мания – считает себя орудием в руках Господа, что-нибудь в таком роде... Сидит взаперти, Библию перечитывает...

– Вряд ли это можно считать неопровержимым доказательством безумия, Блор, – со вздохом произнес Ломбард.

Но тот продолжал упорно гнуть свое:

– Она и на улице была – помните, вошла в макинтоше, сказала, что ходила взглянуть на море...

Ломбард покачал головой.

– Роджерса убили, когда он колот дрова, – то есть прямо с утра, едва тот встал. Зачем тогда мисс Брент было еще несколько часов бродить под дождем по острову?.. Нет, тот, кто убил Роджерса, преспокойно пришел к себе наверх и завалился в теплую постель, досыпать.

– Вы упускаете главное, мистер Ломбард, – сказал Блор. – Будь эта баба невиновна, она боялась бы и не разгуливала одна по острову. А так она могла отправиться на прогулку только потому, что знала – бояться ей нечего. А бояться ей нечего только в одном случае – если она сама преступница и есть.

– Гм, удачное замечание... – согласился Филипп. – Да, я об этом не подумал. – И с едва заметной усмешкой добавил: – Рад, что вы уже меня не подозреваете.

– Да уж, – пристыженно ответил Блор, – на вас-то я и думал с самого начала... из-за револьвера... и из-за странной истории, которую вы нам рассказали... или, скорее, не рассказали. Но теперь я вижу, что это было бы слишком очевидно. – Помолчав, он закончил фразу: – Надеюсь, меня вы не подозреваете.

Филипп задумчиво произнес:

– Я могу ошибаться, конечно, но, по-моему, воображения для такой работы у вас не хватило бы. И если убийца на самом деле вы, то вы к тому же чертовски хороший актер, и я снимаю перед вами шляпу. – Он понизил голос: – Строго между нами, Блор, и учитывая, что у нас обоих есть шанс окочуриться еще до заката, скажите: вы хотя бы выгадали что-нибудь от того лжесвидетельства, а?

Блор нерешительно переступил с ноги на ногу. Наконец он сказал:

– Вы правы, какая теперь разница... Да, тот парень, Ландор, был невиновен. Банда прижала меня, и мы договорились его подставить. Однако имейте в виду, я не сказал бы ничего подобного...

– При свидетелях, – с ухмылкой закончил Ломбард. – Только между нами... Что ж, полагаю, вы хорошо обтяпали это дело.

– Я ничего такого не хотел. Они меня заставили. Банда Перселла – отчаянные ребята. Зато я получил повышение.

– А Ландор – срок в тюрьме, где и умер.

– Откуда мне было знать, что он умрет? – вскинулся Блор.

– Конечно, вы не могли знать; просто вам не повезло.

– Мне? Скорее, ему.

– Вам тоже. Ведь это из-за его смерти вы рискуете расстаться с жизнью в самом ближайшем будущем.

– Расстаться с жизнью? – Блор вытаращил на него глаза. – Думаете, я сваяю такого же дурака, как этот Роджерс и остальные? Нет уж, дудки! Я внимательно смотрю по сторонам, уж будьте уверены.

– Ладно, – сказал Ломбард, – биться с вами об заклад я не стану – не в моих привычках. Кроме того, если вас убьют, то получать выигрыш

мне все равно будет не с кого.

– Слушайте, мистер Ломбард, к чему весь этот разговор?

Филипп оскалился.

– К тому, мой дорогой Блор, что у вас нет шансов!

– Что?

– При полном отсутствии у вас воображения убрать вас легче легкого. А уж преступник с такой фантазией, как у нашего – или нашей – А. Н. Оуэн, обведет вас вокруг пальца в любое время дня и ночи.

Побагровев, Блор злобно спросил:

– А вы-то сами?

Лицо Ломбарда приняло жесткое выражение.

– У меня у самого фантазия что надо. Мне и раньше доводилось бывать в переделках, и я всегда выходил сухим из воды. Не скажу, что знаю наверняка, – но полагаю, что выберусь и из этой.

V

На сковороде шкворчали яйца. Поджаривая хлебцы, Вера думала: «И чего я изображала из себя истерическую дуру? Это была ошибка. Спокойствие, девочка моя, главное – спокойствие».

В конце концов, разве она зря гордилась своим самообладанием?

«Мисс Клейторн держалась великолепно... она не потеряла головы... сразу прыгнула в воду и поплыла за Сирилом».

Зачем вспоминать об этом сейчас? Это все прошлое... прошлое... Сирил ушел под воду куда раньше, чем она добралась до той скалы. Девушка чувствовала, как течение толкает ее, несет в море. И она отдалась ему, позволила подхватить себя и тихо нести, пока не появилась лодка...

Все хвалили ее за смелость и *sangfroid*^[11]...

«Все, кроме Хьюго. А он... он только поглядел, и всё...»

Господи, до чего же больно думать о Хьюго, даже сейчас...

«Где он теперь? Что делает? Обручен... женат?»

– Вера, у вас тост горит, – резко оборвала ее размышления Эмили Брент.

– О, простите, мисс Брент... Верно. Как глупо...

Пожилая дама сняла со сковороды последнее яйцо. Мисс Клейторн, надев на вилку для тоста новый ломтик хлеба, с любопытством заметила:

– Вы удивительно спокойны, мисс Брент.

Та, поджав губы, сказала:

– Так меня воспитали: ни при каких обстоятельствах не терять головы и не поднимать шума.

«Подавленная детская активность... – невольно подумала Вера. – Это многое объясняет».

Вслух же она сказала:

– Разве вам не страшно?

Потом, подумав, добавила:

– Или вам все равно, жить или умереть?

Умереть! Словно крохотный острый буравчик ввинтился вдруг в закостеневший мозг пожилой дамы. Умереть? С чего ей умирать? Другие умрут – да, – но только не она, Эмили Брент. Девчонка просто не понимает! Конечно, ей, Эмили, не страшно – Бренты вообще не из

трусливых. Все ее предки служили в армии. Все, не дрогнув, встречали смерть лицом к лицу. И все вели праведную жизнь, как и она, Эмили. Она не совершила ничего постыдного или дурного. И потому она, конечно, не умрет здесь, на этом острове...

«Он печется о вас...»^[12] «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем...»^[13] Сейчас как раз день – значит, бояться нечего. «Никто из нас не уедет с этого острова». Кто это сказал? Генерал Макатур, разумеется. (Его кузен женился на Элси Макферсон.) И он, похоже, нисколько не возражал. Больше того, ему даже нравилась эта идея! Порочный человек! Разве можно радоваться таким вещам? Некоторые люди столь мало думают о смерти, что сами лишают себя жизни. Беатрис Тейлор... Прошлой ночью она видела Беатрис во сне – ей снилось, будто та стоит за окном, прижавшись лицом к стеклу, и просит впустить ее. Но Эмили Brent не хотела ее впускать. Знала, что, если она войдет, случится ужасное...

Вздрагнув, она очнулась. Девушка смотрела на нее как-то странно.

– Ну что, все, кажется, готово? – поспешно спросила мисс Brent. – Тогда можно подавать на стол.

VI

Завтрак проходил очень странно. Все были подчеркнуто предупредительны друг с другом.

– Разрешите подлить вам кофе, мисс Брент?

– Ломтик ветчины, мисс Клейторн?

– Еще тост?

Шестеро людей, совершенно спокойных и нормальных внешне.

А внутри? Мысли каждого метались, как белки по клетке.

«Что дальше? Что же будет дальше? Кто? Который?»

«Сработает или нет? Как знать. Попробовать стоит. Только бы успеть. Бог мой, только бы мне хватило времени...»

«Помешалась на религии – вот он, ключик... Хотя, глядя на нее, не скажешь... А что, если я ошибаюсь?»

«Безумие – настоящее безумие. И я тоже схожу с ума. Шерсть пропала... красная шелковая занавеска... бессмыслица какая-то. Ничего не понимаю...»

«Дурак, уши развесил. Так просто... Однако надо соблюдать осторожность».

«Шесть фигурок... всего шесть – сколько же будет вечером?»

– Кому последнее яйцо?

– Мармелада?

– Благодарю, еще кусочек хлеба?

Шесть человек за абсолютно обычным завтраком...

Глава 12

I

Завтрак закончился.

Судья Уоргрейв прокашлялся и властным негромким голосом произнес:

– Полагаю, создавшееся положение желательно обсудить. Скажем, через полчаса в гостиной?

Все согласно зашумели.

Вера начала собирать посуду.

– Я все вымою, – сказала она.

– Мы принесем свои тарелки в буфетную, чтобы вам не беспокоиться, – предложил Ломбард.

– Спасибо.

Эмили Брент начала было вставать, но тут же снова села.

– О боже...

– Что-то случилось, мисс Брент? – спросил судья.

Эмили извиняющимся тоном ответила:

– Прошу прощения. Сама не знаю, как это вышло. Я хотела помочь мисс Клейторн, но голова что-то закружилась...

– Голова закружилась? – Доктор Армстронг шагнул к ней. – Вполне естественно. Последствия шока. Я дам вам что-нибудь...

– Нет!

Слово сорвалось с ее губ и прогремело, точно взрыв.

Все были поражены. Доктор Армстронг покраснел. Женщина смотрела на него со страхом и неприкрытой подозрительностью.

– Как пожелаете, мисс Брент, – сухо произнес он.

– Мне ничего не нужно – совсем ничего, – сказала она. – Я посижу тут тихонько, подожду, пока головокружение пройдет...

Уборка стола продолжилась.

– Я привык работать по дому, – сказал Блор. – Давайте, я помогу вам, мисс Клейторн.

– Спасибо, – отозвалась та.

Эмили Брент оставили в столовой одну. Какое-то время она еще слышала голоса в буфетной.

Головокружение понемногу стихало. Теперь ее клонило ко сну, казалось, только бы донести голову до подушки, и она сразу заснет.

Вдруг у нее зазвенело в ушах – или это не в ушах, а в комнате?

«Как будто пчела жужжит – или даже шмель», – подумала она.
И тут же увидела пчелу. Насекомое ползло по оконному стеклу.
Вера Клейторн что-то говорила о пчелах сегодня утром...

Пчелы и мед...

Мед она любила. Покупала соты и сама процеживала из них мед
через муслиновый мешочек. Кап, кап, кап...

В комнате кто-то был. Кто-то мокрый ронял на пол капли. «...
Беатрис Тейлор вернулась из реки...»

Стоит только повернуть голову, и она ее увидит.

Но повернуть голову она не могла...

Позвать на помощь...

Но она не могла крикнуть...

Дом был пуст. Она осталась одна...

И вдруг раздались шаги – кто-то молча подходил к ней сзади,
привлакивая ноги. Так может шаркать утопленница...

Запах сырости ударил ей в ноздри...

Пчела на окне не унималась – все жужжала и жужжала...

И тут она почувствовала укол.

Пчела укусила ее в шею.

II

В гостиной все ждали Эмили Брент.

– Может быть, я схожу за нею? – предложила Вера Клейторн.

– Одну минуту, – задержал ее Блор.

Вера снова села. Все вопросительно смотрели на бывшего инспектора.

– Слушайте все, – продолжил он, – мое мнение такое: автор всех смертей сейчас в гостиной. Готов показать под присягой, что эта баба и есть та, кто нам нужен!

– Мотив? – спросил Армстронг.

– Религиозная мания. Что скажете, доктор?

– Вполне возможно, – ответил Армстронг. – Ничего не могу возразить. Но и доказательств у нас никаких, разумеется.

– Она была такая странная сегодня, когда мы с ней готовили завтрак, – сказала Вера. – Глаза такие... – Она поежилась.

– Ну, по одному этому никого судить нельзя, – возразил Ломбард. – Мы сейчас все немного не в себе!

– Есть еще кое-что, – добавил Блор. – Она единственная не дала никакого объяснения после той истории с пластинкой. Почему? Вероятно, потому, что ей объяснять было нечего.

Вера поерзала в кресле.

– Это не совсем так. Она рассказала мне – после...

– Что она рассказала вам, мисс Клейторн? – спросил Уоргрейв.

Вера повторила историю Беатрис Тейлор.

– Похоже на правду, – заключил судья. – Я, например, легко поверил бы в подобный рассказ... Скажите, мисс Клейторн, а вам не показалось, что она раскаивается в содеянном или испытывает чувство вины?

– Ничего подобного, – сказала Вера. – Она была совершенно холодна.

– Сердца у них, как камень, у этих праведных старых дев! – заявил Блор. – А все зависть...

– Без пяти одиннадцать, – объявил Уоргрейв. – Думаю, пришла пора пригласить мисс Брент принять участие в нашем конклаве.

– И вы ничего не сделаете? – спросил Блор.

– Не вижу, что мы могли бы предпринять, – покачал головою судья. – На нынешний момент наши подозрения суть лишь подозрения, и

не больше. Однако я попрошу доктора Армстронга обратить особое внимание на поведение этой дамы. А пока давайте перейдем в столовую.

Мисс Брент сидела в том же кресле, в котором они ее оставили. Глядя на нее со спины, никто не заметил в ее позе ничего особенного; странным показалось лишь то, что она не повернулась, услышав за спиной шаги.

Но тут все увидели ее лицо – бледное, бескровное, с синими губами и выпученными глазами.

– Бог ты мой, да она мертва! – воскликнул Блор.

III

Снова прозвучал негромкий голос судьи Уоргрейва:

– Вот и еще один из нас оправдан – посмертно!

Армстронг склонился над мертвой женщиной. Понюхав ее губы, он покачал головой, затем оттянул ей веки и заглянул в глаза.

– Как она умерла, доктор? – нетерпеливо спросил Ломбард. – С нею все было в порядке, когда мы уходили!

Внимание Армстронга привлекло крошечное пятнышко на шее женщины.

– Это след от подкожной инъекции, – сказал он.

На окне что-то зажужжало.

– Смотрите – пчела... шмель! – вскрикнула Вера. – Помните, что я говорила вам утром?

– Ее укусила не пчела, – угрюмо сказал Армстронг. – Укол был сделан рукой человека.

– Какой яд ей ввели? – спросил судья.

– Судя по всему, что-то из цианидов, – ответил доктор. – Возможно, цианид калия, как и в случае с Марстоном. Она умерла почти мгновенно, от удушья.

– Но пчела? – продолжала Вера. – Думаете, это совпадение?

– О, нет, никакого совпадения! – мрачно проговорил Ломбард. – Это наш убийца добавляет местного колорита! Экая игривая скотина... Точно по стишку идет!

Впервые за все время на острове его голос дрогнул и едва не сорвался. Похоже, что даже его нервы, закаленные многолетними опасностями и рискованными авантюрами, готовы были сдать.

– Он псих!.. ненормальный!.. мы все тут спятили! – резко добавил Филипп.

– Надеюсь, что способность рассуждать нам пока не изменила, – спокойно произнес Уоргрейв. – Кто-нибудь привозил с собой шприц?

Доктор Армстронг выпрямил спину и чрезмерно уверенным тоном сообщил:

– Да, я привез.

Четыре пары глаз смотрели на него враждебно и подозрительно. Он весь подобрался под их взглядами и добавил:

– Я всегда беру его с собой. Так делают все доктора.

– Совершенно верно, – подтвердил судья. – Не могли бы вы сообщить нам, доктор, где именно этот шприц находится сейчас?

– В чемодане, в моей комнате.

– Желательно проверить, – сказал Уоргрейв.

Впятером они в полном молчании поднялись наверх.

Содержимое чемодана вывалили на пол.

Шприца для подкожных инъекций среди вещей не оказалось.

IV

Армстронг произнес с нажимом:

– Кто-то его взял!

В комнате установилось молчание.

Доктор стоял спиной к окну. На него смотрели четверо, их глаза были полны обвинений и черных подозрений. Он взглянул на Уоргрейва, на Веру, – и беспомощно повторил:

– Говорю вам, кто-то его забрал.

Блор посмотрел на Ломбарда, тот отвел глаза.

– Нас в комнате пятеро, – произнес судья. – Один из нас убийца. Положение чревато серьезной опасностью для всех. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы оградить от нее четверых невиновных. Я спрашиваю вас, доктор Армстронг, какими лекарствами вы располагаете?

– У меня с собой небольшой медицинский чемоданчик, – ответил тот. – Вы можете его осмотреть. Там только снотворное – трионал и сульфонал в таблетках, – пакетик бромида, бикарбонат соды и аспирин. Ничего больше. Цианида у меня нет.

– У меня тоже с собой снотворное – сульфонал, кажется, – сообщил Уоргрейв. – Думаю, в достаточно большой дозе он может оказаться летальным. А у вас, мистер Ломбард, револьвер...

– И что с того? – огрызнулся тот.

– Ничего. Предлагаю взять чемоданчик доктора, мои таблетки сульфонала, ваш револьвер и любые другие предметы, могущие представлять угрозу для жизни и находящиеся в данный момент в распоряжении каждого из нас, и спрятать в надежном месте. Когда это будет сделано, нам придется согласиться на обыск – как нас самих, так и наших вещей.

– Черта с два я отдам вам револьвер! – отрезал Ломбард.

– Мистер Ломбард, – резко возразил судья, – вы человек молодой, энергичный, крепкий, однако бывший инспектор Блор в силе вам не уступит. Не знаю, каков будет исход борьбы между вами, но точно могу сказать одно: на стороне Блора буду я сам, доктор Армстронг и мисс Клейторн, и мы поможем ему, чем сможем. Так что, как видите, избранный вами путь сопротивления ни к чему хорошему не приведет.

Ломбард, запрокинув голову, процедил сквозь зубы:

– Ну, что ж, ладно. Раз уж у вас все расписано...

Уоргрейв кивнул.

– Благоразумное решение, молодой человек. Где ваш револьвер?

– В ящике стола рядом с моей кроватью.

– Хорошо.

– Сейчас принесу.

– Думаю, нам лучше пойти с вами, – сказал судья.

Филипп с улыбкой, до крайности напоминавшей оскал, заметил:

– Вот ведь подозрительный старый черт, а?

Они вышли в коридор и направились в комнату Ломбарда. Филипп подошел к прикроватному столу и рывком открыл ящик.

И тут же с ругательством отпрянул.

Ящик был пуст.

V

– Довольны? – спросил Ломбард.

Он разделся, двое мужчин тщательно обыскали его комнату. Вера Клейторн ждала за дверью.

Они работали методично. Осмотру поочередно подвергались Армстронг, судья и Блор.

Наконец четверо мужчин вышли из комнаты Блора и приблизились к Вере.

– Надеюсь, мисс Клейторн, вы понимаете, что мы не можем допускать исключений, – сказал Уоргрейв. – Револьвер надо найти. Полагаю, вы привезли с собой купальный халат?

Вера кивнула.

– Тогда я попрошу вас пройти в вашу комнату, надеть халат и выйти к нам сюда.

Вера прошла к себе и заперла дверь. Не прошло и минуты, как она появилась перед ними в плотно прилегающем шелковом платье для купания.

Уоргрейв одобрительно кивнул.

– Благодарю вас, мисс Клейторн. Теперь оставайтесь здесь, а мы пока осмотрим вашу комнату.

Вера терпеливо ждала окончания процедуры в коридоре. Затем она снова вошла к себе, переоделась и вернулась к остальным.

– Теперь мы можем быть уверены в одном: ни у кого из нас нет больше никакого оружия, ядов или иных предметов, представляющих смертельную опасность. Это хорошо. Лекарства мы сейчас спрячем, для сохранности. Если не ошибаюсь, я видел чемодан с серебром в буфетной?

– Все это хорошо, – сказал Блор, – только вот у кого будет ключ? У вас, наверное?

Судья Уоргрейв не ответил.

Он пошел в кладовую, остальные за ним. Там действительно оказался небольшой чемоданчик, предназначенный для хранения серебра и тарелок. Под руководством судьи в него уложили также разные лекарства и закрыли. Затем, также по указанию Уоргрейва, чемодан поставили в буфет, а буфет заперли. После этого судья отдал ключ от чемодана Филиппу Ломбарду, а ключ от буфета – Блору.

– Вы двое физически намного сильнее нас, – сказал он. – Поэтому вам будет трудно отнять второй ключ друг у друга. Для нас же троих это останется невозможным. Конечно, вскрыть буфет – а также чемодан – можно и без ключа, но это будет шумная и трудоемкая операция, осуществить которую незаметно не получится.

Он помолчал, затем продолжил:

– И все же перед нами стоит еще одна, очень серьезная проблема. Куда все-таки девался револьвер мистера Ломбарда?

– Кому ж это знать, как не владельцу, – сказал Блор.

У Филиппа Ломбарда побелели ноздри.

– Вы, чертов болван! Говорю вам, его украли! – вспыхнул он.

– Когда вы видели его в последний раз? – спросил Уоргрейв.

– Вчера вечером. Он был в ящике, когда я ложился спать, – под рукой, на всякий случай.

Судья кивнул.

– Должно быть, его похитили утром, пока все искали Роджерса, или уже после того, как нашли его тело.

– Он наверняка где-то в доме, – сказала Вера. – Надо поискать.

Уоргрейв, поглаживая подбородок, проговорил:

– Сомневаюсь, что наши поиски к чему-то приведут. У убийцы была масса времени, чтобы найти подходящее укрытие. Не думаю, что нам удастся обнаружить этот револьвер.

– Не знаю, где может быть револьвер, – с нажимом произнес Блор, – зато я точно знаю, где сейчас кое-что другое – шприц. За мной!

Он открыл входную дверь, вышел из дома и обошел его кругом.

Недалеко от окна столовой действительно был обнаружен шприц. Рядом лежала расколотая фарфоровая фигурка – шестой негритенок.

– Где еще ему было быть? – довольным голосом произнес Блор. – Он убил старуху, открыл окно, выбросил шприц, потом взял со стола фигурку и отправил туда же.

Никаких отпечатков на шприце не нашли – тот был тщательно вытерт.

– А теперь давайте поищем револьвер, – решительно сказала Вера.

– Разумеется, – кивнул Уоргрейв. – Только давайте будем соблюдать осторожность и держаться вместе. Помните: как только мы разделимся, убийца получит шанс.

Они прочесали дом от чердака до подвала, но безрезультатно. Револьвера нигде не было.

Глава 13

I

«Кто-то из нас... Кто-то из нас... Кто-то из нас...»

Люди, которым грозила смертельная опасность, не могли думать ни о чем другом.

Их осталось пятеро – и они были перепуганы насмерть. Они следили за каждым шагом друг друга, даже не пытаясь скрывать своей взвинченности.

От прежнего притворства не осталось и следа. Никаких светских бесед, никакой учтивости. Теперь это были враги, которых объединяло лишь одно – могучий инстинкт самосохранения.

И – удивительное дело, но в них как будто стало меньше человеческого. Зато отчетливо проступило то или иное животное начало. Судья Уоргрейв сидел в своем кресле, не двигаясь, как старая осторожная черепаха; лишь глаза, хищные и подозрительные, жили на его лице. Бывший инспектор Блор стал как будто еще коренастее и неуклюжее в движениях. Его походка напоминала тяжелую поступь тяглового животного. Глаза налились кровью. Во взгляде тупость мешалась со свирепостью. Он походил на кабана, укрывшегося в чаще и готового в любую минуту кинуться на своих преследователей из засады. У Филиппа Ломбарда, напротив, обострились все чувства. Его ухо чутко ловило малейший звук. Шаги стали легче и пружинистее, тело налилось упругой силой. Он чаще улыбался, показывая острые белые зубы.

Вера Клейторн вела себя очень тихо. Большую часть времени она проводила сидя в кресле и с оцепенелым видом глядя в пространство перед собой. Девушка походила на птичку, которая с размаху ударилась в оконное стекло и, оглушенная этим ударом, нахохлилась в человеческой ладони. Там она и сидит, перепуганная, неподвижная, надеясь, что незаметность спасет ее.

Нервы Армстронга были на пределе. Он то и дело вздрагивал, у него тряслись руки. Закурив одну сигарету и сделав две-три затяжки, он давил ее в пепельнице и тут же закуривал другую. Вынужденное бездействие, казалось, угнетало его больше остальных. Доктор то и дело раздражался бурными речами:

– Мы... зря мы сидим тут, сложа руки! Ведь есть же какой-нибудь выход, не может его не быть! Что, если развести костер...

– В такую погоду? – мрачно ответил Блор.

Снова лил дождь. Налетал порывами ветер. Монотонный звук барабанивших по окнам капель сводил с ума.

Был принят негласный план. Все собрались в большой гостиной. Выходили строго поодиночке. Остальные четверо дожидались, когда вышедший вернется.

– Это всего лишь вопрос времени, – сказал Ломбард. – Погода рано или поздно прояснится. Тогда мы сможем что-нибудь предпринять: подать сигнал... разжечь костер... построить плот... что угодно!

Армстронг засмеялся, как закаркал:

– Вопрос времени, вы говорите? Но у нас нет времени! Нас всех скоро убьют...

Заговорил судья Уоргрейв, его тихий голос был полон страстной решимости:

– Не убьют, если мы будем соблюдать осторожность. Надо быть очень осмотрительными...

В середине дня они пообедали – но без прежних формальностей. Просто спустились все впятером в кухню, нашли в кладовой консервы, открыли одну банку с тушеным языком и две с фруктами, и поели, стоя вокруг кухонного стола. Затем, сбившись в кучку, вернулись в гостиную, чтобы продолжать следить друг за другом.

Каждого посещали ненормальные, лихорадочные, болезненные мысли...

«Это Армстронг... я видела, как он смотрел на меня искоса... у него были глаза безумца... настоящего безумца... Может быть, он вообще не доктор... Ну, конечно, в этом все и дело!.. Он псих, сбежал из какой-нибудь лечебницы и теперь притворяется доктором... Это же правда... сказать ему?.. завизжать?.. Нет, так он все поймет, занервничает... к тому же иногда он кажется вполне нормальным... Который сейчас час?.. Пятнадцать минут четвертого, всего лишь!.. О, господи, я сама скоро с ума сойду. Да, это определенно Армстронг. Вон как он на меня смотрит...»

«Меня они не достанут! Уж я-то о себе позабочусь... Случалось мне бывать в переделках и раньше... Где же этот чертов револьвер? Кто его взял?.. У кого он?.. Ни у кого – мы же знаем. Всех обыскали... Так что его ни у кого нет... Но кто-то из нас знает, где он...»

«Они сходят с ума... Все до одного спятили... Страх смерти... мы все

боимся смерти... И я боюсь... Но это не мешает ей прийти... «Катафалк подан, сэр». Где я это читал? Девушка. Буду следить за девушкой. Да, надо следить за девушкой...»

«Без двадцати четыре... опять без двадцати четыре... может, часы остановились... Не понимаю – совсем, совсем ничего не понимаю... Такого просто не бывает. И все же вот оно, происходит... Почему мы не просыпаемся? Восстаньте – Судный день – нет, не так... Если бы я мог сосредоточиться, подумать... Моя голова – что-то происходит в моей голове – она вот-вот расколется... лопнет. Но так ведь не бывает. Который час? О, бог мой, без четверти четыре...»

«Не вешать нос. Не раскисать. Главное – не раскисать. Все же понятно – ясно, как день. Главное, чтобы никто не заподозрил. Это срабатывает. Наверняка срабатывает! Кто из них? Да, в этом весь вопрос – кто? Думаю... да, я почти уверен... да... он».

Когда часы пробили пять, все вздрогнули.

– Кто-нибудь... хочет чаю? – спросила Вера.

Минуту все молчали.

– Я бы выпил, – наконец сказал Блор.

Вера встала.

– Пойду, приготовлю. А вы пока посидите здесь.

– Думаю, моя юная леди, – вкрадчиво произнес судья Уоргрейв, – что мы все с большим удовольствием пойдем с вами и проследим за тем, как вы будете его готовить.

Вера посмотрела на него широко раскрытыми глазами; потом, коротко и истерически хихикнув, сказала:

– Ах, да! Как же я забыла!

Все пятеро вошли в кухню. Вера приготовила чай, они с Блором выпили по чашке. Остальные пили виски – взяли непочатую бутылку и сифон из заколоченного ящика.

Судья, улыбаясь, как рептилия, произнес:

– Надо соблюдать осторожность.

Все снова вернулись в гостиную. Несмотря на летнее время, в комнате было уже темно. Ломбард щелкнул выключателем, но свет не зажегся.

– Ну, конечно! – сказал Филипп. – Генератор выключен, Роджерс ведь не ходил туда сегодня...

Помешкав, он предложил:

– Думаю, мы могли бы выйти все вместе и запустить его.

– В чулане под лестницей есть свечи, я видел, – сказал судья Уоргрейв. – Лучше принесите их.

Ломбард вышел. Остальные четверо сидели и переглядывались.

Филипп вернулся с коробкой и блюдцами. Пять свечей зажгли и расставили по углам.

Часы показывали без четверти шесть.

II

В двадцать минут седьмого Вера поняла, что сидеть так дальше невыносимо. Она решила подняться к себе и освежить холодной водой лоб и горячие виски.

Мисс Клейторн встала и подошла к двери. Вспомнила про свет, вернулась, взяла из коробки свечу. Зажгла ее, покапала расплавленным воском на блюдце, поставила в лужицу и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь и оставив за ней четверых мужчин. Поднявшись по лестнице, она пошла по коридору в свою комнату.

Открывая дверь, девушка вздрогнула и замерла.

Ее ноздри затрепетали.

Море... Запах моря в Сент-Треденнике.

Да, это он. Она не могла ошибиться. Конечно, на острове всегда пахнет морем. Но этот запах был другой. Так пахло в тот день на пляже – был отлив, море отошло, обнажив берег и водоросли на скалах.

«Можно мне поплыть к скале, мисс Клейторн?

Ну почему мне нельзя поплыть к скале?»...

Гадкий. Занудный, избалованный мальчишка! Если бы не он, у Хьюго были бы деньги... и он мог бы жениться на той, которую любил...

Хьюго...

«Ну, конечно... конечно... Хьюго здесь, рядом? Нет, он ждет меня в спальне...»

Она шагнула вперед. Сквозняк подхватил пламя свечи. Оно замигало и погасло...

В темноте ей вдруг стало страшно.

«Не будь дурой, – одернула себя Вера. – Все нормально. Остальные внизу. Четверо. В комнате никого нет. Там не может никого быть. У тебя просто разыгралась фантазия, моя девочка».

Но запах – этот запах пляжа в Сент-Треденнике... Его-то она не придумала. Запах на самом деле был.

И в комнате кто-то есть... Она что-то слышала – о, да, она совершенно уверена, что слышала...

И тут, пока она стояла, вслушиваясь в темноту, ее горла коснулась холодная, липкая рука – мокрая, пахнущая морем...

III

Вера завизжала. Она визжала долго – это был крик ужаса – дикий, отчаянный призыв о помощи.

Девушка не слышала никаких звуков снизу: ни как упал стул, ни как распахнулась дверь, ни как затопали вверх по лестнице люди. Она ощущала лишь одно – всепобеждающий ужас.

Затем, возвращая ей разум, в дверях замелькали огоньки – свечи – мужчины ввалились в комнату.

– Что за черт?

– В чем дело?

– Господи, что такое?

Дрожа, Вера сделала шаг вперед и упала на пол.

Она почти не чувствовала, как кто-то склонился над ней, пригибая ее голову к коленям.

Вдруг кто-то вскрикнул, и при словах: «Бог мой, вы только поглядите!» – она пришла в сознание. Открыла глаза, подняла голову. И увидела, куда глядели мужчины, подняв свечи.

С потолка лентой свисала широкая прядь морской травы. Это она коснулась в темноте ее шеи. Это ее Вера приняла за липкую, влажную ладонь, руку того, кто, восстав из мертвых, пришел забрать у нее жизнь!

Она истерически засмеялась:

– Это водоросли... просто водоросли... это они так пахнут...

И тут же почувствовала слабость – волны дурноты снова накатывали на нее одна за другой. И снова кто-то взял ее за голову и стал пригибать к коленям.

Ей показалось, будто прошли века. Ей принесли что-то попить – к губам прижался стакан. В нос ударил запах бренди.

Она хотела сделать глоток, как вдруг что-то тоненько зазвенело у нее в мозгу – сигнал тревоги. Она села, оттолкнула стакан и отрывисто спросила:

– Где вы это взяли?

Ответил Блор – не сразу, после паузы:

– Внизу.

– Я не буду это пить... – слабо вскрикнула мисс Клейторн.

С минуту все молчали, потом Ломбард засмеялся и с одобрением произнес:

– Молодец, Вера. Мыслите по-прежнему ясно, хоть вас и напугали до полусмерти. Я принесу свежую бутылку.

И он вышел.

Вера неуверенно сказала:

– Кажется, со мной все в порядке. Выпью воды.

Армстронг поддержал ее, и с его помощью она встала на ноги. Шатаясь, подошла к раковине, ухватилась за ее края, чтобы не упасть. Открыла холодный кран, набрала в стакан воды.

– Бренди был нормальный, – обиженно сказал Блор.

– Откуда вы знаете? – возразил Армстронг.

– Я ничего в него не подсыпал, – злобно огрызнулся бывший инспектор. – Вы же на это намекаете, как я понимаю...

– Я ничего такого не утверждаю, – возразил доктор. – Но и не исключаю возможности, что вы или кто-нибудь другой могли туда что-то положить.

В комнату стремительно вошел Ломбард. В руках у него была непочатая бутылка бренди и штопор. Он сунул запечатанное горлышко бутылки Вере под нос.

– Вот, видите, девочка? Все чисто, без обмана. – Снял с бутылки фольгу и вытащил пробку. – Счастье, что в этом доме большой запас спиртного. Предусмотрительный мистер А.Н. Оуэн...

Вера вздрогнула.

Армстронг держал стакан, Филипп наливал бренди.

– Выпейте, мисс Клейторн, – сказал последний. – Вы пережили сильное потрясение.

Вера глотнула спиртного. Ее лицо опять порозовело.

– Ну, вот, одно убийство мы предотвратили! – со смехом произнес Ломбард.

– Думаете... думаете, он так задумал? – почти шепотом спросила девушка.

Ломбард кивнул.

– Наверняка надеялся, что вы умрете от страха... А что, кто-нибудь другой на вашем месте и умер бы – правда, доктор?

Армстронг, ничем себя не выдавая, сказал с сомнением:

– Гм, трудно судить. Женщина молодая, здоровая... сердечной недостаточностью не страдает... Маловероятно. Хотя, с другой стороны...

Он взял принесенный Блором стакан, опустил палец в бренди, осторожно лизнул. Выражение его лица не изменилось. Он неуверенно

продолжил:

– Гм, вкус как будто нормальный...

Блор шагнул вперед и злобно заявил:

– Еще раз скажете, что я его отравил, и я набью вам морду.

Вера, которая уже совсем пришла в себя после бренди, направила разговор по другому руслу внезапным вопросом:

– А где судья?

Все переглянулись.

– Странно... Я думал, он пошел вместе с нами.

– И мне так показалось... – кивнул Блор. – Что скажете, доктор, вы ведь поднимались за мной по лестнице?

– По-моему, он поднимался следом... – произнес Армстронг. – Правда, ему за нами не угнаться. Он же старик...

Все четверо опять переглянулись.

– Чертовски странно... – сказал Ломбард.

– Надо идти его искать! – воскликнул Блор.

И он пошел к двери. Остальные последовали за ним, Вера шла последней.

Спускаясь по лестнице, Армстронг кинул через плечо:

– Конечно, он мог остаться в гостиной.

Они прошли через холл. Армстронг громко крикнул:

– Уоргрейв, где вы, Уоргрейв?

Ответа не было. Мертвую тишину дома нарушал лишь шелест дождя за окнами.

Вдруг у входа в гостиную доктор замер. Другие столпились у него за спиной, заглядывая ему через плечо.

Кто-то вскрикнул.

У противоположной стены, в кресле с высокой спинкой сидел судья Уоргрейв. По обе стороны от него горели две свечи. Но зрителей поразило другое: на нем была красная мантия, а на голове – серый судейский парик...

Армстронг сделал всем знак не подходить ближе, а сам, пошатываясь, точно пьяный, приблизился к недвижной фигуре в кресле. Затем нагнулся и заглянул в недвижимое лицо с открытыми глазами. Потом быстрым движением приподнял парик. Тот упал на пол, открыв взглядам высокий, с залысинами, лоб судьи с аккуратным круглым отверстием посередине, из которого вытекала темная струйка.

Доктор поднял безжизненную руку и пощупал пульс. Потом повернулся к остальным и сказал безжизненным, далеким голосом:

– В него стреляли...

– Господи – револьвер! – воскликнул Блор.

Тем же мертвым голосом доктор добавил:

– Пуля вошла в мозг. Смерть наступила мгновенно.

Вера наклонилась поднять парик и произнесла, дрожа от ужаса:

– Это же шерсть, которую потеряла мисс Брент...

– И красная занавеска из ванной, – добавил Блор.

– Так вот зачем они понадобились... – прошептала мисс Клейторн.

Вдруг Филипп Ломбард засмеялся – смех у него вышел натужным, неестественным.

– «Пять негритят суд учинить решили, приговорили одного – осталось их четыре...» Каков конец судьи Уоргрейва-Вешателя! Хватит уже, повыносил приговоры! Понадевал на людей черные колпаки! Отпредседательствовал свое! Больше не говорить ему напутственных речей присяжным, не посылать на смерть невиновных... Как бы сейчас смеялся Эдвард Ситон, окажись он здесь! Боже мой, как бы он смеялся...

Его вспышка поразила и напугала остальных.

– Вы же только сегодня утром говорили, что это он! – воскликнула Вера.

Лицо Филиппа Ломбарда изменило выражение – он словно протрезвел.

– Знаю, что говорил... – тихо сказал он. – Ошибался. Вот и еще один из нас оправдан – по смертно!

Глава 14

I

Уоргрейва перенесли в спальню и положили на постель.

Потом все спустились в холл, где встали, глядя друг на друга.

– Что будем делать? – мрачно спросил Блор.

– Поедим, – быстро ответил Ломбард. – Есть все равно надо.

И они снова пошли в кухню. Снова открыли банку языка. Ели машинально, почти не чувствуя вкуса.

– В жизни не прикоснусь больше к языку, – сказала Вера.

Трапеза была окончена. Четверо сидели за кухонным столом, глядя друг на друга.

Блор сказал:

– Теперь нас четверо... Кто следующий?

Армстронг сидел, глядя прямо перед собой.

– Надо соблюдать осторожность... – машинально начал он, но тут же осекся.

Блор кивнул.

– Именно так он и говорил... а теперь сам умер!

– Как это случилось, интересно? – проговорил Армстронг.

Ломбард ругнулся и сказал:

– Ловко же нас провели! Эту гадость специально подбросили в комнату мисс Клейторн, и все пошло, как по писаному. Мы все бросились, как дураки, наверх, думая, что ее убивают. И вот... в этой суматохе... кто-то застал беднягу врасплох.

– Почему никто не слышал выстрела? – спросил Блор.

Ломбард покачал головой:

– Мисс Клейторн кричала, ветер выл, мы топали, переговаривались... Могли и не услышать... – Он помолчал. – Но больше эта штука у него не пройдет. Придется ему выдумать что-нибудь другое.

– За этим дело не станет, – ответил Блор.

В его голосе прозвучала неприятная нотка. Взгляды двоих мужчин встретились.

– Нас четверо, и мы не знаем, кто... – сказал Армстронг.

– Я знаю, – перебил его Блор.

– И я не сомневаюсь... – поддержала его Вера.

– Думаю, что я тоже знаю... – медленно произнес Армстронг.

– По-моему, у меня тоже есть идея... – отозвался Ломбард.

И все снова переглянулись.

Вера, шатаясь, встала.

– Я ужасно себя чувствую, – сказала она. – Устала страшно.

– Неудивительно, – кивнул Ломбард. – Чего хорошего – сидеть и вот так смотреть друг на друга...

– Не возражаю, – согласился Блор.

– Это лучший выход... хотя вряд ли кто из нас сможет уснуть, – прошептал доктор.

Все пошли к двери. Блор проговорил:

– Интересно, где же сейчас револьвер?

II

Они поднялись наверх.

Разыгравшаяся там сцена слегка напоминала фарс.

Все четверо дошли каждый до своей двери и замерли, положив ладонь на ручку. Затем, точно по сигналу, все вошли в комнаты и одновременно захлопнули за собой двери. Во всех замках повернулись ключи, все задвижки защелкали, загремела пододвигаемая к дверям мебель.

Четверо перепуганных людей забаррикадировались в ожидании утра.

III

Филипп Ломбард, подперев дверь креслом, вздохнул и с облегчением повернулся к ней спиною.

Подошел к столику с зеркалом.

Внимательно посмотрел на себя в дрожащем свете свечи.

И тихо сказал:

– Да, нелегко тебе далось это дело.

И неожиданно хищно улыбнулся.

Потом быстро разделся.

Лег в кровать, положив часы на столик у изголовья. Затем открыл ящик.

И застыл, глядя на лежащий в нем револьвер...

IV

Вера Клейторн лежала в постели.

Свеча у ее изголовья еще горела.

Она никак не могла собраться с духом и погасить ее.

Она боялась темноты...

Снова и снова девушка твердила себе:

«До утра с тобою ничего не случится. Прошлой ночью ничего ведь не случилось. Вот и сегодня ничего не случится... Ничего не может случиться. Ты заперла дверь, задвинула цепочку. Никто к тебе близко не подойдет...»

Вдруг она подумала:

«Ну, конечно! Я же могу остаться здесь! Сидеть здесь и никому не открывать! Есть совсем не обязательно! Буду сидеть здесь – в безопасности – пока не придет помощь! Хоть день... хоть два...»

Сидеть здесь... Легко сказать, но как это выдержать? Час за часом – не с кем поговорить, нечем заняться, только думать...

Она ведь начнет вспоминать Корнуолл... Хьюго... то, что она тогда сказала Сирилу...

Гадкий маленький нытик, вечно он приставал к ней со всяким вздором...

«Мисс Клейторн, почему мне нельзя доплыть до скал? Я смогу. Я сумею».

Неужели это она тогда ему ответила?

«Конечно, Сирил, сумеешь. Я тоже это знаю».

«Тогда можно, я попробую, мисс Клейторн?»

«Понимаешь, Сирил, твоя мама так волнуется за тебя... Вот что я тебе скажу. Ты поплывешь к тем скалам завтра. Я заговорю с твоей мамой на пляже и отвлеку ее. А потом, когда она увидит, ты уже будешь стоять на скалах и махать ей рукой! Вот это будет сюрприз...»

«Ой, как хорошо вы придумали, мисс Клейторн! Вот это будет здорово!»

Итак, она произнесла это вслух. Завтра! Хьюго как раз уедет в Ньюки. А когда он вернется – все уже будет кончено...

А если нет? Что, если все пойдет не так? Сирила могут спасти. И тогда... тогда он скажет: «Мисс Клейторн мне позволила». Ну и что же? Придется рискнуть! Если случится самое худшее, она выкрутится. «Как

ты можешь так обманывать, маленький негодник? Да разве я могла разрешить тебе такое?» Ей поверили бы. Сирил часто врал. Он не был правдивым ребенком. Сирил, конечно, будет знать. Но это не важно... да и вообще, что тут может пойти не так? Она притворится, что плывет за ним. Но приплывет слишком поздно... Никто и не заподозрит...

«Неужели Хьюго подозревал? Неужели он поэтому так странно глядел на нее, как будто издали? Неужели он понял?»

Неужели он поэтому уехал сразу после дознания?

И не ответил ни на одно ее письмо к нему...

Хьюго...

Вера беспокойно ворочалась в постели. Нет, нет, нельзя думать о Хьюго. Слишком больно! Все прошло, все давно прошло и забыто... Вот и Хьюго тоже надо забыть.

Почему же тогда сегодня вечером ей показалось, будто он с нею, в комнате?

Мисс Клейторн лежала и смотрела в потолок, на большой черный крюк как раз посередине.

Раньше она его не замечала.

Водоросли висели на нем.

Ее передернуло, когда она вспомнила то холодное липкое прикосновение к своей шее.

Этот крюк в потолке ей не нравился. Слишком он притягивал глаз, завораживал... большой, черный...

V

Бывший инспектор Блор сидел на кровати боком.

На его неподвижном крупном лице жили только глазки, маленькие и красные. Он был как дикий кабан, ожидающий нападения.

Никакого желания спать у него не было.

Опасность была близка, как никогда. Шесть из десяти!

Даже судья, такой проницательный, осмотрительный и прозорливый, попался...

Блор с яростным удовлетворением фыркнул.

Как там говорил этот старый болван? «Надо соблюдать осторожность...»

Самодовольный, ограниченный старый черт. Сидел всю жизнь в суде, воображая, что он сам Господь Всемогуший... За то и получил свое. Теперь-то ему осторожность не поможет.

Теперь их четверо. Девушка, Ломбард, Армстронг и он сам.

Очень скоро не станет еще кого-нибудь. Но только не Уильяма Генри Блора. Уж он об этом позаботится.

(Но револьвер... Как же быть с револьвером? Вот он, фактор риска – револьвер!)

Блор сидел на кровати, щуря маленькие глазки и морща низкий жирный лоб, и обдумывал проблему револьвера...

В тишине внизу пробили часы.

Полночь.

Он слегка расслабился – настолько, что даже лег на постель. Но раздеваться не стал.

Лежа, он продолжал думать. Вспоминал все, что произошло в последние дни, с первого вечера и до настоящего момента, последовательно, методично, как делал, когда работал в полиции. Дотошность – вот что всегда приносит плоды в конечном итоге.

Свеча догорала. Убедившись, что спички лежат рядом, Блор задул пламя.

Странно, но темнота его почему-то встревожила. словно тысячи накопившихся в нем за жизнь страхов вдруг пробудились и начали бороться за главенство над его мыслями. Перед его внутренним взором мелькали лица – судья в шутовском сером парике... мертвое равнодушное лицо миссис Роджерс... искаженное фиолетовое лицо

Энтони Марстона...

И еще одно – бледное, в очочках, с щетиной соломенных усов под носом.

Это лицо он тоже когда-то видел – но вот когда? Не на острове. Нет, раньше, гораздо раньше...

Странно, что он не помнит, кто это... Лицо такое глупое – не лицо, а ряшка, сказать по правде.

Ну, конечно!

Он вдруг вспомнил.

Ландор!

Странно, что он мог забыть, как тот выглядит. Только вчера он пытался вызвать его лицо в памяти и не смог.

А теперь вот оно, пожалуйста, во всех подробностях, как будто только вчера виделись...

У Ландора была жена – маленькая хрупкая женщина с озабоченным лицом. Ребенок тоже был – девочка, лет четырнадцати. В первый раз в жизни Блор задумался о том, что с ними стало.

(Револьвер. Куда девался револьвер? Это ведь очень важно.)

Чем больше он думал о нем, тем меньше понимал. Нет, не давалась ему эта задачка с револьвером.

Револьвер взял кто-то в доме...

Часы внизу пробили час.

Мысли Блора внезапно прервались. Он сел на кровати, стряхнув с себя всякую дремоту. Шорох – очень тихий – кто-то скребся за дверью его спальни.

Кто-то ходил по темному дому.

Испарина выступила у него на лбу. Кто же это крадется темными ночными коридорами? Тот, кто затеял дурное, уж будьте уверены!

Совершенно бесшумно, несмотря на свое могучее сложение, Блор соскользнул с кровати и в два прыжка оказался у двери, где встал, прислушиваясь.

Но шум не повторился. Тем не менее Блор был убежден, что не ошибся. Он слышал за дверью шаги. Внезапно волосы у него на голове поднялись дыбом. Ему опять стало страшно...

Кто-то тихо крался в ночи.

Он слушал – но звук не повторялся.

Вдруг его посетило новое искушение. Ему неодолимо захотелось открыть дверь и выйти в коридор. Посмотреть, кто это шастает там, в темноте.

Но открывать сейчас свою дверь было бы глупо. Вполне возможно, что тот, другой, только того и ждет. Может, он специально прошел именно под дверь комнаты Блора, чтобы выманить того посмотреть...

Бывший инспектор стоял недвижно и слушал. Теперь звуки доносились отовсюду – шорохи, поскрипывания, обрывки ведущихся шепотом разговоров – но его трезвый, упорный ум не давал ему забыть, что все это лишь создания его воспламененного воображения.

И вдруг он услышал совсем другое, то, что явно не могло быть игрой воображения. Шаги, очень легкие, очень осторожные, но явственно различимые внимательным ухом, таким, как у Блора.

Кто-то шел по коридору (комнаты Ломбарда и Армстронга были дальше от лестницы). Шаги уверенно миновали его дверь и проследовали дальше.

Услышав это, Блор принял решение.

Он все-таки посмотрит, кто там! Идущий явно направлялся к лестнице. Куда же это он собрался?

Когда Блор принимал решение действовать, то двигался стремительно, что было удивительно в человеке такого корпулентного сложения. Пройдя на цыпочках к кровати, он сунул в карман спички, выдернул из розетки шнур прикроватного светильника и обмотал его вокруг ножки. Светильник был хромированный, с тяжелым литым эбонитовым основанием – самое то в драке.

Так же бесшумно он пронесся через комнату, отодвинул стул, блокировавший ручку двери, снял со всеми предосторожностями цепочку и тихо повернул ключ. Вышел в коридор. Снизу, из холла, доносились едва слышные шаги. Блор в носках бесшумно побежал к лестнице.

И тут он понял, почему столь тихие звуки внезапно оказались так хорошо слышны. Ветер улегся, и небо полностью очистилось. Сквозь окно на лестничной площадке в дом лился лунный свет, серебря все внизу.

Блор успел заметить силуэт человека, который выходил из двери наружу.

Сбегая в погоню за ним по лестнице, Блор вдруг замер.

Опять он чуть не свалил дурака! Ведь это наверняка ловушка, западня ждет его за стенами дома!

Но и тот, другой, также не учел кое-чего – Блор его видел, и теперь он попался.

Ведь из четырех обитаемых комнат второго этажа одна опустела. И

все, что им надо теперь сделать, это проверить, какая именно!

Блор спешно вернулся в коридор, остановился перед дверью Армстронга и постучал. Ответа не было.

Подождав с минуту, он перешел к двери Филиппа Ломбарда. Здесь на его стук ответили сразу.

– Кто там?

– Это я, Блор. По-моему, Армстронга нет в комнате. Погодите...

Он дошел до последней двери и снова постучал.

– Мисс Клейторн... Мисс Клейторн...

Ему ответил перепуганный голос Веры:

– Кто там? В чем дело?

– Все в порядке, мисс Клейторн. Подождите... Я сейчас вернусь.

И он рысью побежал к двери Ломбарда. При его приближении дверь отворилась. На пороге стоял Филипп. В левой руке он держал свечу. Поверх пижамы на нем были брюки. Правую руку он опустил в пижамный карман.

– Что за шум вы тут подняли? – отрывисто спросил Ломбард.

Блор быстро все объяснил. Глаза у его собеседника вспыхнули.

– Армстронг, значит? Попался, голубок! – Он подошел к двери доктора. – Простите, Блор, но на слово не верю.

И он резко постучал в дверь.

– Армстронг! Армстронг!

Ответа не было.

Ломбард опустил на колени и заглянул в замочную скважину. Потом ловко просунул в нее мизинец и сказал:

– Ключа внутри нет.

– Значит, он запер дверь снаружи, а ключ унес с собой, – заключил Блор.

Филипп кивнул.

– Обычная предосторожность. Мы его поймем, Блор... На этот раз мы наверняка его поймем! Одну секунду...

Он бросился к двери комнаты Веры.

– Вера!

– Да.

– Мы ловим Армстронга. Он вышел из своей комнаты. Делайте что хотите, только не открывайте дверь. Понятно?

– Да, я поняла.

– Если придет Армстронг и будет говорить, что меня или Блора убили, не обращайтесь внимания. Ясно? Откроете, только когда мы с

Блором заговорим с вами вместе. Поняли?

– Да, – ответила Вера. – Я же не дура.

– Вот и хорошо, – кивнул Ломбард и, вернувшись к Блору, бросил: – А теперь – за ним! Пора на охоту!

– Надо соблюдать осторожность, – напомнил тот. – У него револьвер.

Филипп только хмыкнул, сбегая вниз по лестнице.

– Тут вы ошибаетесь. – Он распахнул входную дверь. – Язычок замка зафиксирован – чтобы он мог войти, когда вернется. – И продолжил: – Револьвер снова у меня! – И он выдвинул краешек оружия из кармана. – Нашел его в том же ящике, сегодня ночью.

Бывший инспектор встал на пороге, как вкопанный, переменившись в лице. Филипп Ломбард заметил это.

– Не валяйте дурака, Блор! Стрелять в вас я не собираюсь. Если хотите, можете вернуться к себе и забаррикадироваться. А я иду за Армстронгом.

И он двинулся вперед по залитым лунным светом скалам. Блор, подумав, пошел за ним. На ходу он думал: «Наверное, я сам напрашиваюсь. С другой стороны...»

С другой стороны, задерживать преступников, вооруженных револьверами, ему доводилось и раньше. Блора можно было обвинить в чем угодно, но только не в отсутствии храбрости. Стоило ему увидеть опасность, и он, не колеблясь, шел прямо на нее. Он никогда не боялся ничего явного и открытого; только тайное и подернутое дымкой сверхъестественного внушало ему страх.

VI

Вера, оставшись ждать результатов погони, решила одеться.

Раз или другой она бросала взгляды на дверь. Дверь была крепкая, тяжелая; запиралась она на ключ и на цепочку, да еще ручку заклинивал дубовый стул. Взломать такую дверь не представлялось возможным. И уж конечно, это никогда не удалось бы доктору Армстронгу. Физически он был довольно хилым.

Будь она на его месте, то есть на месте убийцы, то полагалась бы на хитрость, а не на силу.

И Вера стала развлекать себя размышлениями о средствах, к которым он мог прибегнуть.

Например, доктор, как и предположил Филипп, мог заявить, что один из двух мужчин умер. Или даже объявить себя раненым и притащиться под ее дверь, стеная от боли и изнеможения.

Были и другие возможности. Например, он мог сказать, что дом горит. И даже поджечь его для пущей убедительности... Да, не исключено. Выманил из дома мужчин, сам прокрался назад, оставил за собой дорожку бензина и поджег. А она, как идиотка, будет сидеть, забаррикадировавшись в своей комнате, пока не станет слишком поздно...

Мисс Клейторн подошла к окну. Что ж, неплохо. На худой конец можно и так выбраться. Правда, придется прыгать – но под окном клумба, что очень кстати.

Она села за стол, взяла дневник и начала писать в нем своим стремительным почерком. Надо же чем-то заняться...

Вдруг она застыла. Ей послышался звон. Как будто разбили стекло. Где-то внизу.

Вера прислушалась, но звон не повторился.

Потом она слышала – или ей показалось, что слышала – другие звуки: кто-то крался по коридору, скрипели ступеньки на лестнице, шелестела одежда; но, как и ранее Блор, девушка не придавала им значения, решив, что это всего лишь игра ее воображения.

Однако вскоре звуки стали более определенными. Внизу ходили люди – она слышала голоса. Потом кто-то поднялся по лестнице, – где-то открывались и закрывались двери, – кто-то проследовал дальше, на чердак. Оттуда донеслись еще звуки.

Наконец в коридоре снова слышались шаги, и голос Ломбарда произнес:

– Вера, с вами всё в порядке?

– Да. Что случилось?

Голос Блора спросил:

– Вы нам откроете?

Вера подошла к двери, убрала стул, отперла замок, сняла цепочку и открыла. Двое мужчин тяжело дышали, с их брюк и ботинок на пол натекали лужи.

– В чем дело? – снова спросила она.

Ответил Ломбард:

– Армстронг исчез...

VII

– Что? – вскрикнула Вера.

– Он исчез с острова, – повторил Ломбард.

– Вот именно, что исчез! – вмешался Блор. – Как по волшебству...

– Чепуха! – нетерпеливо перебила его Вера. – Он просто где-нибудь прячется!

– Нет, не прячется! – возразил бывший инспектор. – Негде ему прятаться на этом острове, голом, как ладонь. Луна светит; видно, как днем... А его нигде нет.

– Вернулся в дом, значит, – предположила мисс Клейторн.

– Мы тоже так думали, – кивнул Блор. – И обыскали дом. Вы нас, наверное, слышали... Говорю вам, его здесь нет. Исчез – смылся, испарился...

– Не может быть, – недоверчиво отозвалась Вера.

– Но это так, моя дорогая, – сказал Ломбард.

Помолчав, он добавил:

– И еще кое-что. Окно в столовой разбито – и на столе всего трое негрятят.

Глава 15

I

Трое сидели в кухне за завтраком.

Снаружи светило солнце. День был прекрасный. Шторма как не бывало.

С переменой погоды в настроении пленников острова тоже настала перемена. Теперь они чувствовали себя так, точно едва проснулись от кошмара. Да, им по-прежнему грозила опасность, но опасность при свете дня – не то же самое, что ночью. Атмосфера парализующего страха, которая удушливым покрывалом окутывала их в темноте, под стенания ветра, исчезла.

– Попробуем сегодня гелиограф, – сказал Ломбард. – Возьмем зеркало и заберемся на самую высокую точку острова. Надеюсь, какой-нибудь сообразительный паренек, гуляя по пляжу, распознает знак SOS. А вечером попробуем костер. Правда, дров у нас маловато; к тому же на берегу могут решить, что это у нас пирушка, танцы с развлечениями...

– Наверняка там есть кто-нибудь, знающий азбуку Морзе, – подхватила Вера. – И тогда нас снимут с этого острова задолго до наступления вечера.

– Погода стала лучше, но море до конца не улеглось, – сообщил Ломбард. – Волна очень высокая. Раньше завтрашнего утра лодка к берегу не пристанет.

– Еще одна ночь здесь! – вскрикнула мисс Клейторн.

Филипп пожал плечами:

– Правде надо смотреть в глаза. Через двадцать четыре часа море, думаю, успокоится. Если мы столько протянем, значит, выживем.

Блор кашлянул.

– Надо бы нам объясниться... Что стряслось с Армстронгом?

– Об этом можно судить лишь по косвенным признакам, – сказал Ломбард. – На обеденном столе остались три негритенка. Так что, похоже, наш доктор отдал концы.

– Тогда почему вы не нашли его тело? – спросила Вера.

– Вот именно, – поддакнул Блор.

Ломбард покачал головой.

– Да, это чертовски странно, приходится признать.

– Может быть, его сбросили в море? – с сомнением предположил Блор.

– Кто сбросил? – резко возразил Ломбард. – Вы? Или я? Вы видели, как он выходил в дверь. После этого пришли ко мне, в мою комнату, и мы вместе пошли его искать. Когда я, по-вашему, мог убить его и сбросить труп в море?

– Не знаю, – проговорил Блор. – Зато я знаю другое.

– Что именно? – спросил Ломбард.

– Револьвер. Ваш револьвер. Он опять у вас. И нет никаких доказательств того, что вы с ним вообще расставались.

– Бросьте, Блор, нас же всех обыскивали.

– Да, перед обыском вы его и спрятали. А потом снова нашли.

– Тупица вы мой любезный, клянусь вам чем хотите – мне его подбросили. Никогда в жизни я так не удивлялся, как в тот момент, когда нашел его в ящике стола.

– Вы хотите, чтобы мы поверили в невозможное, – прищурился Блор. – С чего бы Армстронгу или кому другому возвращать вам пистолет?

Ломбард безнадежно пожал плечами:

– Ни малейшего представления. Сумасшедший, что с него взять. Я и сам не ожидал ничего подобного. Совершенно бессмысленное происшествие.

С последним Блор согласился:

– Вот именно. Могли бы выдумать историю получше.

– Разве ее бессмысленность – не лучшее доказательство правдивости?

– Я так не думаю.

– Неудивительно, – сказал Филипп.

– Послушайте, мистер Ломбард, если вы действительно честный человек, за которого себя выдаете...

– Когда это я выдавал себя за честного человека? – буркнул тот. – Ничего подобного!

Блор неслышаемо продолжал:

– Если вы сейчас говорите правду, тогда у нас только один выход. Теперь, когда револьвер снова у вас, мы с мисс Клейторн полностью в вашей власти. Поэтому будет только честно, если вы положите револьвер вместе с другими запертыми вещами, и мы с вами будем по-прежнему держать у себя каждый по ключу.

Филипп Ломбард закурил сигарету. Выдыхая дым, он произнес:

– Не будьте ослом.

– То есть вы не согласны?

– Нет, не согласен. Револьвер мой. Он нужен мне для защиты – и я оставляю его при себе.

– В таком случае, – сказал Блор, – мы вынуждены будем прийти к определенному выводу.

– Что А.Н. Оуэн – это я? Думайте, что хотите, черт вас возьми. Ответьте только на один вопрос: если вы правы, то почему я не уложил вас из этого револьвера прошлой ночью? Шансов у меня было достаточно.

Блор покачал головой:

– Не знаю – но факт есть факт. Значит, у вас была на то причина.

До сих пор Вера не принимала участия в дискуссии. Но тут она пошевелилась и сказала:

– Мне кажется, вы сейчас оба ведете себя, как идиоты.

Ломбард поглядел на нее.

– Что?

– Вы забыли про стишок, – сказала мисс Клейторн. – Разве вы не понимаете, что ключ в нем?

И она зловещим голо сом процитировала:

– Четыре негритенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок – и их осталось трое.

– Попался на крючок – вот в чем ключ, – продолжала она. – Армстронг не умер... Он сам взял со стола фигурку, чтобы все решили, что он мертв. Говорите, что хотите, но я уверена: доктор где-то на острове. Его исчезновение – крючок, брошенный нам, чтобы мы его заглотили, чтобы сбились со следа...

Ломбард снова сел.

– Знаете, а ведь вы, может быть, и правы.

– Да, но если она права, то где он? – спросил Блор. – Мы все обыскали – и внутри, и снаружи.

Вера презрительно бросила:

– Мы и револьвер искали – и тоже не нашли. А ведь он где-то был все это время!

– Вы не учитываете разницу в размерах, милочка, – буркнул Ломбард. – Револьвер и человек – не одно и то же.

– Ну и что, – уперлась мисс Клейторн, – все равно я права.

– А ведь он себя выдал, – зачем-то написал в стишке про крючок, –

буркнул Блор. – Мог бы придумать что-нибудь другое.

– Но он же сумасшедший, как вы не понимаете! – воскликнула Вера. – Сумасшедший! Совершать убийства в соответствии с логикой детского стишка – это что, не безумие? Нарядить в мантию судью, убить Роджерса, когда тот колол дрова, опоить миссис Роджерс так, чтобы она заснула и не проснулась, запустить шмеля к мертвой мисс Брент – это не безумие? Как будто какой-то злой, испорченный ребенок играет с нами в игру. Где все должно идти по его правилам...

– Да, вы правы, – сказал Блор и задумался. – Хорошо хоть, зверинца на острове нет. Тут ему придется немного помучиться.

– Вы что, не понимаете? – опять воскликнула Вера. – Зверинец – это мы! Прошлой ночью в нас не осталось почти ничего человеческого. Зверинец на этом острове – мы сами...

II

Они провели утро на скалах, по очереди светя зеркалом в сторону берега.

Никаких признаков того, что их заметили, не было. Никто не подавал ответных сигналов. День был ясный, с прозрачной дымкой на горизонте. Внизу крупными волнами колыхалось море. Лодки не было.

Они еще раз обыскали весь остров, но безуспешно. Нигде не было и следа пропавшего доктора.

Вера посмотрела на дом оттуда, где они стояли, и сказала, дыша немного нервно:

– Здесь, снаружи, чувствуешь себя почти в безопасности... Давайте больше не будем возвращаться в дом.

– Мысль недурная, – отозвался Ломбард. – Мы здесь как на ладони, никто не подберется к нам незамеченным...

– Остаемся здесь, – подытожила Вера.

– Ночевать-то где? – возразил Блор. – Ночью все равно придется вернуться.

Вера вздрогнула.

– Я не вынесу... Еще одну ночь там я просто не переживу!

– Вы и там будете в безопасности – запрете дверь, – произнес Филипп.

– Наверное, – прошептала мисс Клейторн и, протянув вперед руки, добавила: – Как это приятно – снова чувствовать солнце...

И подумала:

«Как странно... я почти счастлива. Хотя знаю, что мне грозит опасность... Почему-то теперь – при свете – все кажется таким незначительным... Я полна сил – я чувствую, что не могу умереть...»

Блор посмотрел на часы.

– Уже два. Как насчет ланча?

– Я не пойду больше в дом, – упрямо сказала Вера. – Останусь здесь – на солнце...

– Глупости, мисс Клейторн. Надо поддерживать силы.

– Все равно меня стошнит от одного вида консервированного языка! Я не хочу есть. Люди дни напролет живут без еды, когда садятся на диету.

– Вы как хотите, а мне надо есть, – заявил Блор. – А вам, мистер

Ломбард?

– Знаете, консервированный язык меня тоже что-то больше не греет, – ответил Филипп. – Я останусь здесь, с мисс Клейторн.

Блор помешкал.

– Со мною ничего не случится, – сказала Вера. – По крайней мере, он не застрелит меня сразу, как только вы повернетесь ко мне спиной, это уж наверняка.

– Может, и так, – согласился Блор. – Но мы договаривались не разделяться.

– Это же вам приспичило лезть в логово льва... – напомнил Ломбард. – Что ж, пойду с вами, если хотите.

– Нет, не надо, – сказал Блор. – Оставайтесь здесь.

Филипп засмеялся.

– Значит, вы меня боитесь? Напрасно. Я ведь могу застрелить вас и здесь, хоть сейчас, если пожелаю.

– Можете, но это будет не по плану. Умирают все поодиночке, и каждый особым способом.

– Что ж, – сказал Ломбард, – вам, похоже, лучше знать.

– Конечно, – сознался бывший инспектор, – мне немного страшно входить в дом одному...

– И поэтому вы хотите попросить меня одолжить вам револьвер? – тихо произнес Филипп. – Ответ: нет, ни за что! Я не такой дурак, спасибо.

Блор пожал медвежьими плечами и полез по крутому склону наверх, к дому.

– Время кормления, – проговорил Ломбард. – Обитатели зверинца очень регулярны в своих привычках!

– Разве он не рискует, идя туда? – с тревогой заметила Вера.

– В том смысле, который имеете в виду вы, – нет, не думаю. Армстронг не вооружен, вы же знаете, а Блор вдвое мощнее его физически, к тому же он настороже. И вообще я уверен, что доктора просто не может быть в доме. Я знаю, что его там нет.

– Но... кто же там тогда?

– Там Блор, – тихо ответил Ломбард.

– О... так вы думаете?..

– Послушайте, девочка. Версию Блора вы слышали. И должны признать, что я не мог иметь никакого отношения к исчезновению Армстронга. Его рассказ меня обеляет. Зато он очерняет его самого. Нам ведь приходится верить ему на слово, когда он говорит, что видел

человека, который спускался по лестнице и выходил из дома. Может быть, он лжет. Может быть, он разделался с Армстронгом еще до этого...

– Как?

Филипп пожал плечами:

– Этого я не знаю. Но, на мой взгляд, нам следует опасаться лишь одного человека. И этот человек – Блор! Что нам о нем известно? Да почти ничего! Вся его карьера полицейского может быть сплошной фикцией. Он может оказаться кем угодно – безумным миллионером – спятившим бизнесменом – беглым обитателем Бродмура^[14]... Ясно одно: он мог совершить любое из этих убийств.

Побледнев, Вера сказала:

– А что, если он убьет и нас?

Ломбард ответил тихо, поглаживая револьвер в брючном кармане:

– Я позабочусь о том, чтобы этого не случилось.

И с любопытством взглянул на нее.

– Вы так трогательно доверяете мне, Вера. Вы совершенно уверены, что я не застрелю вас?

– Надо же кому-то доверять... – сказала она. – К тому же я думаю, что вы ошибаетесь насчет Блора. Скорее, это Армстронг.

Внезапно она повернулась к нему:

– Разве вы не чувствуете – рядом с нами кто-то есть – постоянно... Следит за нами и выжидает...

– Это просто нервы, – медленно произнес Ломбард.

– Значит, вы тоже почувствовали? – живо спросила мисс Клейторн.

Она вздрогнула и придвинулась к нему поближе; помолчала, потом продолжила:

– Скажите... вам не кажется... Однажды я читала рассказ... о двух судьях, которые приехали в небольшой американский город – из Верховного Суда. Они утверждали там правосудие – абсолютное правосудие. Потому что они были не от мира сего...

Ломбард приподнял брови.

– Посланники небес, значит? Нет, я в сверхъестественное не верю. Это устроил человек.

– Мне иногда так не кажется... – тихо сказала Вера.

Ломбард внимательно посмотрел на нее.

– Это все совесть... – Помолчав немного, он добавил: – Значит, вы все же утопили мальчишку?

– Нет! Нет! – неистово закричала девушка. – У вас нет права так

говорить!

Филипп весело засмеялся.

– Утопили, моя дорогая, утопили! Зачем, не знаю... Представить не могу. Наверное, в деле был замешан мужчина. Так, да?

Внезапная апатия охватила Веру, свинцовой усталостью налились руки и ноги. Тусклым голосом она сказала:

– Да, был замешан мужчина...

– Спасибо, – тихо произнес Ломбард. – Мне важно было знать...

Вдруг Вера выпрямилась и воскликнула:

– Что это было? Землетрясение?

– Нет, нет, – сказал Ломбард. – Хотя странно – земля вздрогнула, как от удара... И мне показалось – кто-то кричал? Вы слышали?

Оба повернулись к дому.

– Звук шел оттуда, – указал Ломбард. – Лучше нам пойти посмотреть.

– Нет, нет, я не пойду!..

– Как хотите. Пойду один.

– Хорошо, – с отчаянием вымолвила Вера. – Я с вами.

Они двинулись вверх, к дому. Залитая солнцем терраса казалась мирной и безопасной. Постояв там с минуту, они не пошли в дом через главный вход, а решили обогнуть его сзади.

И нашли Блора. Он лежал на восточной террасе, разбросав руки и ноги, наподобие морской звезды, а его голову превратил в кашу огромный кусок белого мрамора.

Филипп посмотрел вверх:

– Чье это окно там, наверху?

Вера дрогнувшим голосом ответила:

– Мое... а это часы с моего камина... Я вспомнила. Они были... в виде медведя.

Она повторила последние слова, и ее голос задрожал еще сильнее:

– В виде медведя...

III

Филипп схватил ее за плечо и тревожным, угрюмым голосом произнес:

– Все понятно. Армстронг где-то в доме. Пойду его найду.

Но Вера вцепилась в него, крича:

– Не валяйте дурака! Нас всего двое! Мы следующие! Он хочет, чтобы мы пошли его искать! Он на это рассчитывает!

Филипп остановился и задумчиво произнес:

– В этом есть смысл.

Вера продолжала кричать:

– Хорошо хоть, теперь вам придется признать, что я была права!

Он кивнул.

– Да – вы выиграли! Это Армстронг. Но где он, черт побери, спрятался? Мы весь дом прочесали частым гребнем...

– Если вы ночью его не нашли, то и сейчас не найдете, – с тревогой сказала мисс Клейторн. – Это же ясно, как день.

Ломбард нехотя согласился:

– Да, но...

– Наверняка он приготовил себе укрытие заранее – знаете, вроде священнической норы, как в старых поместьях. Это на него похоже.

– Но здесь-то не старое поместье, тут нет таких штук.

– Ну и что? А он заказал себе такое...

Филипп Ломбард покачал головой.

– Мы вымеряли все стены – в то первое утро. Могу поклясться, что между ними нет ни одного неучтенного дюйма.

– Но должно быть... – начала Вера.

– Хотел бы я взглянуть... – начал Филипп.

– Да, вы бы хотели! – вскрикнула девушка. – И он это знает! Сидит там и дожидается вас!

– У меня есть это, вы же знаете, – ответил Ломбард, вытаскивая револьвер из кармана.

– Вы и про Блора тоже говорили, что он силен, не чета Армстронгу... Да, он был сильный и ждал нападения. Но вы все время забываете о том, что Армстронг сумасшедший! А у маньяка есть одно серьезное преимущество. Он вдвое хитрее и изворотливее любого нормального человека.

Ломбард снова засунул револьвер поглубже и скомандовал:
– Пошли.

IV

Наконец Ломбард спросил:

– Что мы будем делать, когда наступит ночь?

Вера не отвечала.

– Об этом вы не подумали? – настаивал он.

– А что мы можем поделать? – беспомощно сказала она. – Господи, как мне страшно...

Филипп задумчиво произнес:

– Погода прекрасная. Ночь будет лунная. Надо найти место – может быть, наверху, в скалах... Можно посидеть там, подождать рассвета. Главное – не засыпать... Надо дежурить всю ночь. И если кто-нибудь подойдет к нам близко, я буду стрелять!.. – Он помолчал. – Вы, наверное, замерзнете в этом тонком платъице?

Вера ответила ему хриплым смехом:

– Замерзну, говорите? Зато не умру!

– Да, вы правы... – согласился Ломбард.

Вера нервно ходила туда-сюда. Наконец она сказала:

– Я сойду с ума, если буду сидеть здесь дальше. Давайте пройдемся.

– Хорошо.

Они медленно гуляли туда-сюда по скалам над морем. Солнце близилось к закату. Мягкий золотой свет заливал все вокруг, окружая сиянием каждый предмет.

Вера сказала, нервно хихикнув:

– Жалко, что купаться нельзя...

Филипп смотрел вниз, в море. Вдруг он произнес:

– Что это там, внизу? Вон, видите, – у большой скалы? Нет, чуть-чуть правее.

Вера долго смотрела. Потом сказала:

– Похоже на одежду!

– Купальщик, да? – Ломбард засмеялся. – Странно... Да нет, думаю, это всего лишь водоросли.

– Пойдем, посмотрим, – предложила мисс Клейторн.

– Это одежда, – сказал Филипп, когда они спустились пониже. – Целый ворох. Вон ботинок... Вот здесь можно спуститься.

Они слезли по скалам вниз. Вдруг Вера встала как вкопанная.

– Это не одежда – это человек...

Тело застряло между двумя камнями, выброшенное, скорее всего, дневным приливом.

Ломбард и Вера одолели последние метры, подошли к телу вплотную и нагнулись над ним.

На них глядело синее, бескровное, ужасное лицо утопленника...

– Боже мой! – выдохнул Ломбард. – Армстронг...

Глава 16

I

Шли века... планеты срывались с орбит, галактики уносились вдаль... время остановилось... Оно застыло и пребывало в неподвижности тысячи веков...

Хотя нет, прошла всего одна минута...

Двое стояли бок о бок, глядя на третьего, распростершегося у их ног...

Медленно, очень медленно Вера Клейторн и Филипп Ломбард подняли головы и посмотрели друг другу в глаза...

II

Ломбард захохотал и произнес:

– Так, значит, это все время были вы, Вера?

– На острове никого, совсем никого – кроме нас двоих... – ответила она. Ее голос перешел на шепот и замер.

– Вот именно, – сказал Ломбард. – Так что теперь все ясно, верно?

– Как вы это проделали – тот трюк с мраморным медведем?

Он пожал плечами.

– Фокус, дорогая, причем замечательный...

Их глаза снова встретились.

Вера подумала:

«Почему я никогда раньше не замечала его лица? Волчье... он похож на волка... С этими жуткими зубами...»

Ломбард продолжал, оскалившись, – угрожающий, опасный:

– Это конец, вы же понимаете. Правда вышла наружу. Все кончено.

– Я понимаю... – тихо сказала Вера.

Она устремила взгляд на море. Генерал Макартур тоже смотрел на море... когда же это было... неужели только вчера? Или позавчера? Он тоже говорил: «Это конец».

Только он говорил спокойно – почти с радостью.

Но у Веры само упоминание конца, сама мысль о нем вызывали чувство протеста.

Нет, не может быть, чтобы все было кончено.

Она снова посмотрела на мертвеца. И произнесла:

– Бедный доктор Армстронг...

Ломбард фыркнул.

– Что это? Женское мягкосердечие?

– Почему бы и нет? – ответила Вера. – А вы совсем не знаете жалости?

– К вам у меня жалости нет, – сказал он. – Не надейтесь!

– Надо убрать его отсюда. Перенести в дом.

– В компанию к другим жертвам? Пусть все лежат рядышком?.. Что до меня, то мне безразлично, пусть остается здесь.

– Давайте хотя бы из моря его вытащим, чтобы волною не смыло, – предложила мисс Клейторн.

Ломбард захохотал.

– Ну, как скажете...

Он нагнулся, схватился за тело обеими руками, потянул. Вера помогала ему. Бок о бок с ним она тащила изо всей мочи.

– Какой тяжелый, – пропыхтел Ломбард.

Но они все же справились – выволокли тело на скалы, выше отметки прилива. Выпрямляясь, Ломбард спросил:

– Довольны?

– Вполне, – ответила Вера.

Ее тон заставил его насторожиться. Филипп резко обернулся. И, еще до того, как хлопнул рукою по брючному карману, понял, что найдет там пустоту.

Отойдя от него на пару метров, мисс Клейторн стояла к нему лицом и целилась в него из револьвера.

– Так вот она, истинная причина вашей женской заботливости! – произнес Ломбард. – Вам просто было необходимо залезть ко мне в карман.

Вера кивнула.

Револьвер в ее руках не дрожал.

Смерть смотрела Филиппу Ломбарду прямо в лицо. Еще никогда он не был к ней так близко.

Однако он еще не проиграл.

Властным голосом Ломбард потребовал:

– Дайте мне револьвер.

Вера засмеялась.

– Ну же, давайте, – повторил Ломбард.

Его мозг работал стремительно. Что предпринять... какой способ выбрать... заговорить ее... усыпить бдительность, а потом резким броском...

Всю жизнь Ломбард выбирал самые рискованные пути. Так он поступил и теперь.

Филипп заговорил медленно и веско:

– Послушайте, дорогая моя, только послушайте меня...

И он прыгнул. Быстрый, как пантера или другой зверь из породы кошачьих...

Вера машинально нажала спусковой крючок.

Ломбард застыл в прыжке, потом изогнулся и тяжело рухнул на землю.

Вера осторожно подошла к нему, не выпуская из рук револьвер.

Однако ее предосторожности были уже излишни.

Филипп Ломбард был мертв – пуля пробила ему сердце...

III

Вере вдруг стало так легко, точно с ее плеч упал огромный, тяжелый камень.

Наконец-то всё.

Не надо больше бояться – незачем напрягать нервы.

Она одна на острове.

Одна с девятью мертвыми телами.

Но какая разница? Она-то выжила...

Она сидела на берегу... совершенно счастливая... и абсолютно спокойная.

Наконец-то всё...

IV

Солнце уже садилось, когда Вера наконец пошевелилась. До тех пор ей мешал двигаться шок. Внутри ее не осталось места ни для чего, кроме восхитительного чувства безопасности.

Теперь она поняла, что хочет есть и спать. Особенно спать. Растянуться бы сейчас на постели – и спать, спать, спать...

Завтра, может быть, кто-то придет и спасет ее – но теперь ей и это было все равно. Можно остаться и здесь. Особенно теперь, когда она одна...

О, благословенный покой!..

Она встала и посмотрела на дом.

Нечего больше бояться! Никакие ужасы не ждут ее внутри! Обычный, комфортный, современный дом. Подумать только, что еще сегодня днем она не могла смотреть на него без содрогания...

Странная все-таки вещь – страх...

Но ничего, все кончилось. Она выиграла – восторжествовала над смертельной опасностью. Благодаря собственной находчивости и ловкости она сумела повернуть удачу в свою сторону.

Вера пошла наверх, к дому.

Солнце садилось, небо на западе было все в красных и оранжевых полосах. Мир и красота...

«Может, мне все это приснилось?» – подумала Вера.

Она устала – дьявольски устала. У нее болели руки и ноги, закрывались глаза. Ничего больше не бояться. И – спать, спать, спать... Выспаться, пока она одна на острове. Последний негритенок, оставшийся один.

Она улыбнулась своим мыслям и вошла в дом. Внутри стояла странная тишина.

«Вообще-то обычно люди предпочитают не спать в домах, где почти в каждой комнате по мертвому телу!» – подумала Вера.

Может, пойти в кухню, собрать что-нибудь поесть?

Она помешкала, но решила, что не стоит. Слишком она устала.

У двери в столовую Вера остановилась. Посреди стола на подносе по-прежнему стояли три фигурки.

Вера засмеялась и сказала:

– Отстали от времени, милые.

Затем схватила две и выбросила в окно. Услышала, как они разбились о каменный пол террасы.

Третью фигурку она взяла в руку.

– А ты пойдешь со мной. Мы выиграли! Выиграли!

В холле царили сумерки.

Вера с негритенком в руке стала подниматься по лестнице. Очень медленно, потому что ее ноги вдруг страшно отяжелели.

«Последний негритенок, вздыхая тяжело...» Как там в конце?.. Ах, да! «Пошел, женился – и не стало никого».

Женился... Удивительно, почему-то ей опять казалось, что Хьюго здесь, в доме...

Нет, ей не казалось. Она была уверена, что Хьюго наверху, ждет ее.

Вера сказала себе:

«Не будь душой. Это тебе от усталости мерещится».

Медленно, вверх по лестнице...

На площадке что-то выпало из ее руки, глухо стукнув по мягкому ковру. Она даже не заметила, как выронила револьвер. Теперь девушка не чувствовала ничего, кроме фарфоровой фигурки в ладони.

До чего же тихо было в доме. И все же он не казался пустым.

Хьюго наверху, ждет ее...

«Последний негритенок, вздыхая тяжело...» Как же там все-таки дальше? Что-то насчет женитьбы – или нет? Нет...

Вера уже дошла до двери своей спальни. Хьюго ждал ее внутри – она не сомневалась.

Она распахнула дверь...

И вскрикнула.

Что это – свисает с потолочного крюка? Веревка с готовой петлей? А под нею стул, на который нужно встать – встать и оттолкнуть ногами...

Так вот чего хотел Хьюго...

Ну, конечно, ведь так было в считалке.

«Пошел, повесился – и вот не стало никого...»

Фарфоровая фигурка выпала из ее руки. Покатилась, ударилась о решетку камина и разбилась.

Вера шагнула вперед, словно робот. Вот он, конец, – там, где холодная мокрая рука (рука Сирила, разумеется) коснулась ее горла...

«Ты можешь плыть к скале, Сирил...»

Ах, как легко было убивать – легко и просто!

Вот только вспоминать об этом пришлось всю жизнь...

Вера встала на стул, продолжая смотреть прямо перед собой, как сомнамбула... надела петлю себе на шею...

Хьюго был рядом, он следил, чтобы она сделала все, как надо.

Она оттолкнула стул...

Эпилог

Сэр Томас Легг, помощник комиссара Скотленд-Ярда, раздраженно сказал:

– Невероятная история, от начала до самого конца!

– Совершенно верно, сэр, – почтительно ответил инспектор Мейн.

Помощник комиссара продолжал:

– На острове десять мертвецов и ни одной живой души! Ничего не понимаю.

– Тем не менее это правда, сэр, – невозмутимо заметил инспектор Мейн.

– Черт побери, Мейн, – произнес сэр Томас Легг, – кто-то ведь должен был их убить.

– Совершенно верно, сэр.

– В медицинском отчете нет ничего полезного?

– Нет, сэр. Уоргрейва и Ломбарда застрелили – первого в голову, второго в сердце. Мисс Брент и Марстон умерли от отравления цианидом. Миссис Роджерс умерла от передозировки хлорала. Роджерсу раскололи голову. Блору на голову упал тяжелый предмет. Армстронг утонул. Макатуру нанесли сильный удар по затылку, а Вера Клейторн повесилась.

Помощник комиссара моргнул.

– Жуткое дело – от начала до конца.

Минуту-другую он думал, потом сердито заговорил снова:

– И вы хотите сказать, что даже в Стиклхэвне никто ничего не знает? Уж они-то должны знать!

Инспектор Мейн пожал плечами:

– Там живут обычные люди, моряки. Порядочные, работающие. Им известно, что остров купил какой-то человек по имени Оуэн, – и всё.

– Кто обеспечивал остров провизией и всем необходимым?

– Некто Моррис. Исаак Моррис.

– А что он говорит?

– Ничего, сэр. Он умер.

Помощник комиссара нахмурился.

– Что мы знаем об этом Моррисе?

– Он уже попадал в наше поле зрения, сэр. Сколький был тип, этот мистер Моррис. Три года назад его подозревали в афере с акциями

«Беннито» – но доказать ничего не удалось. Считается, что он также был замешан в торговле наркотиками. Но и тут никаких улик. Очень осторожный был тип.

– И за этой историей на острове тоже стоял он?

– Да, сэр, отчасти – он осуществлял покупку, хотя сразу дал понять, что действует в интересах третьего лица, чье имя называть отказался.

– Разве из финансовой стороны сделки ничего выудить нельзя?

Инспектор Мейн улыбнулся:

– О, вы не знаете Морриса, сэр! Этот умел вертеть цифрами так, что лучшие финансовые аналитики, рискни они сунуть нос в его дела, потеряли бы головы! Мы, когда пытались привлечь его по делу с «Беннито», с этим намучились... Нет, он замел следы своего нанимателя так, что лучше не придумаешь.

Помощник комиссара вздохнул. Мейн тем временем продолжал:

– Это Моррис обо всем договорился в Стиклхэвне. Представился агентом мистера Оуэна. Он же и объяснил местным, что на острове будет проходить какой-то эксперимент – выживание на необитаемом острове на пари в течение недели, – так что никто не должен обращать внимания ни на какие сигналы о помощи и так далее.

Сэр Томас Легг неуютно поерзал на своем месте.

– И вы хотите сказать, что никто из этих порядочных людей не почуял подвоха? Уже тогда?

Мейн пожал плечами:

– Вы забываете, сэр, что Негритянский остров принадлежал до этого молодому Элмеру Робсону, американцу. Каких только вечеринок он там не закатывал! Так что местные жители всякого насмотрелись. И привыкли к тому, что все, связанное с Негритянским островом, всегда отдает безумием. Вполне естественная человеческая реакция, сэр, если подумать.

Помощник комиссара угрюмо признал, что, пожалуй, инспектор прав.

– Фред Нарракотт, – продолжал Мейн, – тот, кто отвозил всю компанию на остров, – кое-что заметил, сэр, и, думаю, это может оказаться полезным. Он сказал, что его удивили эти люди. «Совсем не то, что на вечеринках мистера Робсона». Думаю, именно тот факт, что они показались ему совершенно обычными людьми, заставил его пренебречь приказом Морриса, взять лодку и отправиться на остров, как только он услышал про сигналы SOS.

– Когда он и другие моряки пришли туда?

– Сигналы заметили бойскауты утром одиннадцатого числа. Но в тот день добраться до острова не было никакой возможности. Рыбаки прибыли туда днем двенадцатого, как только волна улеглась. Они говорят, что до тех пор покинуть остров не мог никто. После шторма на море была высокая волна.

– А вплавь до берега никто не мог добраться?

– От острова по прямой больше мили, море волновалось, в берег били большие волны... Кроме того, на берегу были люди, бойскауты; все следили за островом, наблюдали.

Помощник комиссара снова вздохнул.

– А что насчет граммофонной пластинки, которую вы обнаружили в доме? Она ничем нам не поможет?

– Я узнавал. Ее изготовили на фирме, занимающейся театральными и киноэффектами. Затем ее направили мистеру А.Н. Оуэну, эсквайру, через Исаака Морриса, как атрибут для новой, ранее не ставившейся пьесы. Текст записи был возвращен владельцу вместе с пластинкой.

– А как насчет сути дела? – спросил Легг.

– Я как раз к ней и перехожу, сэр, – серьезно ответил инспектор Мейн. Он прокашлялся. – По каждому из записанных на ней обвинений я предпринял отдельное расследование.

Инспектор начал с Роджерсов, которые первыми приехали на остров. Они были в услужении у мисс Брейди, которая скоропостижно скончалась. Ее постоянный доктор не смог рассказать мне ничего конкретного. Говорит, что травить ее явно не травили, и все же кое-какие подозрения у него есть – она действительно могла умереть в результате недосмотра с их стороны. Но, по его словам, доказать это невозможно.

– Затем судья Уоргрейв. С ним все ясно. Он действительно осудил Ситона.

– Кстати, Ситон был виновен – вне всякого сомнения. Улики появились позднее, когда его уже повесили, и они полностью доказывали его вину. Но в свое время об этом шло немало толков – девять человек из десяти считали, что Ситон невиновен, а приговор – месть судьи.

– Девушка по фамилии Клейторн, как я выяснил, служила гувернанткой в одной семье, где утонул ребенок. Но, похоже, она к его смерти непричастна; больше того, она очень хорошо показала себя – сразу поплыла ему на выручку; но ее подхватило течением и понесло в море, так что ее саму едва успели вытащить.

– Продолжайте, – сказал помощник комиссара, еще раз вздохнув.

Мейн тоже перевел дыхание.

– Теперь о докторе Армстронге. Человек известный. Кабинет на Харли-стрит. По профессиональной части у него все чисто, никаких претензий. Никаких подпольных операций, ничего такого. Однако женщина по фамилии Клиз, которую он оперировал в двадцать пятом в госпитале в Литморе, куда был тогда приписан, действительно существовала. Перитонит, умерла прямо на операционном столе. Может быть, он с нею что-нибудь напортачил – в конце концов, у него не было тогда большого опыта; но неуклюжесть – не уголовное преступление. По крайней мере, мотива у него определенно не было.

Затем мисс Эмили Брент. Девушка – Беатрис Тейлор – была у нее в услужении. Она забеременела, хозяйка ее выгнала, та пошла и утопилась. Хорошего, конечно, мало, но тоже не уголовное преступление.

– То-то и оно, – сказал сэр Томас Легг. – Наш А.Н. Оуэн, похоже, специализировался по делам, на которые не распространяется компетенция уголовного права.

Мейн продолжил далее по списку:

– Молодой Марстон гонял сломя голову, – у него дважды отнимали права, и жаль, что не насовсем. Больше против него ничего нет. Джон и Люси Комбз с пластинки – это дети, которых он сбил насмерть под Кембриджем. Друзья дали тогда свидетельские показания в его пользу, и он отделался штрафом.

За генералом Макартуром тоже ничего особого не числится. Послужной список у него великолепный – война и все такое. Артур Ричмонд служил под его командованием во Франции, погиб в бою. Никаких недоразумений между ним и генералом не было. Точнее, они даже дружили. На той войне старшие офицеры вообще часто ошибались, понапрасну жертвовали людьми – наверное, это была как раз одна из таких ошибок.

– Не исключено, – сказал помощник комиссара.

– Теперь Филипп Ломбард. Был неоднократно замешан в крайне подозрительных историях за границей. Раза два чуть не угодил под суд. Имел репутацию смелого и не особенно щепетильного человека. Такой вполне мог убить кого-нибудь там, где никто не видит... И наконец Блор. – Мейн замешкался. – Ну, этот был из наших...

Помощник комиссара снова заерзал и сказал с нажимом:

– Блор был мерзавец!

– Вы так думаете, сэр?

– Я и раньше так думал. Просто он был ловок, и ему все сходило с

рук. По-моему, в деле Ландора он дал ложные показания. Мне еще тогда не понравилась эта история. Но никаких доказательств вины Блора не было. Я поручил это дело Харрису, но даже он ничего не нашел. Однако я уверен, что там было нечисто, и, знай мы наверняка, с какой стороны копать, что-нибудь да всплыло бы. Этот Блор был негодяй, каких мало...

После небольшой паузы сэр Томас Легг продолжил:

– Значит, Исаак Моррис умер? Когда?

– Я так и думал, сэр, что вы об этом спросите. Исаак Моррис умер восьмого августа, вечером. Принял большую дозу снотворного – что-то из барбитуратов, как я понял. Никаких признаков самоубийства.

– Знаете, что я думаю, Мейн? – медленно сказал Легг.

– Возможно, догадываюсь, сэр.

– Что смерть Морриса прилась очень уж кстати, – веско произнес помощник комиссара.

Инспектор Мейн кивнул.

– Так и я подумал, сэр.

Легг стукнул кулаком по столу и закричал:

– Но это же невозможно – фантастика какая-то! Десять человек убиты на голой скале посреди моря, а мы не знаем, ни кто это сделал, ни как, ни почему.

Мейн кашлянул.

– Не совсем так, сэр. «Почему» мы все-таки представляем – более или менее. Кто-то сошел с ума на почве правосудия и решил убивать тех, до кого не мог дотянуться закон. Выбрал наугад десятерых – виновных или нет, не важно...

Помощник комиссара отрывисто начал:

– Вот как? На мой взгляд...

И умолк. Инспектор Мейн вежливо ждал. Легг со вздохом покачал головой.

– Продолжайте, – сказал он. – Мне вдруг показалось, я что-то понял. Мысль была, но ушла... Продолжайте, что вы там говорили.

– Десять человек нужно было... ну, скажем, казнить. Они и были казнены. Руками А.Н. Оуэна. А он сам взял и испарился. Исчез с острова и следа не оставил.

– Первоклассный трюк с исчезновением, так? – сказал помощник комиссара. – Но знаете, Мейн, у каждого фокуса есть свое объяснение.

– Вы считаете, сэр, что если этого типа на острове не нашли, значит, он его и не покидал, а следовательно, никогда там и не появлялся...

Тогда остается только одно объяснение – он сам один из десятиерых.

Помощник комиссара кивнул.

– Мы подумали об этом, сэр, – честно сказал Мейн. – Мы все проанализировали. И теперь, если говорить начистоту, у нас есть кое-какие соображения о том, как все происходило на Негритянском острове. Вера Клейторн вела дневник, мисс Брент – тоже. Потом, старый Уоргрейв оставил кое-какие заметки – немногословные и довольно загадочные, но они нам помогли. Блор, и тот записывал. Так что все их отчеты сложились в довольно ясную картину. Смерти происходили в таком порядке: Марстон, миссис Роджерс, Макартур, Роджерс, мисс Брент, Уоргрейв. В дневнике Веры Клейторн сказано, что после смерти судьи Армстронг вышел из дома ночью, а Блор и Ломбард последовали за ним. В блокноте Блора тоже нашли по этому поводу запись. Всего два слова: «Армстронг исчез».

Учитывая все сказанное, может показаться, что решение у нас есть. Армстронг утонул, как вы помните. Допустим, что маньяк – он. Что мешало ему убить сначала всех остальных, а потом совершить самоубийство, бросившись со скалы в море? Или даже надеяться доплыть до берега?.. Решение отличное, только к нашему случаю оно не подходит. Совсем не подходит. Во-первых, показания полицейского хирурга. Он прибыл на остров тринадцатого рано утром. Хотя он мало что может нам сообщить, но, по его словам, все найденные на острове были мертвы не менее тридцати шести часов, а может быть, и дольше. А вот в случае с Армстронгом он высказался совершенно определенно. Тело провело в воде не меньше восьми-десяти часов, прежде чем его прибило к берегу. Это значит, что тело попало в воду в ночь с десятого на одиннадцатое – я объясню, почему именно так. Мы нашли место, где его прибило к берегу – тело застряло между двумя камнями на линии прибоя, там остались клочья одежды, волос и так далее. Потом шторм стих, и вода отступила – это видно по следам на камнях.

Однако все это нисколько не мешало ему сначала убить тех троих и только потом самому прыгнуть в воду. Но тут есть одно непреодолимое обстоятельство. Армстронга из воды вытащили. Мы нашли тело там, куда никакая, даже самая высокая волна не достанет. К тому же оно лежало на земле совершенно прямо, с вытянутыми руками и ногами. Так что ясно одно: на острове был кто-то живой уже после смерти Армстронга.

Помолчав, Мейн продолжил:

– Итого, с чем мы остаемся? Вот каково положение вещей утром

одиннадцатого августа. Армстронг «исчез» (утонул). Значит, есть еще трое: Ломбард, Блор и Вера Клейторн. Ломбарда застрелили. Его тело нашли у моря, рядом с Армстронгом. Веру Клейторн нашли у себя в комнате, повешенной. Тело Блора лежало на террасе; голову ему разможил большой кусок мрамора, который, логично предположить, упал на него из окна, сверху.

– Из чьего окна? – отрывисто спросил помощник комиссара.

– Веры Клейторн. А теперь, сэр, давайте рассмотрим каждый из трех случаев в отдельности. Сначала Филипп Ломбард. Предположим, что это он спихнул тот кусок мрамора на Блора, а потом подпоил и повесил Веру. После чего пошел к морю и застрелился.

– Но если так, то кто тогда забрал у него револьвер? Его-то нашли в доме, на верхней площадке лестницы, у комнаты судьи.

– На нем были чьи-нибудь отпечатки? – уточнил помощник комиссара.

– Да, сэр. Веры Клейторн.

– Но, господи боже мой, значит...

– Я знаю, что вы хотите сказать, сэр. Убийца – Вера Клейторн. Это она застрелила Ломбарда, принесла в дом револьвер, скинула мраморную глыбу на Блора – и потом повесилась... Мы и сами так думали – но недолго. В ее комнате нашли стул, на сиденье – следы от водорослей, такие же, как на туфлях Веры. Впечатление такое, как будто она встала на этот стул, накинула петлю на шею и оттолкнула стул. Однако вся беда в том, что стул нашли не на полу рядом с ней, где он должен был бы лежать в таком случае. Стул стоял у стены, в одном ряду с другими. Значит, кто-то поставил его туда уже после смерти Веры Клейторн...

Остается Блор – но если мне скажут, что это он застрелил Ломбарда, потом убедил Веру повеситься, а потом пошел и уронил себе на голову здоровенный кусок мрамора, привязав к нему, например, веревочку, то я, извините, не поверю. Люди обычно не совершают самоубийств подобным образом – да и вообще, Блор был не из тех, кто кончает с собой. Мы с вами знали его лично – вряд ли этого типа можно заподозрить в пристрастии к абстрактно понятой справедливости.

– Согласен, – сказал помощник комиссара.

– Более того, сэр, – добавил инспектор Мейн, – на острове просто должен был быть еще кто-то. Тот, кто прибрался, когда все кончилось. Но где он был, пока умирали люди, – и куда девался потом? Рыбаки из Стиклхэвна уверены, что никто не мог покинуть остров раньше, чем

туда пришла первая лодка. Но в таком случае... – Он умолк.

– В таком случае... – повторил за ним помощник комиссара.

Инспектор вздохнул, покачал головой, подался к нему и спросил:

– В таком случае, кто же их всех убил?

Рукопись, присланная в Скотленд-Ярд хозяином рыболовного судна «Эмма Джейн»

С ранней юности я осознавал противоречивость своего характера. Начать с того, что я неизлечимый романтик. В детстве, читая истории о приключениях, я неизменно очаровывался одним и тем же событием – в море бросают бутылку с важным посланием внутри. С годами его притягательность нисколько не стала для меня слабее, и потому я решил записать свое признание, вложить в бутылку, запечатать ее и вверить волнам. Я верю, что мое признание имеет сто шансов против одного быть найденным (или я себе льщу?), а значит, и тайна загадочного убийства будет раскрыта.

Однако от рождения мне присущи и иные черты, кроме романтического воображения. Мне доставляет садистское удовольствие видеть смерть или самому причинять ее. Помню свои эксперименты с осами – и другими садовыми вредителями... Жажда убийства знакома мне с самого раннего возраста.

Но бок о бок с ней во мне развивалась иная склонность – стремление к справедливости. Мне ненавистна мысль о мучительстве или убийстве невиновных. Право должно существовать – вот мое твердое убеждение с самых ранних лет.

Вполне понятно – по крайней мере, психолог наверняка бы это понял, – что с таким складом ума передо мной открывался лишь один путь – юриспруденция. Профессия служителя закона удовлетворяла почти всем моим требованиям.

Преступление и наказание всегда манили меня. Истории о загадочных убийствах, даже самого низкого пошиба, завораживали. На досуге я сам разрабатывал схемы совершения преступлений, одну сложнее другой.

Когда, по достижении определенного срока, я занял свое место во главе суда присяжных, особое развитие получила иная, тайная сторона моей натуры. Отрадой для меня было наблюдать, как корчится на скамье подсудимых презренный негодяй, заранее испытывая все муки ада при виде неотвратимо приближающейся смерти. Заметьте, при этом меня никогда не радовали мучения невинных. По крайней мере, дважды за свою практику, когда мне казалось, что человек на скамье подсудимых явно, ощутимо невиновен, я прекращал процесс и убеждал присяжных в

том, что в действиях обвиняемого нет состава преступления. К чести нашей полиции, должен заметить, что подобные люди редко попадали на скамью подсудимых.

Скажу сразу, что случай Эдварда Ситона сначала казался именно таким. Его внешность и манера держать себя были обманчивы, он сразу произвел хорошее впечатление на присяжных. Улика против него была, ясная, хотя и неброская; но не она одна, а прежде всего мое знание преступной психологии подсказало мне, что он действительно совершил то убийство, в котором его обвиняли – жестокое убийство пожилой женщины, чьим доверием он пользовался.

У меня репутация вешателя, что в корне неверно. Я всегда был суров, но неизменно справедлив, и, подводя итог слушанию дела, вникал во все его детали.

Однако я особенно заботился о том, чтобы оградить присяжных от влияния прочувствованных и эмоциональных речей наших самых прославленных защитников. Для чего всегда возвращал их мыслью к вещам очевидным.

В последние годы я ощутил перемену в себе – я стал хуже контролировать свои стремления, мне хотелось действовать, а не сидеть в кресле судьи в парике и мантии.

Мною овладело желание – пора честно в этом признаться – самому совершить убийство. В нем я распознал властно заявляющую о себе жажду художника к самовыражению! Я был – в душе – художником убийства! Мое воображение, давно подчиненное диктату профессии, не иссякло – напротив, оно сформировалось в независимую и неодолимую силу.

Я должен, должен, должен был кого-то убить! И не просто убить, но сделать это так, как не делал еще никто и никогда до меня! Это должно было быть фантастическое, ошеломляющее убийство, равного которому не видел мир! В этом отношении я как был подростком, так им и остался, признаюсь.

Мне виделось нечто театральное, невысказанное!

Я хотел убивать... Да, я жаждал убийства.

Однако во мне уживались несовместимые стремления, и не менее острая жажда справедливости взнуздывала и окорачивала меня. Невинный не должен был пострадать.

И вдруг меня осенило – идею подсказало одно незначительное замечание, прозвучавшее в банальном разговоре. Я говорил с доктором – обычным, ничем не выдающимся врачом общей практики. Он заявил –

без всякой задней мысли, – что множество преступлений совершаются в той сфере, к которой закон вообще не имеет касательства.

И он рассказал мне об одном недавнем случае – у него умерла пациентка, пожилая леди. Он считал, что в ее смерти была виновна служившая в ее доме супружеская пара – они не дали ей вовремя лекарства, и они же получили по ее завещанию неплохое наследство. Подобные вещи, объяснил он тогда, вообще-то недоказуемы, но он, со своей стороны, не сомневался, что все было именно так. И добавил, что такое случается то и дело – преднамеренные убийства, не преследуемые законом.

Так все и началось. Мой будущий путь стал мне совершенно ясен с тех пор. И я решил, что совершу не одно убийство, но сразу несколько.

Мне вспомнился стишок, который я знал в детстве, – про десять негрятят. Он очаровал меня еще в нежном возрасте двух лет – неумолимостью вычитания, ощущением безысходности.

И я начал втайне подыскивать жертвы...

Не буду занимать место подробностями того, как именно это происходило. Я разработал определенную модель разговора, которую применял всякий раз, с кем бы мне ни доводилось вступить в беседу, – и полученные результаты меня удивили. Так, лежа в больнице, я услышал историю доктора Армстронга – ее рассказала мне одна сестра, заклятый враг алкоголя. Она привела мне гибельный пример врача, который, оперируя под влиянием алкоголя, убил больную. Безобидные вопросы о том, где училась и проходила практику сама сестра, вскоре дали мне всю необходимую информацию. Я без труда узнал, кто была пациентка и как звали врача.

Сплетничая с двумя старыми офицерами у себя в клубе, я узнал о генерале Макартуре. Человек, недавно вернувшийся из джунглей Амазонки, выложил мне все о деяниях Филиппа Ломбарда. Негодующая мемсахиб^[15] с Майорки поведала мне историю набожной пуританки Эмили Брент и ее несчастной горничной. Энтони Марстона я сам выбрал из большой группы людей, совершивших аналогичные преступления. Его необоримая душевная черствость и полная неспособность признать свою ответственность за отнятые им жизни делали его, на мой взгляд, опасным для общества и не заслуживающим жизни. Бывший инспектор Блор возник на моем пути совершенно естественно – мои собратья по профессии откровенно и эмоционально обсуждали дело Ландора. То, что сделал Блор, показалось мне серьезным. Полицейские, как слуги закона, должны быть кристально честными людьми. Ведь им обычно

верят на слово уже потому, что они одеты в мундир.

Последним в моей копилке стал случай Веры Клейторн. Его я приобрел, пересекая Атлантику. Как-то вечером я оказался в курительной один на один с молодым человеком по имени Хьюго Хэмилтон.

Этот молодой человек был несчастен. Пытаясь унять душевную боль, он много выпил и в тот момент как раз дошел до стадии слезливых признаний. Без особой надежды на успех я начал проводить его через обычную рутину своих вопросов. Результат поразил меня самого. Я до сих пор помню его слова. Вот что он говорил:

– Вы правы. Убийство совсем не такое, каким представляет его себе большинство людей. Чтобы убить, не обязательно вливать кому-то лошадиную дозу мышьяка в чай или толкнуть человека с утеса. – Он подался вперед так, что мы едва не столкнулись носами, и продолжил: – Я знал одну убийцу – лично знал, говорю вам. Более того, я был от нее без ума... Господи, помоги мне, иногда мне кажется, что я до сих пор ее не забыл... Это был ужас, настоящий ад, говорю вам. Понимаете, она ведь убила вроде как из-за меня... Хотя я и думать тогда не думал... Женщины – гарпии... абсолютные гарпии... кто бы мог подумать, что такая девушка – прямая, честная, веселая – способна убить? Что она способна заманить ребенка в море и дать ему утонуть... разве можно поверить, что женщина способна совершить такое?

Я спросил его:

– Вы уверены, что она это сделала?

Хэмилтон ответил, и мне даже показалось, что он протрезвел:

– Совершенно уверен. Никто больше об этом не подумал. Но я сразу понял, едва взглянув на нее – когда вернулся – после... И она поняла, что я все понял... Она не поняла одного – я любил этого ребенка...

Больше он ничего мне не сказал, но разузнать подробности этой истории, с кем она приключилась и когда, труда уже не составило.

Мне была нужна десятая жертва. Я нашел ее в человеке по имени Моррис. Мелкая тварь, мастер темных дел. Среди прочего он приторговывал наркотиками: втянул дочь моих друзей в зависимость, сделал ее наркоманкой. В возрасте двадцати одного года она покончила с собой.

Занимаясь поисками, я постепенно обдумывал план. Он почти созрел, когда я разговорился с одним врачом с Харли-стрит, и эта беседа увенчала мой замысел. Я упомянул, что уже перенес одну операцию. Специалист с Харли-стрит сказал, что вторая не принесет желаемого результата. Конечно, он постарался преподнести неприятное известие

как можно мягче, но у меня профессиональная привычка проникать в суть любого обмана.

Я не сказал доктору о своем решении, о том, что моя смерть не будет мучительной и долгой, как диктует в таком случае природа. Нет, я умру, наслаждаясь. И проживу перед смертью целую жизнь.

А теперь о том, как именно было совершено преступление на Негритянском острове. Купить остров, пользуясь услугами этого типа, Морриса, который действовал от моего имени, оказалось легко. Он был эксперт в делах такого рода. Прoceдив всю информацию о будущих жертвах, которая имелась у меня, я сумел состряпать подходящую приманку для каждого. Ключнули все. Восьмого августа мои гости прибыли на остров. С ними приехал и я.

К тому времени Моррис уже открыл счет. Он страдал несварением. Покидая Лондон, я дал ему капсулу, которую посоветовал принять, ложась в постель вечером, – якобы точно такая же сотворила чудо с моим желудком. Он взял ее не колеблясь – этот тип имел легкую склонность к ипохондрии. Того, что он оставит компрометирующие меня записи, я не боялся. Моррис был не из тех, кто доверяет бумаге.

Порядок смертей на острове я продумал с особым тщанием. Я решил, что все мои гости различаются по степеням вины. Те, чье преступление показалось мне менее тяжким, должны были умереть первыми, не подвергаясь длительному давлению страха и тому нервному напряжению, которое ждало самых хладнокровных преступников.

Энтони Марстон и миссис Роджерс первыми отправились в мир иной: один – мгновенно, другая – во сне. Марстон, как я понял, родился с дефектом – у него отсутствовало чувство моральной ответственности, обычно присущее всем людям. Он был аморальный тип – язычник по духу. Вина же миссис Роджерс состояла в том, что она слепо повиновалась мужу, – в этом я был уверен.

Нет нужды вдаваться в подробности того, как именно эти двое встретили свою смерть. Полиция разберется. Цианистый калий с легкостью покупают огородники для истребления ос. У меня было с собой немного этого яда, а подсыпать его в стакан Энтони Марстону во время всеобщей паники, которая началась, едва отзвучала пластинка, оказалось легко.

Кстати, пристально наблюдая за моими гостями в момент оглашения приговора, я по их лицам понял, что виновны все до единого.

В последнее время у меня начались ночные боли, и мне прописали

снотворное – хлоралгидрат. Но я не принимал лекарство, а копил его до тех пор, пока не набралось достаточно для смертельной дозы. Когда Роджерс понес жене бренди, он сначала поставил стакан на стол, а я, проходя мимо, незаметно опустил в него снотворное. Это было совсем легко, ведь подозрительность тогда еще не проникла в умы приглашенных.

Генерала Макатура ждала почти безболезненная смерть. Он не слышал, как я подошел к нему сзади. Зато мне пришлось очень тщательно выбирать время, чтобы отлучиться к нему с террасы. Но все прошло удачно.

Как я и полагал, гости тщательно обыскали весь остров и убедились, что на нем нет никого, кроме нас семерых. Открытие привело к установлению атмосферы подозрительности. Согласно моему плану, мне вскоре должен был понадобиться сообщник. Я выбрал на его роль доктора Армстронга. Он был легковверен, знал меня в лицо, много слышал обо мне, а следовательно, не мог представить, чтобы человек моего рода занятий и положения в обществе оказался убийцей! Все его подозрения были направлены против Ломбарда, и я поддерживал его в этом заблуждении. Я намекнул ему, что у меня есть план, как заставить убийцу выдать себя.

Тем временем в доме уже обшарили все помещения, но до личного обыска дело еще не дошло. Хотя и он был уже не за горами.

Утром десятого августа я убил Роджерса. Он рубил дрова для плиты и не слышал, как я подошел. Ключ от двери в столовую я нашел у него в кармане. Он запер ее накануне вечером.

В суматохе, последовавшей за обнаружением тела Роджерса, я проник в комнату Ломбарда и изъясил его револьвер. Я знал, что он у него точно есть, – ведь я сам проинструктировал Морриса, чтобы тот намекнул ему на желательность его присутствия.

За завтраком я подсыпал оставшуюся у меня дозу хлоралгидрата в кофе мисс Брент, когда доливал ее чашку. Женщина осталась в столовой. Немного погодя я проник туда снова – она почти спала, и вколоть ей хорошую дозу цианида было совсем несложно. Шмель был совсем ни при чем – так, детская шалость, – но эта деталь грела мне душу. Я вообще старался как можно ближе придерживаться текста песенки.

Сразу после этого случилось давно предвиденное – да и как ему было не случиться, я же сам намекал на такую необходимость. Мы тщательно обыскали друг друга. Но я уже спрятал револьвер, а хлоралгидрат и цианид, бывшие в моем распоряжении раньше,

закончились.

Именно тогда я намекнул Армстронгу, что пора привести в действие мой план. Он был прост – я выдавал себя за следующую жертву. Предполагалось, что мое внезапное убийство потрясет убийцу; кроме того, после своей «смерти» я смогу передвигаться по дому и шпионить за неизвестным злодеем.

Армстронгу пришлось по душе моя идея. Мы осуществили ее в тот же вечер. Маленькая нашлепка красноватой грязи на лоб, красная занавеска и серая шерсть – как театральный реквизит. Колеблющееся пламя свечей делало все вокруг размытым и нечетким, а единственным человеком, который осматривал меня, был Армстронг.

Все прошло как нельзя лучше. Мисс Клейторн орала, как резаная, когда нашла у себя в комнате водоросли, которые я заботливо подвесил к потолку. Все понеслись к ней, а я нарядился и вытянулся в кресле, точно мертвый.

Моя «смерть», когда все спустились и обнаружили меня внизу, произвела в точности желаемый эффект. Армстронг сыграл свою роль профессионально. Меня отнесли наверх и положили на кровать. А потом и думать обо мне забыли – так все боялись друг друга.

Без четверти два пополуночи у меня была назначена встреча с Армстронгом. Я отвел его за дом, на край утеса. Объяснил, что оттуда нам будет виден всякий, кто попытается приблизиться к нам, мы же не будем видны никому из дома, так как окна спален выходят на другую сторону. Он все еще ничего не подозревал – а ведь должен был бы, если бы помнил слова из песенки про крючок... Но он заглотил его, как мишень, – и был пойман.

Все прошло как нельзя проще. Я вскрикнул, наклонился над краем утеса и сказал, что вижу нечто похожее на лаз в пещеру. Он тут же наклонился вслед за мною. Резкий толчок, он потерял равновесие и с плеском обрушился в море. Я вернулся в дом. Наверное, Блор слышал мои шаги. Покидая комнату Армстронга, я нарочно немного пошумел, чтобы меня наверняка кто-нибудь услышал. Спускаясь с лестницы, я услышал, как наверху отворилась дверь. Меня должны были заметить, когда я выходил на улицу.

Спустя минуту-другую они последовали за мной. Я обошел дом кругом и влез внутрь через окно столовой, которое заранее оставил открытым. Затем закрыл его, а позже разбил стекло. Потом я поднялся наверх и спокойно улегся на кровать.

Я предполагал, что они снова обыщут дом, но был уверен, что

трупы трогать не станут – ну, разве что откинут простыню-другую, убеждаясь, что это не Армстронг маскируется под мертвое тело. Именно так все и было.

Я забыл сказать, что уже вернул револьвер в комнату Ломбарда. Многие наверняка заинтересуются, где он был во время обыска. В кладовой было множество упаковок с едой. Я открыл верхнюю – кажется, с печеньем, – положил на дно револьвер, а липкую пленку вернул на место.

Мой расчет оказался верным – никому и в голову не пришло рыться в куче не тронутых с виду упаковок, тем более что верхние были запаяны.

Красную занавеску я спрятал, сложив ее в несколько раз, под обивку стула в гостиной, а шерсть – в подушечку для сиденья, прорезав в том и в другом по небольшой дырочке.

И наконец, настал момент, который я предвкушал уже давно, – на острове были всего трое людей, смертельно боявшихся друг друга, причем один из них был вооружен револьвером. Я наблюдал за ними из окна дома. Когда Блор один появился на террасе, я уже ждал его с большими мраморными часами наготове. Это был его последний выход...

Из окна я видел, как Вера Клейторн застрелила Ломбарда. Смелая и изобретательная молодая особа. Я всегда считал, что она ему ни в чем не уступит, а в чем-то и перещеголяет. Как только это произошло, я отправился готовить декорацию в ее спальне.

Я поставил любопытный психологический эксперимент. Будет ли достаточно сознания собственной вины и нервного напряжения от только что совершенного убийства вкупе с суггестивным воздействием обстановки, чтобы заставить убийцу покончить с собой? Я считал, что да. И оказался прав. Вера Клейторн повесилась прямо на моих глазах – я наблюдал за нею, притаившись за гардеробом.

Итак, финальная сцена. Я подошел, взял стул и поставил его в один ряд с другими. Поискал револьвер и нашел его на верхней ступеньке лестницы, там, где его уронила самоубийца. Подобрал, стараясь сохранить ее отпечатки.

А что теперь?

Я закончил писать. Этот документ я положу в бутылку, запечатаю и брошу в море.

Зачем?

Вот именно, зачем?

Мне всегда хотелось сочинить такое убийство, загадку которого не сможет разгадать никто.

Но, как я теперь понимаю, акт творчества сам по себе еще не служит удовлетворению художника. Существует еще жажда признания, не утолить которую невозможно.

Вот и у меня, смиренно признаю, есть одно жалкое в своей человечности желание: чтобы кто-нибудь оценил, как я был умен при жизни...

Полагаю, что, если бы не моя слабость, тайна убийства на Негритянском острове осталась бы нераскрытой. Ну, разве что полиция окажется умнее, чем я думаю. В конце концов, три ключа все же есть. Первый: полицейские прекрасно знают, что Эдвард Ситон был виновен. Следовательно, они могут сообразить, что один из прибывших на остров был невиновен, а значит, он-то и убил всех остальных. Второй намек кроется в песенке. Смерть Армстронга соответствует куплету с крючком, на который попадает один из негритят. Можно предположить, что тут имел место подлог, подмена, которая привела легковверного Армстронга к смерти. Если вдуматься, из этого эпизода можно вытянуть хорошую ниточку, которая поведет расследование в новом направлении. Ведь к тому времени на острове остались четверо, а из всех четверых доверие ему мог внушить только я.

Третий ключ символический. Я намеренно избрал такой способ смерти, который метит меня каиновой печатью на лбу.

Больше объяснять, я думаю, нечего.

Поручив бутылку с моим посланием морю, я поднимусь наверх, в свою комнату, и лягу на кровать. Мое пенсне висит на черном шнурке – он эластичный. Я положу пенсне под себя. Шнурок я привяжу одним концом к ручке двери, а другим – не крепко – к револьверу. Произойдет, по моим предположениям, следующее.

Пальцем обернутой в носовой платок руки я нажму на спусковой крючок. Моя рука упадет, револьвер на эластичном шнурке отскочит к двери, ударится об ручку, и, освободившись, упадет на пол. Отпущенная на свободу резинка отлетит и свернется рядом с моим пенсне, поверх которых будет лежать мое тело. Носовой платок на полу вряд ли вызовет у кого-нибудь подозрения.

Меня найдут лежащим на собственной кровати, с дыркой во лбу – все так, как описали в своих дневниках мои товарищи по несчастью. К тому времени, когда нас найдут, время смерти уже нельзя будет установить точно.

Когда море успокоится, с берега придут лодки. Прибывшие на них люди найдут на Негритянском острове десять мертвецов – и неразрешимую загадку.

Лоуренс Уоргрейв

notes

Примечания

1

Крестьянство (*ит.*).

Харли-стрит – улица в Лондоне, получившая известность в XIX в. благодаря множеству обосновавшихся там специалистов различных областей медицины – высокого уровня и с высокими ставками.

3

Имеется в виду Первая мировая война.

Пс. 9:16–18.

Имя У.Н. Оуэн записывается по-английски как U.N. Owen и звучит как «unknown» – «неизвестный».

6

Пукка сахиб (*англо-инд.* rukka sahib) – истинный джентльмен.

Первая строка католической и англиканской заупокойной мессы Requiem.

Царь Давид намеренно послал на смерть Урию, на супруге которого он затем женился. *Ветхий Завет, Вторая книга Царств, 11:15.*

9

Марка сухого красного вина.

Числ. 32:23.

Хладнокровие (*фр.*).

Петр. 5:7.

Пс. 90:5.

Бродмур – тюрьма-лечебница для душевнобольных.

Мемсахиб – почтительное обращение к замужней белой женщине в Индии.

Table of Contents

[Агата Кристи Десять негритят](#)

[Примечание автора](#)

[Глава 1](#)

[I](#)
[II](#)
[III](#)
[IV](#)
[V](#)
[VI](#)
[VII](#)
[VIII](#)

[Глава 2](#)

[I](#)
[II](#)
[III](#)
[IV](#)
[V](#)
[VI](#)
[VII](#)
[VIII](#)
[IX](#)
[X](#)
[XI](#)
[XII](#)

[Глава 3](#)

[I](#)
[II](#)
[III](#)

[Глава 4](#)

[I](#)
[II](#)
[III](#)
[IV](#)

[Глава 5](#)

[I](#)

	<u>II</u>
	<u>III</u>
	<u>IV</u>
	<u>V</u>
	<u>VI</u>
<u>Глава 6</u>	
	<u>I</u>
	<u>II</u>
	<u>III</u>
	<u>IV</u>
<u>Глава 7</u>	
	<u>I</u>
	<u>II</u>
	<u>III</u>
<u>Глава 8</u>	
	<u>I</u>
	<u>II</u>
	<u>III</u>
	<u>IV</u>
	<u>V</u>
	<u>VI</u>
	<u>VII</u>
<u>Глава 9</u>	
	<u>I</u>
	<u>II</u>
	<u>III</u>
	<u>IV</u>
	<u>V</u>
	<u>VI</u>
	<u>VII</u>
<u>Глава 10</u>	
	<u>I</u>
	<u>II</u>
	<u>III</u>
	<u>IV</u>
	<u>V</u>
	<u>VI</u>
	<u>VII</u>
<u>Глава 11</u>	

I
II
III
IV
V
VI

Глава 12

I
II
III
IV
V

Глава 13

I
II
III

Глава 14

I
II
III
IV
V
VI
VII

Глава 15

I
II
III
IV

Глава 16

I
II
III
IV

Эпилог

Рукопись, присланная в Скотленд-Ярд хозяином рыболовного судна «Эмма Джейн»

Примечания

[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)